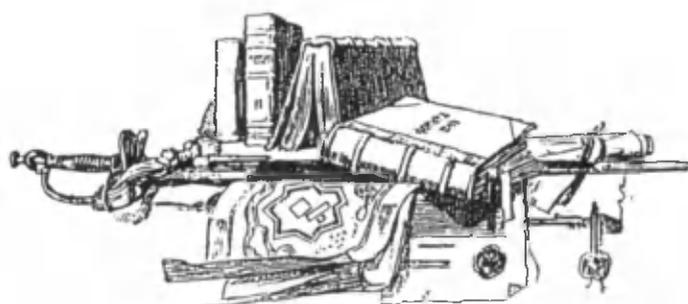

**ВЫШЕДШИМ
ИЗ ГНЕЗДА СЛЕПОГО
КЕЛЬ-АЛИ-ХАНА
НАХИЧЕВАНСКОГО
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

ИВАНОВ Р. Н.

**ОБОРОНА БАЯЗЕТА:
ПРАВДА И ЛОЖЬ**

6 июля
1877

28 июля
1877

Документальная повесть

Издание второе,
исправленное и дополненное

Герои Отечества ·
МОСКВА · 2005

9(с) 181.2 - Рус.-Турец. война

УДК 94(47+57)«18»: 355.4

ББК 63.3(2)522-68-8

И-20

**Книга издана
на средства
автора**

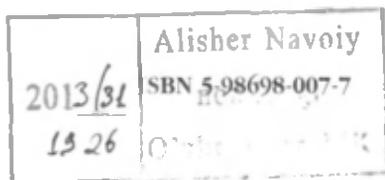
Р.Н. ИВАНОВ

И-20 Оборона Баязета: правда и ложь. Документальная повесть. — Изд. 2-е, испр. и доп., М., Герои Отечества, 2005, — 224 с., 24 илл.

ISBN 5-98698-007-7

Летом 1877 года, во время Русско-Турецкой войны (1877—1878 гг.), небольшой русский гарнизон крепости Баязет, лишенный воды и пищи, в условиях неимоверной жары и повседневного штурма, героически выдержал 23-х дневную блокаду многотысячного турецкого войска и был освобожден русским отрядом. Цитадель оказалась не подготовленной к осаде, и лишь случайные причины способствовали спасению гарнизона. Во время блокады в крепости произошли события, о которых долгие годы российские власти умалчивали. На арене этой небольшой эпопеи оказалось два героя, один из которых — как бы утвержденный властями, а другой — истинный, имя которого затеялось. В историческом повествовании «Оборона Баязета: правда и ложь» на богатом архивном и литературном материале повествуется история героической обороны Баязета, а также объясняются поводы и причины искажения действительных событий.

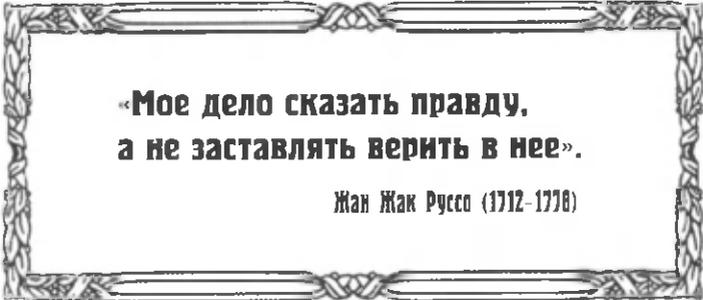
Книга рассчитана на российских и зарубежных читателей, в том числе на солдат и военачальников Российской Армии. Может оказаться полезной студентам и научным работникам исторического профиля.

© Текст, оформление
и иллюстрации.
Р.Н. Иванов, 2005 г.

К ЧИТАТЕЛЮ

**«Мое дело сказать правду,
а не заставлять верить в нее».**

Жан Жак Руссо (1712-1778)

летом 1877 года, когда жаркое дыхание Русско-турецкой войны ощущалось на всей территории многонациональной Российской Империи, мир облетела весть об ошеломляющем героизме осажденных в крепости Баязет. Небольшой российский гарнизон в цитадели Баязет, лишенный воды и пищи, вынужденный питаться дохлятиной и пить собственную мочу, изнуренный неимоверной жарой и повседневным штурмом, достойно выдержал натиск многотысячного войска турок. После 23-х дней жестокой осады отважный гарнизон был с боем освобожден российскими войсками. Этот очень выигрышный сюжет из жизни победоносной Российской Армии мог бы послужить темой для многочисленных очерков и даже книг. Лучшей пропаганды силы духа российских воинов, их самоотверженности и преданности Царю и Отечеству не придумать. Между тем, оказалось, что цитадель, не выдержав суровых условий осады, вынуждена была выбросить белый флаг капитуляции. Предвкусная захват крепости, к ее воротам устремились толпы вооруженных турок.

Белый флаг, правда, вскоре был сорван, и цитадель с новой силой начала обороняться. Но факт попытки капитулировать все же был. И этот факт — еще не та ложка дегтя в большой бочке меда, которой можно пренебречь. Русские власти усмотрели в происшедшем еще одну крамолу. Белый флаг был поднят по приказанию начальника гарнизона — офицера православного вероисповедания, а сорван тоже по приказанию офицера, но уже мусульманина. Была в этой эпопее усмотрена еще одна нежелательная деталь: после эдакого позорного факта **полковник Исмаил-хан Нахичеванский**, по своей инициативе и как старший по чину, возглавил оборону Баязета и до последнего дня был душой этой легендарной эпопеи.

После освобождения Баязета, переполненные чувством гордости за своих воинов, российские власти

порешили вознаградить всех отважных, а Исмаил-хана наградить по-царски. Решено также изъять из всех официальных документов факт капитуляции, а бесменным руководителем прославленной обороны сделать офицера православной веры. Им оказался комендант цитадели капитан Штоквич.

А что мусульманин-полковник Исмаил-хан? Этот офицер долгие годы считался заслуженным участником обороны Баязета, но не более. Российские власти при жизни Исмаил-хана так и не заявили обществу, что капитуляция цитадели Баязет все же была и именно Исмаил-хан Нахичеванский спас Россию от позора сдачи крепости Баязет противнику.

Нашим современникам, быть может, и не понять, почему отдано предпочтение православному офицеру. Ведь все офицеры, независимо от вероисповедания, служили на верность Государю Императору. Так-то оно так. Но гнойничок ксенофобии на теле Императорской России все-таки присутствовал, и военным властям поэтому захотелось в войне с мусульманской страной прославить веру православную. Историческая истина задвигалась ширмой лжи. Политика оказалась сильнее правды.

Поскольку руководителем этой легендарной обороны был сотворен капитан Федор Эдуардович Штоквич, а не полковник Исмаил-хан Нахичеванский, то все общественные почести были возданы православному офицеру. Долгие годы офицеру Штоквичу доставались незаслуженные лавры руководителя обороны Баязета.

В книге читатель увидит, что героизм осажденных был вынужденным. В результате безответственности восначальников цитадель Баязета не была подготовлена к блокаде. В бедствиях обороняющихся комендант капитан Штоквич был повинен в особой степени, но что бы не испортить образ коменданта Штоквича, этот факт затенялся.

Сразу же после освобождения Баязета командование Кавказской Армией поручило генералу К.К. Гейнсу провести расследование всего происходившего в крепости во время 23-дневного «сидения» и разобраться в

попытке сдачи цитадели туркам. В расследовании подтверждено все, что действительно случилось в цитадели. Позднее К.К. Гейнс опубликовал обширные материалы по Баязетскому сидению с обилием свидетельств самих участников осады, включая и правду об Исмаилхане Нахичеванском Г.Г. (*Славное Баязетское сидение, «Русская Старина», 1885, №№ 1, 2, 3*). На материалы генерала К.К. Гейнса мы будем ссылаться по ходу изложения событий.

Благодаря усилиям крупного военного журналиста Максуда Алиханова, 12 апреля 1895 года газета «Кавказ» опубликовала сенсационные воспоминания Исмаилхана с новыми деталями правды об обороне Баязета. Но и после этих мемуарных достаточно авторитетных публикаций власти оставались при своем мнении.

Уже когда работа над книгой близилась к завершению, нам удалось разыскать материалы судебного процесса над турецким дивизионным генералом Фаик-пашой. Генерал был отдан под трибунал, как утверждает, за «дурные действия и ошибки», которые привели к длительному противостоянию цитадели и ее освобождению русскими войсками. Таким образом, новые и неопровержимые факты заставили изменить расстановку акцентов. Из материалов судебного расследования следовало, что не будь грубейших нарушений со стороны турецких военачальников, малочисленный и не подготовленный к осаде гарнизон Баязета сложил бы оружие или был бы уничтожен.

С тех пор прошло почти 85 лет! Советскому обществу был предложен роман В.С. Пикуля «Баязет», в котором исторические страницы баязетской трагедии подверглись фундаментальной ревизии, но только уже с учетом пропаганды порочности государственного строя Императорской России. Русский офицер, выбросивший капитуляционный флаг, якобы пребывал в буйстве алкоголизма, а мусульмане в романе изображены трусами, лгунами и выискивавшими случая изменить России в пользу турок. Национально-патриотический накал, хотя и без особых акцентов на вероисповедание, все равно у Пикуля торжествовал.

Казалось, в демократической России не должно быть места историческим фальсификациям. В сильно переключенных отдельных страницах российской истории следовало бы восстановить истину. Мы вправе знать правду о своем прошлом, пусть даже горькую. Но оказывается, пора исторической достоверности еще не пришла. Пока происходит, как в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя: Чичиковы уже пришли, но время для них еще не наступило.

Осенью 2003 года по телевидению состоялась премьера 12-серийного фильма «Баязет», поставленного по роману В.С. Пикуля. Фильм хорошо сделан, блестяще сыгран, насыщен великолепными массовыми батальными съемками. Представительный коллектив продемонстрировал способность создавать яркие и монументальные исторические полотна, но беда-то в том, что для фильма выбран не достоверный исторический сюжет.

Не хотелось бы огорчать талантливых создателей фильма «Баязет», но, к большому сожалению, с голубого экрана потекла мутная река исторической фальши и небылиц.

У В.С. Пикуля в разное время были многотысячные тиражи, но в последние годы интерес к его творениям угасал, и роман «Баязет», уже сыгравший свою роль, вместе с перекрестной историей, тихо уходил в прошлое. Завораживая зрителя, постановщики фильма заодно возродили и роман. У современного телефильма многомиллионная аудитория. Получается, что обществу, с помощью мощных средств «мозговой атаки», навязывается захватывающее душу плавание в безбрежном океане уже забытой лжи. Возрождение исторических небылиц для нынешних поколений, да еще в наше неспокойное время, когда Кавказ не может до сих пор залечить раны войны в Чечне, вряд ли будет служить укреплению нравственности и стабилизации российского многонационального общества. Современной России, как эликсир для оздоровления тела, необходима правдивая историческая быль, и российское телевидение, как нам представляется, может и обязано быть проводником правды о прошлом нашего Отечества.

Выступления **«Независимого Военного Обзорения»** (еженедельное приложение к «Независимой Газете» №№ 42 и 43 за 2003 год) и газеты **«Северный Кавказ»** (№№ 47, 50, 51—52 за 2003 год и № 6 за 2004 год) в защиту правды об обороне Баязета и ее главного героя вызвали активную реакцию общественного мнения как в стране, так и за рубежом (телефонные звонки и письма в редакции, множество выступлений на форуме Интернет-сайта «НГ»). Преобладающее большинство мнений высказалось в поддержку нашей позиции. Отозвались и зрители с противоположными суждениями. Сердечное спасибо всем!

Заранее хотели бы уведомить создателей фильма «Баязет» и читателей, что эта книга никоим образом не призвана полемизировать с романом и с фильмом «Баязет» и тем более не нацелена их опорочить.

Наше повествование охватывает период, начиная с далекого июня 1877 года, когда маленький эпизод российской истории начал окутываться покровом фальши. Воссоздавая реальную действительность для нашего читателя, защищая от извращений далекую быль с ее реальными образами, никак не уйти от упоминания многочисленных фактов искажения истины. В этой связи уделено некоторое внимание роману В.С. Пикуля и фильму «Баязет», в отдельных случаях приходится к ним обращаться.

Потенциал малотиражной исторической книги, к сожалению, слабо влияет на духовные вкусы и потребности народов России. Напротив, телевидение ныне полноправно царствует в мире коммуникаций. И все равно, информационный ресурс страны и мира, в лице национальных библиотек и крупных научных центров, пополнится еще одним произведением печати, в котором воскресается правда о событиях почти 130-летней давности.

Ничто так не воспитывает народную нравственность, как знание своей истории. Сознание этого и привело нас к мысли выпустить документальную повесть «Оборона Баязета: правда и ложь».

Второго издания этой книги могло и не быть, но первое — было искорежено и по форме, и по содержанию. Потом несколько месяцев книга оказалась еще и не востребованной. Когда к печати было подготовлено второе, переработанное издание, новые покровители, вдруг, спохватились и ласково попросили перекроить верстку. Разумеется, не в интересах истины. Бескорыстных спонсоров становится все меньше и меньше.

Во имя сохранения в чистоте авторского замысла, решено обойтись без покровителей и выпустить второе издание на собственные средства и при содействии настоящих друзей. Им и заслуженные теплые слова.

Глубокая сердечная признательность добросовестному и верному моему помощнику **Е.П. Анисимовой** и благородному соратнику **Г.М. Гайдарову**.

Благодарю бескорыстного покровителя многострадального первого издания **И.Г. Гаджиева**.

Еженедельник «Независимое Военное Обозрение» (**В.А. Соловьев, В.А. Мясников**), региональная газета «Северный Кавказ» (**А.М. Казиханов, М.А. Абдулхабилов**) первыми поведали общественности правду о героическом Баязетском сидении и выступили в защиту истины. Низкий вам поклон!

С благоговением вспоминаю верных своему долгу **Т.Ю. Бурмистрову, А.Л. Корнилаеву** и их коллег из волшебного кладезя ратной памяти — Российского Государственного Военно-Исторического Архива (РГВИА). И дай-то Бог, чтобы РГВИА еще долгие годы щедро одаривал мир золотым дождем исторической правды.

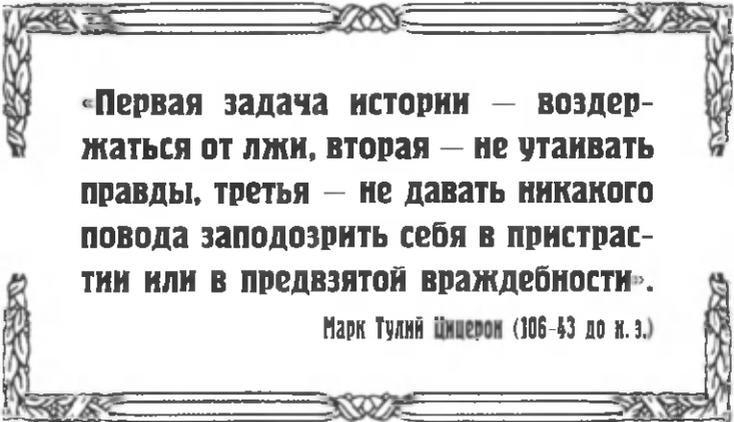
Братья **Айдын** (Баку) и **Фуад** (Москва) **Гаджиевы** любезно предоставили для издания редкую фотографию Исмаил-хана Нахичеванского, а Фуад Гаджиев, на всем тернистом пути книги к изданию, одаривал добрыми надеждами. Спасибо вам, дорогие друзья.

Выражаю добрые чувства и симпатии Чрезвычайному и Полномочному Послу **Э.Г. Кулиеву** за идею создать книгу об обороне Баязета, а Вице-президенту Всероссийского Азербайджанского Конгресса **Агамирову Н.И.** — за постоянное внимание к проблемам ее издания.

А теперь, в добрый путь, дорогой Читатель!

А ТОТ ЛИ БАЯЗЕТ?

«Первая задача истории — воздержаться от лжи, вторая — не утаивать правды, третья — не давать никакого повода заподозрить себя в пристрастии или в предвзятой враждебности».

Марк Тулий Цицерон (106-43 до н. э.)

В сентябре-октябре 2003 года вся Москва была увешана красочными рекламными щитами, анонсирующими предстоящую на телеканале «Россия» демонстрацию многосерийного телевизионного фильма «Баязет» о событиях Русско-турецкой войны 1877-1878 годов. Ожидалось, что на экране мы увидим что-то необычайно грандиозное, величественное, имеющее историческую значимость для всей России.

Сценарий фильма создавался по одноименному роману В.С. Пикуля «Баязет», и своим рождением картина услужливо открывала путь к переизданию уже позабытых творений Валентина Саввича Пикуля. В издательстве «Вече», где этот роман пролеживал, быстро сообразили, что вновь настало благоприятное время для его переиздания. И оно состоялось.

Роман В.С. Пикуля «Баязет» был написан в советские времена по социальному заказу. Автор своего первого романа был тогда в возрасте Христа. В советские времена таких начинающих романистов достаточно редко допускали к писанию исторических полотен. Валентина Пикуля допустили. Любое, тем более красочное, извращение истории Императорской России, если оно способствует победному шествию Страны Советов и дискредитации царской власти, тогда поощрялось. В противном случае, издать в 1961 году столь объемистый роман еще малоизвестному писателю было бы просто невыносимо.

Валентину Пикулю не надо было изощряться. Неоспоримый писательский дар оказался потребным обществу, которое строило в отдельно взятой стране свой новый мир со своим видением истории. Поэтому необыкновенная страсть автора к историческим домыслам и небылицам отвечала целям политической доктрины СССР. «Баязет» был издан и разошелся под громкие аплодисменты. В советские времена роман неоднократно переиздавался и хорошо расхвалился. Молоде-

жью, которая априори доверяла небылицам, фантазия автора принималась за действительность. Читатель может нас прервать: дескать, разве не может иметь романист право на фантазию? Может, но в отношении созданных им образов, а не реальных исторических персонажей.

На самом деле, романист В.С. Пикуль был опытным документалистом-самородком. Он располагал всеми необходимыми историческими документами, пользовался услугами архивов, имел в своем доме в Риге представительную историческую коллекцию. Держа в руках достоверное описание исторического события, он с удивительной ловкостью и присущим ему талантом создания фальшивой интриги, незаметно уходил от истины и убедительно уводил от нее читателя. Думаю, что живи теперь и имея покровителей, талантливый Валентин Саввич, несомненно, обогатил бы историю новыми историческими произведениями. Тогда же он находился под прессом социального и политического заказа и потому-то и изобретал свою, «пикулевскую», закуску для фальши — той самой, которая с ювелирным искусством выполняла социальную функцию «кройки истории» и одновременно собирала миллионные заказы на книги.

Народная мудрость напоминает, что об ушедших ничего не говорят или говорят только хорошее. Писатель В.С. Пикуль был талантом от Бога, его же искажения в исторических произведениях пусть останутся на совести заказчиков.

А теперь обратимся к самому фильму «Баязет».

В двух новых изданиях романа «Баязет» содержалась реклама телевизионной версии. Редчайший случай, когда книга рекламирует фильм, а не наоборот! Телеканал «Россия» сотворил как бы оригинальный сплав книжного произведения с телевизионным. Автор этих строк ничего не видит плохого в том, что роман «Баязет» взят за основу фильма. Канва его — прекрасная основа для добротной исторической киноленты. Однако в любом случае совесть ее создателей не освобождается от объективного взгляда в прошлое.

Познакомимся с рекламой, опубликованной телеканалом «Россия» в романе В.С. Пикуля.

О сериале «Баязет»

В 2003 году исполнилось 125 лет со дня победы России в последней русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Про грандиозные потери русской армии не только от сражений, но и от болезней, голода и холода вспоминать как-то не принято. Про оборону крепости Баязет и развернувшееся там одно из самых кровопролитных сражений вообще мало кто знает. Разве только те, кто читал увлекательный роман Валентина Пикуля «Баязет», написанный еще в 1961 году.

Телеканал «Россия» решил экранизировать это произведение в одноименном 12-серийном фильме, который был представлен зрителям в конце 2003 года и вызвал живой интерес. Съемки телесериала провела компания «Президент-фильм» по заказу Телеканала «Россия». Генеральным продюсером проекта выступил Владимир Арсеньев, исполнительным продюсером — Антон Малышев. По сценарию, написанному Эдуардом Володарским при участии Владилена Арсеньева, телефильм сняли режиссеры Андрей Черных и Николай Стамбула.

«Раньше, помнится, у таких фильмов были военные и исторические консультанты. Теперь же за качество и историческую достоверность никто не отвечает...»*

(Из форума на интернет-сайте «Независимой газеты»,
28.11.2003)

На первый план в сериале выходит не столкновение двух миров — христианского и мусульманского, — а тяготы войны, героизм и мужество, которые люди про-

* На самом деле, в титрах сериала значится консультант **Игорь Карпеев** (сотрудник Российского Государственного Военно-Исторического Архива), но роль консультанта, как убедится читатель, вообще не сыграна. Разве такой монументальный телесериал не должен консультировать крупный ученый — историк? (Прим. РИ.)

явили в ее ходе. Съемочная группа столкнулась с серьезными проблемами уже при выборе места съемки. Как рассказал Владилен Арсеньев, место пришлось выбирать очень долго. Настоящая крепость Баязет находится на территории Турции, но снимать там, учитывая суть повествования, было невозможно. Рассматривался вариант съемок на территории Болгарии, но аренда крепости оказалась слишком дорогой, к тому же древние болгарские крепости сегодня слишком осовременены. В итоге остановились на Сирии, древней крепости *Крак де Шевалье*.

«Меня больше поразило в фильме то, что русские солдаты второй половины 19 века были одеты в сапоги, которые я, собственной персоной, носил еще пару лет назад, будучи курсантом века 21-го. Это, конечно, очередной «ляп» создателей фильма, но выглядит очень колоритно. Ну, и возвращаясь к роману, насколько не умаляя писательский талант В. Пикуля, хочется привести слова историка и литературоведа Я. Гордина о том, что произведения Валентина Пикуля скорее являются историческими анекдотами, чем историческими романами...»

*(Из форума на интернет-сайте «Независимой газеты»,
28.11.2003)*

«Я давно хотел снять фильм по роману «Баязет», — сказал Владилен Арсеньев, — а сейчас появилась возможность снять такую большую историческую картину о временах, когда патриотизм не был пустым звуком. Кавказская проблема существовала в России всегда, но сегодня трудно себе представить, чтобы кто-то проявил такой героизм. 24 дня (так по тексту, а фактически оборона длилась 23 дня — Р.И.) крепость Баязет обороняла не простая армия, но именно Российская армия: например, среди прочих оборонял крепость от турок и отряд Исмали-хана нахичеваньского (так написано имя в тексте — Р.И.), которому много раз предлагали перейти на сторону врага. Но он, мусульманин по вере, тем не менее, остался верен присяге и русскому

царю. Почему в трудный момент солдаты и офицеры не меняли своих правил, сохраняли верность присяге? Эти люди способны были в критический момент отбросить сомнения и действовать решительно. Они умели делать выбор между добром и злом».

Творческая группа, создавшая сериал «Баязет», надеется, что он вызовет новый всплеск интереса к романам замечательного русского писателя Валентина Пикюля, имя которого золотыми буквами вписано в отечественную литературу XX века. А телезрители смогут увидеть новые экранизации бессмертных произведений писателя.

(Пикюль В.С. Баязет. Исторический роман. М.: ООО «Изд. Дом «Вече», ООО «Изд. «АСТ», 2004. — с. 494).

Напрашивается вопрос к генеральному продюсеру телесериала Владилену Арсеньеву: «А почему упомянутый в рекламе Исмаил-хан Нахичеванский **«тем не менее, остался верен присяге и русскому царю?»** Разве верность Царю и Отечеству для российского мусульманина являлась в те времена редким случаем? Странные сомнения генерального продюсера фильма, по-видимому, основанные на поверхностном представлении истории России, дали адекватные плоды в телесериале.

В романе «Баязет» образ Исмаил-хана до предела извращен, а в красочном фильме «Баязет» оскорбительные вымыслы в адрес этого русского офицера еще более увеличены.

В начале большого сериала «Баязет» Исмаил-хан представлен зрителю уже опороченным. Вот извлечение из диалога полковника Хвоцинского с поручиком Карабанным:

Хвоцинский: — Как вы думаете, Его Сиятельство Исмаил-хан Нахичеванский провел разведку до конца или же нет?

Карабанов: — Разве у вас есть основание сомневаться?

Хвоцинский: — Да, мне кажется, что Хан врёт! Подполковник русской службы солгал полковнику русской служ-

бы. Позор! Вы, поручик, обратили внимание на милицейских лошадей?

Карабанов: – Нет.

Хвоцинский: – Так вот, они абсолютно свежие. Он не мог сохранить их до Персии и обратно. Врет! Струсил!

Далее еще пример. Когда полковник Хвоцинский говорит подполковнику Исмаил-хану Нахичеванскому, что **«может быть, он чистосердечно ответит, зачем служит в русской армии»**, то от Хана следует ответ: **«Чтобы получить генеральский пенсион и уехать в Мекку. Я не глупее вас...»**

Уважаемому господину Владилену Арсеньеву и всем создателям фильма поясняю, а зрителям и читателям открываю истину, что оказавшемуся в осажденной цитадели Баязета не подполковнику, как в книге и фильме, а полковнику Исмаил-хану Нахичеванскому, отцу 9-ти детей, было уже 59 лет.

Всегда служивший безупречно и отдавший русской армии 51 год, Исмаил-хан Нахичеванский заслужил много российских и иностранных наград, чин генерал-майора он получил за героизм в цитадели Баязет, за отличие по службе – еще два генеральских чина, а затем и солидный пенсион полного генерала кавалерии. Ни о какой Мекке Исмаил – хан, вероятно, никогда и не помышлял. Всю свою долгую жизнь, в окружении своей многочисленной семьи и восхищенных земляков, он провел в родном маленьком городе Нахичевани. Там же он и скончался в возрасте полных 90 лет.

Фильм «Баязет», к сожалению, изобилует фактами исторического извращения. И очень жаль, что могучие силы его производителей потрачены на экранизацию уже не актуального романа, а историческая правда, ждавшая своего часа, в фильме, как и ранее, оказалась затененной.

«В фильме очень много технических ляпов. Например, солдат стреляет из винтовки, затем передергивает затвор и стреляет еще раз! Очевидно, авторам невдомек, что в 1877 году магазинных винтовок на во-

оружии еще не было. Другой пример: поручик Карабанов ведет огонь из револьвера по туркам, находящимся на расстоянии явно большем, чем несколько десятков метров. А ведь дальность прицельного огня из тогдашних револьверов не превышала 15 метров. Также неверно показан огонь артиллерии. Тяжело раненный наводчик наводит пушку на турецкое орудие и после первого выстрела покидает позицию, приказав сделать туда же еще пару выстрелов. А ведь до появления противооткатных устройств в 1890-ые годы прицел орудия после каждого выстрела сбивался, и пушку надо было наводить вновь...»

(Из форума на интернет-сайте «Независимой газеты»,
28.11.2003)

Дабы подчеркнуть грандиозность замысла авторов фильма, в текст книжной рекламы включена небывлица о развернувшемся в Баязете, якобы «*одном из самых кровопролитных сражений*». Не было такого «одного из самых...». Согласно официальным сводкам, с российской стороны в этом сражении «*погибло 2, ранены 21 человек*». Напомним читателю, что в сражении под Эрзерумом у Деве-Бойну 23 октября 1877 года, с участием тех же войск русские потеряли убитыми и ранеными 750 человек, но и это сражение не претендовало на «*одно из самых кровопролитных*».

В фильме не только искажены многие хорошо известные и описанные исторические события и персонажи. В премьере «Баязет» сконструированы образы героев, поступки которых умаляют честь и достоинство офицеров Русской Армии. Не было и не могло быть в Русской Армии как прототипа голливудского боевика Андрея Карабанова, как и не могли находиться на службе офицеры, больные алкоголизмом. Допускаю, что трудно подобрать актерам «исторические» сапоги, но безжалостно извращать образы офицеров Императорской Армии недопустимо. Печальней другое: в нынешней России, где не все благополучно с межнациональными проблемами, телефильм «Баязет» никак не способствует укреплению доверия между православными

и мусульманами. Создателями фильма упущен блестящий шанс упрочить это доверие.

Народная память располагает немалым количеством покоящихся документов, на основе которых могут быть созданы правдивые завораживающие романы и еще более увлекательные телевизионные фильмы. На эти документы ранее не было спроса, потому что они возвеличивают строй, противоречащий коммунистической идеологии. Нельзя не замечать эти документы еще и потому, что понятия о чести и нравственности в Царской Армии были на высоте.

Баязет-не среднеазиатский Мерв, через который в древности проходил легендарный Александр Македонский. Это при описании той далекой эпохи имеется огромное поле для вымыслов и фантазии. И ради Бога!

Баязет — хорошо обозримая историческая страница. РГВИА хранит послужные списки и иные сведения героев Баязета, нам известны многие события, а некоторые — до мельчайших подробностей. По Баязету сохранилась также представительная документальная база в виде Высочайших приказов, военных отчетов, научных статей и мемуаров. Наконец, среди нас живут потомки участников событий второй половины девятнадцатого века, им явно не безразлично, насколько достоверно преподносится прошлое.

Создатели фильма не пошли «дорогой к Храму».

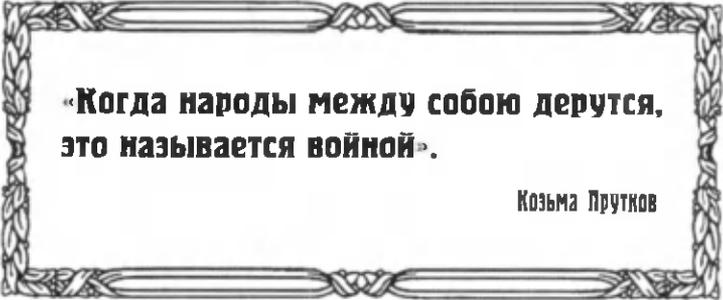
Зачем не устоявшееся еще общество современной России подпитывать исторической фальшью?

Почему утерян интерес к богатому и поучительному прошлому нашего государства? Разве не безнравственно воспитывать подрастающее поколение на искажении исторических реалий?

Ответы на эти и другие вопросы читатель найдет в нашем повествовании.

**ЭРИВАНСКИЙ ОТРЯД
НАСТУПАЕТ
НА БАЯЗЕТ**

A decorative rectangular border with a braided or woven pattern, enclosing the text.

**«Когда народы между собою дерутся,
это называется войной».**

Козьма Прутков

Для борьбы с Турцией в военную кампанию 1877—1878 годов Кавказская Армия выставила на главном театре боевых действий крупное соединение войск, получившее наименование Действующего корпуса. Командование Корпусом поручено известному российскому военачальнику генерал-адъютанту, генералу от кавалерии **Михаилу Тариеловичу Лорису-Меликову** (1825—1888). Корпус состоял из трех отрядов: главного — Александропольского и двух фланговых — Ахалцихского и Эриванского.

Вначале Эриванский отряд планировался как крупное соединение в составе 9-ти батальонов, 22-х эскадронов и сотен, 32-х орудий; были даже попытки довести отряд до целой дивизии. Однако в начале войны ему были отведены второстепенные функции, и отряд был сокращен. Как объясняли военные источники, уменьшение численности компенсировалось назначением начальником отряда «надежной и блестящей личности генерал-лейтенанта **Арзаса Артемьевича Тергукасова**» (1819—1881).

Арзас Артемьевич Тергукасов родился в семье армянского протоиерея Тифлисской губернии, получил образование в корпусе инженеров путей сообщения. За отличные успехи в корпусе произведен поочередно в подпоручики и поручики. Начал службу в ведомстве военных сообщений в С.-Петербурге, затем переведен на Кавказ. Служба в этом ведомстве майора Тергукасова не устраивала, и он в 1851 году вышел в отставку с награждением чином подполковника. В марте 1852 года он вновь поступает на военную службу и в чине майора назначается в Апшеронский полк. В том же году Тергукасов — командир 3-го батальона Апшеронского полка. За боевые отличия в 1855 году — подполковник, а в 1857 году — полковник. С апреля 1859 года — командир Апшеронского полка, участвует в пленении имама Шамиля

на Лунибе 25 августа 1859 года. В августе 1865 года – генерал-майор, помощник командира 19-й Пехотной дивизии, а с февраля 1868 года – начальник Среднего отдела Терской области. В 1869 году – командир 38-й Пехотной дивизии с присвоением чина генерал-лейтенанта. Перед началом Русско-турецкой войны (1877–1878 г.г.) утверждается начальником Эриванского отряда. После объявления войны 12 апреля 1877 года Эриванский отряд перешел турецкую границу и 18 апреля 1877 года занял город Баязет, 28 мая – город Алашкерт, 4 июня Эриванский отряд успешно атаковал турецкие войска у Драмдага. 9 июня у Даяра в бою с крупными силами Анатолийской армии отряд потерпел поражение и начал отступление с обозом и ранеными в Игдырь, отказавшись от первоначального плана освободить погибающий от голода и жажды осажденный гарнизон Баязета. Прибыв 23 июня в Игдырь, после своего преобразования, Эриванский отряд 26 июня выступил на Баязет. 28 апреля провел операцию по освобождению от блокады русский гарнизон цитадели Баязет. Принял участие в сражении при Деве-Бойну 23 октября 1878 года. В апреле 1878 года генерал-лейтенант Тергукасов назначен командующим Кавказской гренадерской дивизией, а в сентябре 1879 года – командующим 2-м Кавказским Армейским корпусом. Награжден многими российскими и иностранными боевыми орденами, включая орден Святого Георгия 4-й и 3-й степени. Скончался в Тифлисе 8 января 1881 года от воспаления легких.

От автора: Правильное написание этой фамилии — **Тер-Гукасов**, что подчеркивает принадлежность данного лица армянской национальности к роду священнослужителей, но в Русской Армии соблюдался порядок, согласно которому подобные фамилии офицеров и генералов писались без дефиса.

Во всех официальных материалах, включая Высочайшие приказы, эта фамилия всегда писалась без дефиса.

Эриванскому отряду ставились следующие задачи: удержание в спокойствии мусульманского населения Эриванской губернии; защита ее от набегов шаек турецких курдов и вторжения турецких войск, а также прикрытие левого фланга главного отряда и его коммуникаций. В первом варианте использования отряда ему поручались функции пассивной обороны, наступательные же — не планировались.

В планах Генерального штаба и командования Действующим корпусом предусматривались и иные варианты действия Эриванского отряда, но только в случае достаточной численности отряда и успеха в наступательных операциях главных сил. Эти варианты тоже были оборонительными, но пассивная оборона заменялась активной.

Второй оборонительный вариант формулировался следующим образом. Эриванский отряд мог выдвинуться на пограничный хребет, «перешагнуть» через него и овладеть Баязетом. Позволялось, по возможности, овладеть и другими пунктами — Диадином и Сурп-Оганесом. Этот вариант действий отряда был развитием первого для того, чтобы еще надежнее выполнить задачи прикрытия Эриванской губернии и тыла Действующего корпуса. Наконец, если выявится не готовность турок к военным действиям, а способность и численность Эриванского отряда позволят, то отряд занимает восточную часть Баязетского санджака (губернии) и, удерживая Баязет и Сурп-Оганес, прикрывает еще надежнее Эриванскую губернию. Одновременно отряд препятствует формированию вооруженных сил турок в Баязетском и Ванском санджаках. Таким образом, и в этом варианте действий для Эриванского отряда предусматривались только охранные функции в тылу. Кроме того, сдерживая силы Ванского отряда, действующего в его зоне, устранялись возможные препятствия для действий главного Александропольского отряда.

Заметим, боевые операции для Эриванского отряда не планировались. Выполняя оборонительные функции, отряд одновременно должен был своим присутствием в зоне действия сдерживать турецкие войска, не

позволяя главному командованию турецкой армией свободно ими маневрировать. Словом, Эриванский отряд, при различных вариантах его действия, охранял Эриванскую губернию и подходы к ней на случай вторжения турецких войск. И не более.

По официальным данным, силы Эриванского отряда на начало военных действий в апреле 1877 года исчислялись в количестве 9500 человек при 32-х орудиях, из которых 5800—6000 — пехоты и 3500 — кавалерии.

Впереди при движении Эриванского отряда был назначен кавалерийский авангард (3500 всадников и 16 конных орудий) под командованием авторитетного военачальника генерал-майора князя **Ивана Гивича Амилохвари** (1829—1905).

Против сил Эриванского отряда турки выставили 9500—10000 человек при 15 орудиях, то есть примерно равные силы, но если принять в расчет, как полагали в Действующем корпусе, что Эриванский отряд в

начале движения способен действовать сосредоточенной массой, а турки, не готовые к бою и маневрированию, были рассредоточены, то российские войска находились в весьма выгодном положении. Успех, следовательно, зависел только от быстроты действий и решительности, и всякое промедление вело только к улучшению дел у противника.

С началом Русско-Турецкой войны, командующий Эриванским отрядом генерал-лейтенант А.А. Тергукасов принял к исполнению третий вариант боевых действий, но при этом он пренебрег рекомендацией о достаточной численности отряда. Хотя еще перед походом сам генерал утверждал, что сил у Эриванского отряда явно недостаточно, чтобы решать все поставленные задачи.

Перейдя турецкую границу 14 апреля 1877 года, генерал Тергукасов отдал приказ идти на штурм Баязета и, таким образом, перекрыть пути турецким войскам для возможного вступления на территорию Эриванской губернии России.

На всем протяжении движения Эриванского отряда генерал Амилохвари вел дневник, который затем был опубликован, поэтому нам представилась счастливая возможность оценивать ситуацию с позиций личного взгляда бывалого генерала и располагать информацией, которой не могло быть в официальных источниках.

*(Амилохвари ИГ. Записи и дневники. Тифлис, 1909.
В процессе нашего изложения мы будем цитировать
выдержки из дневника ИГ. Амилохвари.)*

С самых первых дней войны, как утверждает Амилохвари, у него не сложились отношения с начальником Эриванского отряда Тергукасовым. Для военных это недопустимо в мирное время, а в военное — может стать причиной печальных последствий.

При формировании Эриванского отряда генерал Тергукасов сам предложил кандидатуру князя Амилохвари, следовательно, до начала военной кампании их отношения не могли быть плохими. Зато в дневнике генерала Амилохвари отмечено множество претензий к начальнику Отряда, указывающих на порочный стиль

Начальник Эриванского
отряда генерал-лейтенант
Тергукасов А.А.

Начальник авангарда
и кавалерии генерал-майор
Амилохвари И.Г.

его руководства. Вот некоторые из записей, сделанные в первые дни после выступления Отряда на Баязет:

«Генерал Тергукасов беспрестанно менял свои приказы. Отряд не был готов ни по численности, ни по обеспечению»; «Я вижу, что и генерал Тергукасов, и его начальник штаба Филиппов не имеют ко мне доверия. Тергукасов положительно связал мне руки своим вмешательством повсюду, в мелочах, даже в аванпостную службу моей кавалерии. По всему убежден, что между нами пробежала черная кошка».

Генерал Амилохвари с удивлением замечает, что на территории Турецкой Армении армянское население менее стеснено, нежели в Эриванской губернии. В экономическом и культурном отношении турецкие армяне, по его мнению, даже господствуют над местными курдами и турками. Вот первые впечатления генерала Амилохвари о жизни армян на территории Порты:

«До сих пор я привык слышать со всех сторон и читать во всех наших газетах, что турки страшно притесняют христиан и доводят их до самого бедственного состояния. Но вот мы едва перешли границу, как первая попавшаяся деревня, населенная христиа-

нами, к нашему крайнему изумлению, поневоле заставляет теперь сомневаться в истине столь обыденного у нас суждения о турках. На самом деле, жители имеют внешность не так уже угнетенную, как мы приготовились здесь встретить. Женщины не закрываются здесь, подобно нашим армянам. Они здесь веселы, разговорчивы и нарядно одеты. Хлебопашество и скотоводство — в огромных размерах, земли вдоволь. Одним словом, видно, жизнь привольная и отнюдь не давленная».

Князь Амилохвари, между тем, не заметил стремления армян находиться под властью русских.

17 апреля генерал Амилохвари записал:

«Выйдя на гребень перевала, я осмотрел в бинокль: вдали виделся на живописной и горной местности Баязет, — город, должно быть, небольшой; кроме цитадели и минарета ничего более не бросается в глаза. Нигде неприятеля не видели».

Узнав о приближении крупных сил российских войск, турки покинули Баязет, и 18 апреля войска Эриванского отряда без боя вошли в город. В городе были распространены преувеличенные слухи о силе Эриванского отряда, в составе которого якобы, до 28 тысяч человек. Появление русских в Баязете вызвало большую панику в городе: там закрылся базар, зажиточные жители, ища спасения, попрятались в христианских домах.

Турецкий гарнизон Баязета состоял из двух слабых и плохо оснащенных батальонов с тремя горными орудиями и 60-ю всадниками. Казалось бы, в этой ситуации авангард князя Амилохвари должен был немедленно атаковать турецкий отряд гарнизона Баязета. В тот период турецких войск под Баязетом не было, и у Эриванского отряда имелись все шансы на победу: у генерала Амилохвари все же было более 3-х тысяч еще не утомленных войной, настроенных к решительным действиям всадников. Что же мешало Амилохвари атаковать турок? Ничто, но турок оставили в покое.

И это был первый просчет командования Эриванского отряда, у которого впервые появился шанс показать свою мощь. Вспомним, генералу Тергукасову было

указано, что успех его действий будет зависеть *«только от быстроты действий и решительности, и всякое промедление — только к улучшению дел у противника»*. Но нерешительность и промедление, начиная с этого просчета, станут характерным почерком Эриванского отряда.

Во время той войны при командовании турецкими войсками в Малой Азии находился специальный корреспондент британской газеты «Times» Норманн.

О падении города он сообщает со слов губернатора Баязета:

«Вслед за этим явился губернатор Баязета с неприятным известием, что город сдался русским и что его гарнизон 1700 человек с 6 орудиями, не сделав ни одного выстрела, покорно сложил оружие. Губернатор спас свой гарем и все свое движимое имущество, а государственную казну оставил на жертву победителю». («Военный Сборник», 1878, № 9)

Этот факт для нашего повествования примечателен. Турки, знакомые с историей неоднократной сдачи и взятия Баязета, были уверены, что столь малочисленный гарнизон не способен противостоять большой внешней силе. Поэтому, турецкий гарнизон покинул Баязет без риска ставить под удар свое войско. Зато более малочисленному российскому гарнизону Баязета в ближайшее время предстоит тяжелое противостояние крупным силам турецких войск.

Пока же русские заняли бескровно город Баязет, и генерал Амилохвари отметил в дневнике:

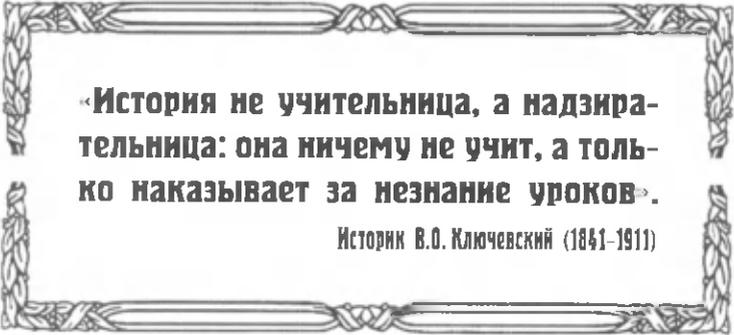
«Жители Баязета вышли с хлебом и солью и просили принять их под наше покровительство, сообщив, что войска турецкие еще вчера ушли в сторону озера Ван».

Баязетский санджак (губерния) состоит из пяти участков, но покорился лишь город Баязет со своим участком».

Итак, русские — в Баязете!

**БАЯЗЕТ: БЫЛОЕ
И НАСТОЯЩЕЕ**

**«История не учительница, а надзира-
тельница: она ничему не учит, а толь-
ко наказывает за незнание уроков».**

Историк В.О. Ключевский (1841–1911)

Расположенный на северо-востоке Турции, город Баязет основан в середине XIV столетия на месте древнего поселения султаном Баязитом I. Если взглянуть на его местоположение, можно убедиться, что Баязет — весьма важный стратегический пункт. Историк Римской империи Тацит (Tacitus) величал Баязет воротами Тавра (Taurantium). Действительно, через Баязет на юг идет путь к озеру Ван, а на запад проходит дорога на Эрзерум. Баязет является форпостом Эриванской губернии.

Город Баязет разбросан на высотах крутых гор. Его население стремилось расположить свои жилища на таких отрогах, чтобы сделать их недоступными. Полуразрушенные постройки давно брошенного города с 25-тысячным населением покрыли амфитеатром круто наклоненные скаты, увенчанные террасами с останками некогда великолепного дворца султана Баязита I. Над этими древними руинами господствует замок, бывший некогда частью большого султанского дворца.

О замке Баязета сложено немало легенд, которые передавались из поколения в поколение седовласыми жителями этого необычного города.

В XVII, в начале XVIII века паши Турецкого Курдистана упивались феодальной властью, всячески стремясь обособиться и быть независимыми. Каждый паша сохранил свой вооруженный отряд, который, помимо функций самообороны, совершал разбойничьи набеги на соседние владения. Феодалы Курдистана укрепили свою независимость настолько, что начали отказывать в дани даже самому турецкому султану. Вот тогда-то, как символ величия, гордости и независимости, Исаак-пашой и был возведен настоящий дворец-замок. Придав ему внушительный вид, Исаак-паша позаботился и о его красоте.

Внутренность высокогорного замка поражала своим великолепием. Посреди обширного двора, выложенного каменными плитами, красовался фонтан с огром-

ным мраморным бассейном, а по сторонам тянулись крепостные стены с пристроенными казармами.

Здесь же находилась красивая мечеть, стены которой богато оформлены резными работами и лепкой. Рядом с мечетью возведены гробницы баязетских властелинов. Устремленный ввысь мраморный минарет мечети — шедевр изящества и совершенства архитектурной мысли. С вершины минарета открывается красивая панорама Чингильских высот и уходящих в бесконечные дали многочисленных поселений.

Время шло, султаны Порты наращивали и узурпировали свою государственную мощь, всемерно ограничивая независимость феодалов внутри империи. Ослабел, некогда властный, баязетский паша Балул, внук Исаака-паши. Найдя повод, султан лишил Балул-пашу звания правителя Баязета, затем сослал его в Эрзерум и запретил вообще возвращаться в Баязет. Позднее султан все же оказал милость опальному паше и одарил его пожизненной пенсией. Окончательно потеряв надежду на возврат в Баязет, Балул-паша, в благодарность за назначенную пенсию, подарил свой баязетский замок султану. Так замок перешел в ведение Османской империи.

Замок, хотя издали и напоминает неприступную крепость, на самом деле, ничего общего с ней не имеет. Это монументальное строение несправоммерно в русских источниках носило название цитадели. Нами сохранено это определение замка только лишь ради соблюдения этики по отношению к прошлому.

Само название «цитадель» уже заранее обозначает твердыню, трудно доступную для штурма. На самом же деле, ни один из фасов этого крепкого сооружения не был приспособлен к обороне, в частности, к ружейной стрельбе. Передняя стена замка не имела даже бойниц, а на плоских крышах стен не было наружных бортов, которые послужили бы прикрытием для стрелков. Окна и двери имели большие размеры, и на случай осады их необходимо было закладывать. За исключением немногих уголков замка, площадки трех его дворов представляли удобную мишень для противника. Все три двора могли без труда обстреливаться с высот, окружав-

ших территорию замка. Но если у противника не будет достаточного количества орудий, чтобы замок оказался в кольце обстрела, то само географическое положение замка обеспечивает ему неприступность.

Замок Баязет расположен на горе с такими трудными подступами, что три-четыре пехотных батальона, с несколькими орудиями, способны выдержать длительную осаду и даже уничтожить крупные силы штурмующих. Важными условиями для успешной обороны баязетской цитадели являются проведение подготовительных работ для обороны, наличие запасов воды, провианта, боеприпасов и, конечно, отсутствие у противника сильной артиллерии для обстрела цитадели.

В истории Русско-турецких войн Баязет был в центре стратегического внимания обеих стран. Россия всегда стремилась им овладеть, а Турция — этого не допустить. Во все времена для защиты Баязета и окружающей территории турками разворачивался многотысячный Ванский отряд. Действия этого отряда были настолько похожими, что в войну 1877—1878 гг. даже бывалые воины, не говоря уже о крупных стратегах Генерального штаба или Военного министерства России, наперед знали, какие события могут разворачиваться вокруг Баязета.

В Русско-турецкую войну 1828—1829 гг. русские войска заняли Баязет без единого выстрела. Ванский отряд турок, перевалив через хребет Алла-Даг, значительными силами осадил город. Баязет тогда удалось отстоять чрезвычайно дорогой ценой, лишь благодаря необычайному мужеству войск, закаленных суровым генералом А.П. Ермоловым.

В Восточную войну 1853—1856 гг. со стороны Баязета турки весной 1854 года начали делать набеги в пределы Эриванской губернии. С целью предотвращения этих набегов, Эриванский отряд, под командованием генерал-майора барона Врангеля, перешел турецкую границу и двинулся к Баязету. Против Эриванского отряда был выдвинут тот же Ванский отряд. но 17 июля 1854 года он был разгромлен Эриванским отрядом

Русские войска перед Баязетом в 1854 г.

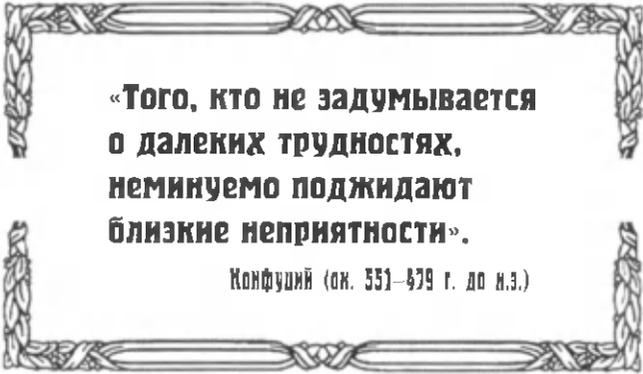
на Чингильских высотах, и турки отступили к Вану. 19 июля Эриванский отряд без боя занял город и цитадель Баязет.

Таким образом, история прошлых войн на этом театре напоминала России о неизбежности операции турок со стороны Вана. Дабы Баязет стал неодолимым бастионом на пути турецкого отряда, там должен был находиться боеспособный гарнизон с достаточным запасом воды, продовольствия и оружейных припасов.

Чему же научили командование Действующего корпуса, Эриванского отряда и гарнизона Баязета убедительные уроки истории прошедших войн с Турцией и что же произошло в Баязете в Русско-турецкую войну 1877—1878 годов?

**ТУРКИ НАСТУПАЮТ
НА БАЯЗЕТ,
А РУССКИЙ ГАРНИЗОН
— БЛАГОДЕНСТВУЕТ**

**«Того, кто не задумывается
о далеких трудностях,
неминуемо поджидают
близкие неприятности».**

Конфуций (ок. 551–479 г. до н.э.)

Когда победоносные русские войска в очередной раз завладели Баязетом, генерал Амилохвари в своем дневнике сделал следующую запись:

«На высокой горе амфитеатром раскинулся весь город, увенчанный красивым замком, мечетью с цитаделью. В склепах замка находятся великолепные мраморные гробницы, где покоится прах семейства бывшего паши Баязета. В честь этого паши назван и сам город, им же построенный. Цитадель дышит влагой, посреди обширного бассейна бьет мощный родник. В городе Баязете около 600 домов и жителей до шести тысяч. Там три армянских церкви и две мечети. Весь Баязет имеет вид лабиринта и изрезан непроходимыми тещобами настолько, что соседям трудно общаться между собою. В основном в городе — дома азиатского типа и в редком случае — двухэтажные. На базаре идет бойкая торговля персидскими товарами. У подошвы горы, на окраине города, зеленеют фруктовые сады. Но главная достопримечательность города — это обильные родники с чудесной водой».

Запомним, в первый день пребывания в городе Баязете, 18 апреля 1877, года генерал Амилохвари отметил, что высокогорный Баязет богат обильными источниками воды, а стало быть, с водой здесь не может быть никаких проблем.

В тот же день в цитадели, бывшей губернаторской резиденции, были собраны почетные представители мусульманского и армянского населения.

Генерал Тергукасов объявил о переходе города во власть Государя Императора России. Меджлис Баязета в неизменном виде был сохранен новой русской властью и оставлен для внутреннего управления. Генерал Тергукасов заверил, что русские не будут касаться ни законов, ни обычаев страны. Российский за-

Общий вид Баязета и его цитадели

кон будет одинаково охранять права всего населения Баязета без различия национальности и вероисповедания. Вместе с тем, генерал потребовал от меджлиса и жителей, чтобы они оказывали содействие русским войскам в их нуждах. Члены органа местного самоуправления, а через них и все население города, обещали служить Российской Империи ревностно и усердно.

С приходом в Баязет русских войск местное население внешне спокойно относилось к новой власти. В городе жизнь не переставала бить ключом. Крутлый день палило яркое солнце, и был базар, какого свет не видел. Русские офицеры, гордые нарядностью своей формы, повседневно находились «на прицеле» у красивых и коварных баязеток. Жизнь казалась такой сладкой, что мало кому и приходило в голову веками проверенная мудрость: «Восток — дело тонкое».

Первым начальником гарнизона города Баязета и цитадели генерал Тергукасов назначил командира 2-го батальона Ставропольского пехотного полка подполковника **Александра Викентьевича Ковалевского** (в романе В.С. Пикуля и фильме «Баязет» — полковник Никита Семенович Хвошинский).

Русские войска перед Баязетом в 1854 г.

Извлечения из Послужного Списка
командира Второго батальона
74 Ставропольского пехотного полка
Подполковника Ковалевского
(Составлен на 25 сентября 1877 года)

Ковалевский Александр Викентьевич родился 30 августа 1828 года. Происходит из дворян Виленской губернии. Православного вероисповедания. Воспитанник Новороссийского графа Аракчеева Кадетского Корпуса, а затем – Дворянского полка. С июня 1848 г. по ноябрь 1858 года получал чины прапорщика, подпоручика и за отличие произведен в поручики. Назначен командиром роты – 26 ноября 1858 г. За отличия в делах против горцев в Майкопском отряде 19 февраля 1860 г. награжден орденом Святого Станислава 3 степени с мечами и бантом. За отличия в делах против горцев 11 сентября 1861 г. произведен в Штабс-капитаны. За отличие в боях при покорении Западного Кавказа 26 ноября 1865 г. награжден орденом Святой Анны 3 степени с мечами и бантом.

За отличие по службе 14 Сентября 1868 г. произведен в майоры с переводом в 74-й Ставропольский пехотный полк. Командующий батальоном с 23 марта 1869 г., а 19 октября 1870 – помощник командира полка по хозяйственной части. За отличие 3 сентября 1871 г. награжден вторым боевым орденом Святого Станислава 2 степени С 1 ноября 1872 г. по 1 мая 1873 г. избран Председателем Полкового суда, одно-

временно с 1 февраля 1873 г. являлся временным членом Военного Суда в Екатеринодаре. Вступил в командование 2-м батальоном 30 апреля 1873 г., а 20 октября 1874 г. утвержден в этой должности. С 18 апреля 1875 г. командирован членом Временного Военного Суда. За отличие по службе Высочайшим приказом от 14 декабря 1875 г. произведен в чин подполковника.

Награжден также бронзовой медалью «В память войны 1853–1856 г.г.», серебряной – «За покорение Западного Кавказа» и Крестом «За службу на Кавказе».

Семейное положение: Женат на дочери Ротмистра Ефима Кучевского, девице Александре Ефимовой, детей не имеет. Жена вероисповедания православного.

Содержание: Жалования – 660; столовых – 600; квартирных – 204. Итого 1464 рублей в год.

Имел наказание по суду 15 февраля 1853 за дерзость вместе с поручиком Фон-Мунком своему батальонному командиру в городе Севастополе. Выдержан под арестом во время производства дела с 8 июня 1850 по 17 марта 1853 г.г. Штраф этот Государь Император снял, принимая во внимание отличную храбрость, но орден Святого Владимира за выслугу лет и Знак беспорочной службы были отобраны.

Находился в походах против неприятеля, при высадке десанта в укрепление Анапское – 24 сентября 1853 года.

Был ранен в грудь в деле под Баязетом 6 июня 1877 года и от этой раны умер в тот же день.

В Баязете генерал Тергукасов сформировал небольшой гарнизон в составе батальона Ставропольского полка и сотни казаков Уманского казачьего полка под начальством подполковника Ковалевского – это примерно около семисот бойцов. Этой малочисленной воинской силе были вверены следующие задачи: оборона цитадели, где размещался госпиталь и интендантский склад; защита города Баязета (в случае вторжения турок); удерживание в подчинении все покоренные отря-

дом местности, оставленные в тылу продвигающегося вперед Эриванского отряда. Для одной сотни и одного батальона такие задачи не выполнимы. Сколько ни упрашивал генерал Амилохвари генерала Тергукасова оставить в Баязете большой гарнизон или, по крайней мере, укрепить гарнизон двумя орудиями, хотя бы для подачи сигналов в случае нападения, генерал Тергукасов был непреклонен.

«Сильно беспокоюсь я за участь гарнизона, — писал в дневнике генерал Амилохвари. — Народонаселение здесь весьма ненадежное; для него необходима видимая и осязательная сила».

Кроме того, на подполковника Ковалевского командир Эриванского отряда возложил еще государственные обязанности — заседать в городском совете (меджлисе) и разбирать военные дела. Уйма больших и малых обязанностей, вмененных подполковнику Ковалевскому, буквально захлестнула назначенного начальника гарнизона Баязета. К тому же, с первых дней нахождения русских войск в Баязете поползли слухи о приближении турецких войск. Члены меджлиса, не уверенные в прочности русской власти, в этой ситуации особых надежд на русских не возлагали. Кроме того, с первых дней пребывания российского гарнизона в Баязете появились и поводы не доверять русской власти. В ответ на верную службу русскому правительству генерал Тергукасов обещал местному населению обеспечить в городе порядок, но обещание оказалось пустыми словами, и первый же день пребывания в Баязете омрачился разбоями русских военных.

После совещания со старейшинами города и членами меджлиса, путь Тергукасову преградили мирные жители. Они с возмущением заявили генералу о том, что русские войска, вместо обеспечения порядка, начали заниматься грабежами. Казаки Сунженского полка, выделенные для патрулирования в городе, разграбили два дома мирных жителей. И хотя их сотенный командир был отстранен Тергукасовым от своей должности, награбленные вещи при обыске бесследно исчезли. В маленьком городе новости, особенно плохие, распро-

страняются моментально. Недовольство русской властью стало всеобщим.

На следующий день, 19 апреля, по городу распространилась и через местные власти дошла до Тергукасова еще одна неприятная весть. Причиной стали российские армяне, немедленно прибывшие в Баязет вслед за Эриванским отрядом для проведения разного рода торговых сделок. С их приходом по городу начали гулять фальшивые бумажные деньги. Как говорят, кому война, а кому — мать родна!

Вспоминает князь Амилохвари:

«19 апреля, лагерь у Баязета.

Граждане Баязета жаловались сегодня на наших армян — игдырцев, которые в большом количестве пришли сюда вслед за нами и начали перекупать в Баязете все жизненные припасы с тем, чтобы вдесятеро дороже продавать их нашим войскам. Так как серебра и золота у нас нет, то жители Баязета беспрекословно стали принимать наши бумажки; но тут игдырцы распространили слух по городу, что бумажки эти фальшивые. Рассерженный таким патентованным мошенничеством, начальник Отряда приказал арестовать этих алчных торгашей, и 110 человек игдырцев, под строгим конвоем были сегодня же отправлены обратно за границу: к Сурмалинскому уездному начальнику с предписанием: отнюдь никого из жителей, без надлежащего паспорта, впредь не отпускать в Эриванский отряд».

У русских военных местные жители тут же перестали принимать даже настоящие бумажные деньги, и генерал Тергукасов вынужден был направить командующему корпусом следующую телеграмму:

«Жители не принимают кредитных билетов. Пришлось прибегнуть к принудительным мерам. По мере углубления в страну, потребность в звонкой монете увеличивается...»

На всем протяжении от Баязета до Эрзерума у турок в то время действовала телеграфная линия, часть которой, в качестве трофея, досталась русским войскам. Оставалось продолжить эту связь до Игдыра и тогда, по мере продвижения отряда, была бы налажена связь и с

Баязетом, и с Игдырем. Разговоры об устройстве телеграфной связи немедленно были взяты на вооружение предприимчивыми солдатами, и они на расстоянии 5 верст от Баязета в направлении движения Эриванского отряда лихо демонтировали столбы телеграфной линии и распилили их на дрова. Палаток в отряде не хватало, и холодные ночи приходилось проводить у огня, необходимы были дрова, а интенданты об этом не позаботились. Солдаты сами решали проблемы, которые входили в обязанности их командиров.

Солдатская акция уничтожить телеграфную линию штабом отряда была одобрена, только столбы приказано использовать не на дрова, а для строительных работ.

Повседневная телеграфная связь принесла бы много пользы отряду. Например, не имея связи, командование регулярно отрывало офицеров от повседневной работы вызовами в места дислокации Эриванского отряда. Вскоре командование отряда все же одумалось и приказало создать запас столбов для создания телеграфной связи с Игдырем. Столбы были заготовлены, но телеграфную линию сделать не успели. Эти столбы потом достались курдам, которые также успешно использовали их для костров.

С начала пребывания подполковника Ковалевского в Баязете он постоянно докладывал командованию отряда о скоплении турок на Ванском направлении, откуда могла исходить реальная угроза безопасности провинции и самого Баязета.

Основываясь на сведениях Ковалевского, 20 апреля отряд под командованием Амилохвари отправился на разведку. Одна часть — к персидской границе, другая — по Ванской дороге, но турецкие войска якобы не были обнаружены. Справедливости ради заметим, что турки умели маскировать свое местонахождение.

По мере движения Эриванского отряда на запад, информация о движении турок в сторону Баязета продолжала непрерывно поступать. 27 апреля на биваке Эриванского отряда у замка и монастыря Диадин штаб отряда посетил архимандрит Оганес. Его рассказ записал князь Амилохвари:

«Турецкие начальники не делают секрета из своих планов и откровенно с ними делятся. Турки решили до самого Драм-дага нигде не давать нам сражения, но там уже, в непроходимых трущобах, намереваются встретить нас непременно. В то же самое время, другой неприятельский корпус из Вана выйдет к нам в тыл на Диадин. Всё мусульманское население тогда восстанет, всякое сообщение с Эриванской губернией будет нам отрезано, и мы очутимся в ловушке между двумя турецкими корпусами. Турки говорят «Пускай себе русские потешаются занятием Баязета! Бог даст, и гарнизон русский, и его имущество достанутся нам в руки».

Двигаясь на запад, Эриванский отряд оставлял в захваченных пунктах небольшие гарнизоны, и по мере своего продвижения, уменьшаясь в численности, терял свою боеспособность и все более лишался возможности оказывать необходимую помощь в тылу.

«Маленький Эриванский отряд оказывается до такой степени разбросанным, что если бы вздумалось неприятелю воспользоваться этим, то ему легко было бы разбить нас по частям. Остается теперь надеяться на провидение... имел с Тергукасовым весьма оживленный разговор и высказал всю неосновательность занятия Баязета слабым гарнизоном. Хотя этот пункт несомненно имеет значение, но по моему мнению, если мы обязаны двигаться далее вглубь страны, то этим маленьким гарнизоном, оставленным в тылу, никак нельзя защитить Эриванскую губернию, но Тергукасов и слышать не хочет об оставлении Баязета», — записал в дневнике князь Амилохвари.

Создается впечатление, что Амилохвари, стремясь критически осмысливать ситуацию и принимаемые Тергукасовым решения, сам не занимал активную позицию, а больше действовал как сторонний наблюдатель. Странной кажется его формулировка, типа «если мы обязаны двигаться далее вглубь страны...». Генерал Амилохвари, наравне с генералом Тергукасовым, осведомлен, что командование не предписывало Эриванскому отряду продвигаться вглубь Турции. По мере дви-

жения отряда, его тылы становились все более незащищенными и уязвимыми, а опасность на Баязет тем временем надвигалась.

В конце апреля Ковалевский направил Тергукасову очередное срочное донесение:

«По приглашению жителей города Баязета турецкие войска, находящиеся на Ване, готовятся выступить на Баязет, захватить цитадель и уничтожить маленький его гарнизон».

Выходило, что монахи Диадина верно отслеживали обстановку вокруг Баязета и знали ее лучше, чем по своей обязанности это должны были знать руководители Эриванского отряда. Становилось уже совершенно очевидным, что члены меджлиса явно лукавили, расписываясь в преданности русским. На самом деле, они ждали возвращения турок в Баязет и готовились доказать им свою преданность.

Начальник авангарда генерал Амилохвари, болезненно воспринимавший доклады Тергукасову об обстановке на театре военных действий со стороны, тут же предложил начальнику отряда арестовать всех членов меджлиса и передать все управление в санджаке российским военным. Генерал Тергукасов поддержал инициативу Амилохвари, но с оговоркой: вначале выслушать влиятельного и весьма информированного члена меджлиса армянина Саркис-агу Мамукова, а потом уже принимать предложенное решение.

Коммерсант и местный воротила, Саркис-ага к этому времени уже успел стать доверенным лицом генерала Тергукасова. С одобрения генерала, Саркис-ага водрузил на себя выполнение функций главного поставщика продовольствия в гарнизон Баязета. По распоряжению именно Саркиса-аги Мамукова продовольственный склад гарнизона был размещен в городе Баязете, а не в его цитадели. (С Саркисом-агой читатель вскоре встретится в одной из кошмарных ситуаций.)

При спешном отступлении из Баязета турецкий гарнизон бросил продовольственные и военные запасы и даже оставил русским лазарет с 16-ю больными. Турецкие больные, предварительно ограбленные местными

жителями, были помещены в русский военный госпиталь, размещенный в цитадели.

С трофейным казенным имуществом возникли проблемы. И хотя для его передачи в ведение российского командования Тергукасовым была создана специальная комиссия под председательством начальника гражданской части Эриванского отряда некоего Ханагова, завладеть всем казенным имуществом турок не удавалось.

Генерал Амилохвари упрекает генерала Тергукасова в ошибочности делать ставку на Ханагова. Он лишь прикреплен к отряду в качестве начальника гражданской части, а на самом же деле является Эчмиадзинским уездным начальником. И хотя по утверждению И.Г. Амилохвари, «этот практический чиновник и распоряжается по-губернаторски всем здешним населением», надежд на него мало. В своих предположениях Иван Гивич не ошибся. Покидая 20 апреля Баязет с Эриванским отрядом, Амилохвари оставил в дневнике впечатляющую запись:

«Сегодня уже четвертый день, как наша комиссия тщетно старается открыть в Баязете главные склады турецкого казенного имущества. Оно, говорят, спрятано не у мусульман, а у армян, с целью, чтобы русские не догадались».

Пока продолжались поиски трофейных складов, коммерсантами Баязета делалось все для того, чтобы оставленное турками добро не дошло до русских войск, а сам Ханагов расписался в собственной беспомощности. Поэтому надежда завладеть запасами провизии, оставшейся после ухода турецких войск из Баязета, безвозвратно рушилась.

Для российского гарнизона, при непосредственном участии местного управления, была создана критическая и парадоксальная ситуация. Если трофейные склады провизии не будут обнаружены, то попавшая в руки ловкачей провизия будет уже продаваться гарнизону. Для Эриванского отряда, оказавшегося на чужой территории, наступал продовольственный кризис.

По этому поводу князь Амилохвари тоже отметил в дневнике: *«значительные склады муки, пшеницы и яч-*

меня, принадлежащие турецкому правительству, по решению меджлиса, торжественно будут признаны собственностью не казны, а некоторых баязетских горожан».

Всевидающий и всезнающий князь Амилохвари почему-то не решился расшифровать, кто же такие «некоторые баязетские горожане». Одним из наиболее видных горожан был член меджлиса от армян уже известный нам Саркис-ага Мамуков.

На гарнизон Баязета неумолимо надвигались сразу две опасности: экономическая удавка и приближение турецких войск.

По всей видимости, активность подполковника Ковалевского, в отношении его докладов о надвигающейся опасности, не вдохновляла генерала Амилохвари на принятие должных мер. Факты неумолимо свидетельствуют, что настойчивость и разумная бдительность Ковалевского раздражали Амилохвари, но внешне это не проявлялось.

Амилохвари относился к Ковалевскому без особых симпатий, возможно, и потому, что тот был назначен генералом Тергукасовым. Между тем, к Ковалевскому командование Эриванского отряда претензий не предъявляло. Быть может, самому Амилохвари, непосредственно несущему ответственность за дела в Баязете, захотелось иметь там «своего» человека? Это ведь старая российская болезнь — иметь в подопечном месте доверенную личность. В погоне за личной преданностью зачастую упускаются требования к деловым качествам «своего» человека, «свой» может быть и бестолковым.

Итак, генерал Амилохвари пошел в наступление на Ковалевского, но осторожно, как бы защищая его интересы. В человеческих взаимоотношениях этот прием тоже применяется. Как утверждает в своем дневнике Амилохвари, он заявил Тергукасову, что у Ковалевского *«слишком уж большая нагрузка»*. И это было, действительно, так. Но Амилохвари предложил начальнику отряда освободить подполковника Ковалевского от комендантских функций и оставить за ним только командование войсками, то есть утвердить в руководстве

Комендант Баязета
капитан Штоквич Ф.Э.

Баязетом еще одного офицера. На естественный вопрос Тергукасова о кандидатуре на должность коменданта Баязета, Амилохвари предложил никому не известного офицера капитана **Федора Эдуардовича Штоквича** из Тифлисского местного полка, не входившего в состав Эриванского отряда.

Сам капитан Штоквич в то время служил в Тифлисе. Разговор между Амилохвари и Тергукасовым

произошел в Сурп-Оганесе, за 50 верст от Баязета, более чем за 100 верст от Эривана и совсем далеко от Тифлиса. Никто из штаба Эриванского отряда не усомнился в целесообразности столь неразумного комплектования отряда неизвестным офицером, тем более в условиях боевой обстановки. Неужели не было среди сотен офицеров в Эриванском отряде подходящей кандидатуры? Это настораживающее предложение никого в руководстве отрядом, оказывается, не беспокоило, и кандидатура генерала Амилохвари была принята.

В дневнике Амилохвари мы находим пространное объяснение его предложения.

Капитан Тифлисского местного полка Штоквич якобы еще перед походом в Турцию обратился к Амилохвари с личной просьбой взять его в действующую армию в случае объявления войны. Генерал Амилохвари вспоминает: *«Офицера этого я знал еще с прошлой (Восточной) войны, помню его ротным командиром Лейб-Эриванского полка. Все его тогда считали лучшим боевым офицером и отличным ротным командиром».*

Таким образом, капитан Штоквич был отозван из Тифлисского местного полка и, после прибытия в отряд, властью генерала Тергукасова был назначен в Баязет

комендантом (В фильме и романе «Баязет» комендант Ефрем Иванович Штоквиц).

Извлечения из Послужного Списка
Капитана Федора Эдуардовича Штоквича

Родился 10 сентября 1828 года. Происходит из дворян Ярославской губернии.

Вероисповедания православного. Воспитывался в Тифлисской губернской гимназии.

В службу вступил 10 января 1847 года Унтер-офицером в 13 Лейб-Гвардии Эриванский Его Величества полк.

Юнкер- 2 марта 1847 года. За выслугу лет 27 марта 1850 года – в Прапорщики, за отличие в сражениях против турок 2 ноября 1853 года — в Подпоручики, а за отличие в сражении против турок под Баш-Кадыр-Ларом 19 ноября 1853 года награжден орденом Святой Анны 4-й ст. с надписью «За Храбрость». За отличие в сражении против турок у сел. Кюрук-Дар 24 июля 1854 года произведен в Поручики. С 20 сентября по 20 ноября 1854 года – при штабе Действующего корпуса на турецкой границе в качестве офицера для поручений при генерал-лейтенанте князе Бебутове. Начальник Кайзмань – Чечеванского Санджака – 1 июня 1856 года, командир роты с 5 июля 1856 года. За отличие против горцев 2 февраля 1860 года – Штабс-Капитан. За недопущение побегов нижних чинов в течение определенного срока в командуемой им части 7 сентября 1861 года награжден 300 рублями. За отлично-усердную службу 30 ноября 1861 года Всемилостивейше пожалован орденом святого Станислава 3 степени.

Высочайшим приказом за отличие по службе 28 августа 1872 года произведен в Капитаны. Высочайшим приказом от 17 июня 1876 года переведен в Тифлисский местный полк.

По приказанию Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича с 21 апреля 1877 года командирован в крепость Баязет для занятия должности Коменданта.

После прибытия в отряд капитана Штоквича по приказанию генерала Тергукасова было произведено разделение функций между подполковником Ковалевским и капитаном Штоквичем. Первому поручено командовать войсками, находящимися вне цитадели, второму — начальствовать в баязетском замке. При этом не было оговорено, подчиняется ли капитан Штоквич подполковнику Ковалевскому. В то время еще не было определено, какие формирования должны находиться в Баязете, а какие — в цитадели, поэтому подполковник Ковалевский, судя по всему, обязан был начальствовать над Штоквичем, но последующие события покажут, что таким несуразным разделением функций между этими офицерами был посеян раздор.

2 мая генерал Амилохвари представил капитана Штоквича в Баязете, и он вступил в свои обязанности коменданта Баязета.

К тому времени уже постоянно шли донесения о выступлении из Вана турецкого корпуса и о надвигающейся опасности для Баязета. Какова же была реакция двух главных руководителей отряда — самого генерала Тергукасова и начальника авангарда генерала Амилохвари? Они уже привыкли к этим донесениям, большого значения им не придавали и мер по укреплению Баязета не принимали.

Вот конкретный пример потери бдительности и безответственности этих высокопоставленных военачальников. Направленный за фуражом в куртинские аулы по левому берегу Ефрата сводный отряд кавалерии под командованием командира Сунженского полка Савенко несколько раз присылал донесения об обнаружении им недалеко от Баязета турецкого лагеря. Вначале ему предписали, что надо заниматься своими делами, запастись фуражом, а не следить за противником, но на третью лаконичную записку Савенко — *«турецкие войска наступают»* — командованию отряда пришлось прореагировать. Сомнений не возникало: надвигалась угроза не только на Баязет, но и на сам Эриванский отряд. Таким образом, Тергукасова как бы вынудили действовать нижестоящие офицеры.

4 мая собранные в штабе Тергукасова сведения о намерении турок наступать подкрепились очередными донесениями подполковника Ковалевского из Баязета от 3 мая. Подполковник Ковалевский 5 мая повторил свое донесение, указывая, что получил достоверные сведения *«о намерении турок, собравшихся в долине Соук-Су (курды), в селении Базит-ага и Баргири (регулярные войска), соединенными силами атаковать Баязет».*

Донесения Ковалевского вновь вначале подверглись сомнению, их посчитали преувеличенными. Они-то окончательно вывели из терпения генерала Амилохвари.

Дескать, он, князь Амилохвари, опытный боевой генерал, располагая внушительной силой и имея возможность проводить постоянно рекогносцировку, не имеет точных представлений о силах противника. Подполковник Ковалевский, видите ли, находясь не на переднем крае, а в Баязете, лучше Амилохвари владеет положением дел в Баязетской области. Словом, Ковалевский своими донесениями задел честь мундира упоенного слугами немолодого генерала. Поэтому, у Амилохвари созрели намерения освободиться от подполковника Ковалевского и иметь в тылу более послушного офицера.

Дальнейшие события показали, что сведения подполковника Ковалевского были достоверными. Он умело собирал и анализировал поступающие сведения о намерениях турок, лишь не зная точно о состоянии продовольственных запасов отряда Фаик-паши. Из донесений Ковалевского напрашивались вопросы: почему турки так легко оставили русским город и цитадель Баязет и не было ли в этих действиях турок задуманного маневра для создания ловушки Эриванскому отряду?

Получив донесения подполковника Ковалевского, начальник Эриванского отряда незамедлительно приказал князю Амилохвари двинуться с отрядом к Баязету, где присоединить к себе еще один батальон, шесть сотен, два орудия (войска бывшего Кульпинского отряда, находящегося в резерве), и затем вести соединенный отряд к Вану, навстречу неприятелю. Одновременно с этим решением, Тергукасов донес командиру корпуса генералу Лорис-Меликову:

«Вследствие полученного вчера донесения баязетского коменданта о предпринимаемых неприятелем покушениях на Баязет, сегодня с рассветом направляю туда князя Амилохвари».

Генерал Тергукасов усилил летучий отряд Амилохвари еще четырьмя сотнями Закатальского иррегулярного полка, прибывшими только что к Баязету. Судя по всему, выполнять эту задачу князю Амилохвари не хотелось, поскольку приказание поступило на основе не его донесения, а со стороны. Детские капризы, порой, свойственны и седовласым ветеранам.

4 мая Амилохвари выступил со своим отрядом к Баязету, до которого был переход в 54 версты, и в тот же день прибыл туда. Гарнизон Баязета уже находился в тревоге, а население города — в крайне возбужденном состоянии. Слухи о наступлении Ванского отряда под командованием генерала Фаик-паши постоянно витали в воздухе. На базаре об этом без умолку толковали, а базарные глашатаи смело выкрикивали: *«Урус пропал! Осман кон!»*

Армянское население Баязета пребывало в тревоге и унынии. Когда надвигалась угроза, вся надежда у него была на российские войска. Мусульмане Баязета и окрестностей, по мере удаления Эриванского отряда и приближения турок, наоборот, проявляли к русским все больше неприязни и враждебности.

По прибытии в Баязет князь Амилохвари начал собирать данные о неприятеле. Ему, конечно, преподнесли преувеличенные сведения: якобы к Баязету движутся 3500 курдов, 12000 башибузуков, всего пять батальонов и семь орудий. Теперь уже не имело значения, насколько были извращены сведения о численности наступающих турок, ясно, что гарнизону угрожала реальная опасность и следовало действовать решительно.

5 мая генерал Амилохвари лично осмотрел цитадель Баязета и дал необходимые указания по подготовке ее к обороне, в частности, он лично распорядился о месте установки двух орудий, выделенных цитадели.

Подполковнику Ковалевскому предписывалось с соседней горы установить контроль Ванской дороги и

всей окрестности. На этой командующей высоте было приказано устроить укрепление и разместить там роту пехоты, которая взяла бы под охрану поступление воды в гарнизон и цитадель.

Внутри цитадели приказано держать только одну роту и госпиталь. Более места в цитадели не было. Остальные силы баязетского отряда размещались лагерем ниже города.

По докладу коменданта Штоквича, провианта для гарнизона оставалось совсем мало, а по докладу подполковника Ковалевского, патроны имелись только в комплекте, в запасе же их не было вообще.

В Баязете под командованием Амилохвари сосредоточились четыре батальона, девятнадцать эскадронов и сотен, десять орудий, четыре ракетных станка, а всего примерно 2550 человек пехоты, 2500—3000 — кавалерии. Вот с этими-то весьма солидными силами командующий авангардом Эриванского отряда генерал Амилохвари мог смело атаковать угрожающий Баязету отряд Фаик-паши, который в то время был малочисленным и еще плохо организованным. Баязетский отряд турок имел в своем составе 3140 человек пехоты и 700 — кавалерии при девяти орудиях, то есть и по численности, и по вооружению уступал авангарду Эриванского отряда.

7 мая, обеспечив отряд довольствием из баязетских складов, князь Амилохвари выступил в сторону Вана, навстречу отряду Фаик-паши. За полдень следующего дня отряд Амилохвари спустился в долину и стал биваком на реке Соук-су, примерно в 50 верстах от Баязета. Отряд Фаик-паши также приблизился к отряду Амилохвари и сосредоточился у Базит-аги. У Амилохвари появилась благоприятная возможность атаковать турецкие силы. Причем, если пехота Фаик-паши находилась на половине перехода (4—5 часов движения), то турецкая кавалерия уже фактически вошла в соприкосновение с отрядом Амилохвари. Расстояние между отрядами составляло менее десяти верст, а между разъездами — двести версты. Обе стороны, испытывая и проверяя друг друга, даже начали обмениваться выстрелами. Казалось

бы, вот-вот разгорится бой. Но генерал Амилохвари не стремился к бою, и сражения не произошло. В интересах же безопасности Баязета, демонстрация силы оружия Эриванского отряда была крайне необходима.

Фаик-паша также не рискнул принять бой, и это понятно, ибо ему еще не было выгодно начинать боевые действия. Фаик-паша наращивал свой отряд и не намеревался пока тратить силы.

Выиграв сражение у Фаик-паши, а шансы на это были огромные, разрушив структуру еще рыхлого и до конца не сформированного Ванского отряда, авангард князя Амилохвари создавал исключительно выгодную ситуацию идущему в сторону Эрзерума главному отряду Действующего корпуса. В случае победы над Ванским отрядом, ни о каком покушении на гарнизон Баязета с его стороны тогда не могло бы быть и речи. Странно, очень странно, но Амилохвари не атаковал отряд Фаик-паши, и за это с него никто не спросил.

Мотивацию своего поведения генерал Амилохвари направил Тергукасову. Из документов не известно, как эти странные действия объяснил Амилохвари. По всей видимости, от генерала Амилохвари, не пожелавшего ввязываться в бой, могли исходить неточные сведения о наличии и количестве турецких войск в районе его действий. В официальных документах имелись и такие сведения, что якобы отряд Амилохвари не встретил турок на пути своего движения. Во всяком случае, от генерала Тергукасова получено ответное приказание Амилохвари вернуться в отряд.

Вот донесение Тергукасова командиру Действующего корпуса:

«Точных данных о силах турок со стороны Вана нет. Мною послано князю Амилохвари приказание возвратиться в виду бесполезности дальнейшего наступления вглубь Ванской провинции».

Комментарии к этим ложным донесениям и ответной реакции на них высшего командования, согласится читатель, здесь излишни.

Генерал Амилохвари, оставив слабый отряд Фаик-паши в покое, предоставив ему возможность ук-

репляться, стал, таким образом, еще одним виновником будущей баязетской трагедии.

К тому времени, когда генерал Амилохвари упустил шанс выгодной атаки, турки начали сосредотачиваться у Караклиса, что угрожало наступающему на запад отряду Тергукасова, рассеянному в тылу свои силы и остерегающемуся вступить в бой. Поэтому генерал Тергукасов и отзывал генерала Амилохвари, в интересах своего Эриванского отряда. Возможно, непростительная осторожность генерала Амилохвари объяснялась сложившимися отношениями с генералом Тергукасовым, и Амилохвари не желал давать начальнику Эриванского отряда козыри для обвинения в случае неудачи его атаки.

В конечном итоге, взаимная неприязнь или малейшее недоверие в среде командования никогда не способствовали успеху, а в этом конкретном случае усугубили положение Баязета.

Отряд Амилохвари, можно сказать, расчистил Фаик-паше дорогу на Баязет.

После возвращения Амилохвари к Тергукасову, командиру Действующего корпуса Лорис-Меликову был сделан доклад, что Ванский район подготовлен для самостоятельных действий отряда Фаик-паши и что со стороны Вана существует постоянная угроза Баязету. Как видно, время было упущено, и теперь пришлось размышлять над тем, что же собираются делать турки, имея в своем расположении свежие и повседневно пополняемые силы. Фактически, турки сумели подчинить действия Эриванского отряда своим тактическим интересам.

Турецкий Ванский отряд навязал Эриванскому отряду два варианта действий. (Теперь уже условия диктовали турки, и секретов не было, что Ванский отряд находится на пути к Баязету, в 50 верстах от него. Для кавалерии это всего один день перехода.)

Если Эриванский отряд значительно углубится в турецкий тыл, Ванский отряд тут же овладеет Баязетом. Тогда беззащитная Эриванская губерния наводнится скопищем курдов, там произойдет повальный разбой. Если же Эриванский отряд воспрепятствует захвату Баязета

и вторжению курдов в Эриванскую губернию, то турки смогут держать Эриванский отряд в постоянном бездействии, и отряд не решится более двинуться на запад.

После долгих и трудных уговоров генералом Амилохвари начальника Эриванского отряда, что в Баязете опасно держать малочисленное формирование, гарнизон Баязета был усилен и окончательно установлен его состав.

В Баязетском гарнизоне были оставлены батальон Ставропольского пехотного полка, две роты Крымского пехотного полка, одна сотня Уманского казачьего и одна сотня Хоперского казачьего полков, две сотни Елизаветпольского иррегулярного полка, два орудия и передвижной госпиталь — всего около полутора тысяч бойцов.

К середине мая численность отряда Фаик-паши составила 3946 человек пехоты и 1200 — кавалерии при 9 орудиях, но он еще не решался наступать на Баязет. Неукрепленному гарнизону Баязета от медлительности турок было не легче. Располагая силами в четыре раза меньшими, чем у Фаик-паши, гарнизон Баязета пребывал в тревожном ожидании.

Сам Эриванский отряд испытывал немало трудностей. 15 мая Амилохвари отметил, что *«войска жалуются на недостаток провианта»* и при этом, намекая на нерадивость Тергукасова, восклицает:

«По-моему, тот генерал хорош, который прежде всего позаботился заготовить провиантом и всем, что нужно для войны. Когда солдат сыт и всем обеспечен, то никакой враг ему не страшен».

Справедливости ради отметим, что генерал Тергукасов признавал положение, сложившееся явно не в пользу своего отряда. Время от времени он направлял тревожные донесения командующему Действующим корпусом генерал-лейтенанту Лорис-Меликову:

«При настоящих обстоятельствах для успеха действий отряда мне нужны подкрепления для обеспечения тыла и сообщений. Когда баязетский отряд будет доведен до 3–4 батальонов при восьми орудиях,

только тогда отряд может успешно не только пассивно защищать Баязет, но и вести активную оборону всей восточной части Баязетского санджака».

Генерал Тергукасов хорошо знал, что подкрепление ему, конечно, не пришлют и, получив одобрение командующего корпусом выступить дальше вглубь, к Караклису, в этом донесении от 17 мая он как бы снимал с себя ответственность за последствия, касающиеся Баязета.

Неизвестно, что помешало капитану Штоквичу выполнять свои комендантские функции, особенно в части запаса провизии и воды, но как отмечает генерал Амилохвари, будучи в Сурп-Оганесе, Штоквич с тревогой приезжает к нему с жалобами на создавшиеся трудности в цитадели.

Генерал Амилохвари 18 мая записал:

«Из Баязета прибыл капитан Штоквич с решительным намерением не возвращаться больше в Баязет, если только начальник Отряда не облечет его властью, которая коменданту присвоена, и не снабдит его самой широкой подробной информацией, в противном случае, пребывание свое в Баязете он считает невозможным, поскольку лица, подведомственные ему, не подчиняются».

Так о чем же тогда беседовал капитан Штоквич со своим протеже, генералом Амилохвари, который сам толком не знал Штоквича в делах и вряд ли объективно оценивал ситуацию в цитадели. Во всяком случае, жалоба на Ковалевского, так часто, хотя и справедливо, информировавшего о возможности нападения турок, видимо, возымела действие.

Словом, в штабе генерала Тергукасова стали думать о кандидатуре офицера, которому можно было бы поручить командование войсками как в самом Баязете, так и в его окрестностях. По этому поводу было решено провести совещание.

Фактически речь шла об отстранении подполковника Ковалевского от командования всеми баязетскими военными формированиями. Причем происходило это с какой-то непонятной легкостью, при чем-то кивке головы: мол, Ковалевский не подходит для должности

начальника гарнизона Баязета. Ни один из офицеров штаба Тергукасова так и не спросил, почему опытный кавказский офицер подполковник Ковалевский не подходит для дальнейшего выполнения функций начальника гарнизона, в чем же состоят его ошибки. Действительно, для таких масштабов можно было бы подобрать офицера с более высоким чином. Все же, независимо от деловых качеств офицера, чин в армии всегда имеет моральное значение для подчиненных.

У истоков отстранения от должности достойного офицера находился генерал Иван Гивич Амилохвари, хотя за период долгой службы в Кавказской армии он славился в войсках своим человеколюбием и нравственностью. Мы оперируем фактами из многих источников, ибо сам князь Амилохвари в своих дневниковых записях всячески уходит от оценки личности Ковалевского.

Очевидно, генерал Амилохвари не мог простить Ковалевскому предупреждения о наступлении турок, направляемые через его голову, напрямую начальнику отряда. Вряд ли знал и сам Ковалевский о сложившихся непростых отношениях между Амилохвари и Тергукасовым и что всякое донесение, минуя князя, воспринималось как подсиживание.

Если с честью у военачальников все в порядке, случись подобное, один из них обязан был бы наладить отношения или немедленно оставить свой пост. Без взаимного доверия и понимания воевать нельзя. Через несколько дней, когда будут затронуты личные интересы генерала Амилохвари, он изъявит желание покинуть Эриванский отряд, Тергукасов внимательно разберется и все миром уладит. До конца войны Амилохвари останется в отряде. И даже начальником кавалерии, о чем мечтал Амилохвари с первых дней пребывания в отряде, его-таки назначат. Но все это произойдет позднее.

В ситуации с Ковалевским генерал Амилохвари, как его непосредственный начальник, на совещании стремился заменить подполковника Ковалевского и, почувствовав, что это произойдет, быстро сориентировал-

ся и предложил вместо Ковалевского кандидатуру генерал-майора **Келбали-хана Нахичеванского**. В то время Келбали-хан Нахичеванский исполнял обязанности начальника кордона на подходах к Эриванской губернии.

Во все времена своей службы Келбали-хан имел безукоризненную репутацию и командовал тогда небольшим войском, явно по количеству и своей мощи недостаточным для генеральского уровня. Генерал Тергукасов без объяснения причин отклонил кандидатуру Келбали-хана.

Мы еще встретимся с Келбали-ханом Нахичеванским и познакомим читателя с его биографией.

Из записей генерала Амилохвари явствует, что искали не фигуру, во всех смыслах достойную для обеспечения безопасности в этом стратегически важном районе тыла Эриванского отряда, а выискивали офицера, которым сугубо формально надо было бы «заткнуть дыру» и не более.

На совещании начальник Эриванского отряда перешел к обсуждению вопроса о новой кандидатуре. Было очевидно, что любой другой офицер, кроме Ковалевского, при таком обилии задач и таком мизерном количестве войск, вряд ли сумеет противостоять турецким войскам, явно превышающим по вооружению и количеству баязетский гарнизон.

Пытались выбрать кандидатуру из состава штаба Эриванского отряда, но сам генерал Тергукасов, не желая оголять свой штаб, этому воспротивился. Когда генералу Амилохвари предложили назначить в Баязет своего начальника штаба, он категорически возразил, замечая в своем дневнике, что это происки Тергукасова, который якобы заинтересован в ослаблении авангарда Амилохвари.

Словом, судили, рядили и, когда уже все до предела устали от поиска кандидатуры в Баязет, вдруг кто-то из участников совещания, желая, может быть, быстрее его завершить, предложил кандидатуру командира 2-го батальона Крымского пехотного полка подполковника **Пацевича**. Участники переглянулись, никто из присут-

ствующих, оказывается, не мог сказать ни слова о деловых и боевых качествах Пацевича. Как известно, в таких случаях всегда легче одобрить неизвестную кандидатуру, что и было сделано.

Итак, толковый и бывалый офицер подполковник Ковалевский, вошедший в роль начальника баязетского гарнизона, в условиях угрожающей опасности, без объективных причин был заменен подполковником Пацевичем. А говорят, коней на переправе не меняют. Безответственные ездки еще как меняют!

Пока только было очевидно, что одного известного подполковника и проверенного в бою офицера меняли на другого подполковника, тоже заслуженного боевого офицера, но не известного в штабе отряда. Одного известного и авторитетного командира батальона — на неизвестного командира батальона.

Ни Ковалевский, ни Пацевич не знали, что на совещании у Тергукасова 19 мая 1877 года была предпринята их судьба. В этом мире каждому из них оставалось быть совсем немного. Ковалевскому — около двух недель, Пацевичу — около месяца. Не будь этой роковой перестановки, возможно, все бы произошло по-иному. Внезапная гибель этих двух несчастных офицеров станет началом трагедии всего Баязетского гарнизона.

В момент смены Ковалевского Штоквич находился в штабе Эриванского отряда. По всей видимости, решение совещания было доведено до Штоквича. 19 мая 1877 года Амилохвари не без удовлетворения записал в своем дневнике:

«Штоквича, наконец, снабдили подробной инструкцией и отправили в Баязет. Я от души пожелал всего лучшего, а главное, посоветовал не дремать и исполнять все мои указания. Не было у него коня, я отдал ему одного из лучших своих жеребцов и благословил в путь».

Пока капитан Штоквич лихо скакал в Баязет и срочно разыскивали подполковника Пацевича, ознакомимся с его Послужным Списком (по роману и фильму — полковник Адам Платонович Пацевич).

Извлечения из Послужного Списка
командира 1-го Батальона 73 Пехотного
Крымского Его Императорского Высочества
Великого Князя Александра Михайловича полка
Подполковника Пацевича Г.М.
(Составлен на Сентябрь 1877 года)

Подполковник **Пацевич Григорий Михайлович** родился в 1823 году. Происходит из Обер-офицерской семьи Полтавской губернии. Вероисповедания православного. Воспитывался в частном учебном заведении.

В службу вступил фейерверкером в декабре 1839 г. Унтер – офицер с 7 февраля 1841 г. За отличия в боях против горцев – чины Прапорщика (1846 г.), Подпоручика (1848 г.), Поручика (1851 г.) и Штабс-капитана (1853 г.). Командиром роты с 19 июля 1854 г. Назначен полковым адъютантом – 6 августа 1857 г. и полковым казначеем – 1 июля 1858 г. За отличия по службе – чин Капитана с 23 ноября 1858 г. и единовременная награда – 200 рублей – 20 июля 1861 г.

Переведен в 73 Пехотный Крымский полк командиром роты – 17 ноября 1861 г. За отличие против горцев – чин майора с 17 апреля 1863 г. Начальник стрелков полка с 14 апреля 1863 г. Приказом по Кавказской Армии утвержден командиром 1-го Батальона с 28 июля 1865 г. За отличие по службе награжден чином Подполковника с 23 октября 1866 г.

Сдал батальон и назначен начальником стрелков – 26 октября 1870 г. Избран Председателем полкового суда – 8 ноября 1871 г. За отличие по службе 8 сентября 1871 г. награжден денежной премией – 280 рублей серебром. Приступил к командованию 1-ым батальоном с 9 июля 1873 г.

С 12 апреля по 18 июня 1877 г. находился в составе действующего Эриванского отряда.

Кавалер шести боевых орденов (Святого Владимира 4 степени с бантом; Святой Анны 2 степени с Императорской короною и мечами над орденом; Святого Станислава 2 степени с Императорской короной

и мечами; Святой Анны 2 степени с Императорской короной и мечами; Святой Анны 3 степени с бантом; Золотой сабли с надписью «За храбрость») и четырех медалей (Бронзовой «За Восточную войну 1853–1856 г.г.»; Серебряной «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 г.» и «За покорение Западного Кавказа 1859–1864 г.г.» и креста «За службу на Кавказе»).

Полное денежное содержание 2377 рублей в год.

Семейное положение: Вдовец после первого брака, имеет троих сыновей и двоих дочерей (Михаила, родившегося 28 сентября 1865 г.; Николая – 13 декабря 1868 г.; Александра – 5 февраля 1874 г. Зинаиду – 26 сентября 1860 г., и Елену — 5 мая 1876 г.)

Скончался 18 июня 1877 г. от полученной раны в сражении с турками 6 июня 1877 г.

Перечитывая скупые строчки биографии подполковника Пацевича, убеждаешься, что он не имел явных преимуществ перед Ковалевским. Оба они были отважными боевыми офицерами и заслуженные ими награды — тому свидетельство. Их резко отличала личная жизнь. Александр Викентьевич Ковалевский был счастлив, у него была заботливая и любимая жена Александра Ефимовна. Подполковник Пацевич был вдовцом. Покойная супруга оставила ему пятерых малолетних детей, находившихся на попечении родственницы.

На фоне авторитетного в войсках, мудрого и хладнокровного Ковалевского, Пацевич был вспыльчивым, неудержимо властным и непредсказуемым.

Пока Пацевич добирался до Баязета, непосредственный куратор баязетского гарнизона, генерал Амилохвари, человек тоже с пылким характером, решает освободиться от своих обязанностей из-за внутреннего конфликта с Тергукасовым. Не какой-нибудь плохо воспитанный сотник, у которого возникли проблемы с подчиненными казаками, а умудренный опытом и известный генерал Амилохвари хорошо сознавал не солидность своего прошения, да еще во время военных событий. К тому же, генерал Тергукасов не имел полномочий удовлетворить просьбу генерала Амилохвари.

Восстановить картину происшедшего помогает дневник Амилохвари:

«23 мая. Разговор с Тергукасовым:

Я просил сложить с меня командование авангардом и поручить это другому генералу. Это почему? — спросил Тергукасов. Потому, что на мне лежит одно только название «начальник авангарда», а на самом деле мои обязанности сводятся к саперным работам. В тех случаях, когда авангарду надлежит действовать, меня останавливают на месте, а вперед посылают офицеров, присланных из главного отряда. Значит им и книги в руки. Они и должны составлять авангард».

Факт редкий, печальный и явно не ко времени. Хладнокровный Тергукасов не допустил добровольной отставки Амилохвари и конфликт не получил развития. Правда, от таких отношений в руководстве Эриванского отряда самому Баязету легче быть не могло.

Подполковник Пацевич прибыл в Баязет 24 мая вместе с подчиненными ему двумя ротами Крымского полка, и в тот же день, приняв дела у Ковалевского, вступил в командование войсками баязетского гарнизона. Свою отставку Ковалевский воспринял спокойно, как приказ, который надо принять к исполнению, и продолжал уверенно командовать вверенным батальоном Ставропольского полка. Он сознавал, разумеется, что в его отставке сыграли роль частые донесения о наступлении турок. Но ведь Ковалевский доводил до сведения руководства только реальные факты. Этот храбрый кавказский воин, с прямым и твердым характером, как показало позднее проведенное расследование, не способен был к преувеличениям.

После внезапной отставки Ковалевский еще острее почувствовал, как в Баязете ему не хватает супруги Александры Ефимовны. Детей у них не было, и оба они нежно заботились друг о друге. Вот письмо Александра Викентьевича жене от 30 мая: *«Дай только Бог, чтобы турки вздумали подойти ко мне поближе. Надеюсь угостить незваных гостей хорошо. Если Богу будет угодно, что меня убьют, то не печалься, моя дорогая крошка, о своем старике, инвалиде, муже, а гордись*

этим». (Это письмо Александра Викентьевича уже после его смерти и освобождения Баязета опубликовал генерал К.К. Гейнс).

Получив письмо, Александра Ефимовна Ковалевская своим тонким женским чутьем почувствовала надвигающуюся беду. Срочно оформив перевод из военного госпиталя № 15 в баязетский госпиталь № 11, она в первых числах июня прибыла в Баязет. Так в гарнизоне, в условиях надвигающихся грозных событий, оказалась единственная женщина. (В романе В.С. Пикуля — Аглая Егоровна, а в фильме Ольга Егоровна Хвоцинская.)

Отставка хлопотливого Ковалевского и назначение Пацевича не изменили положения дел в гарнизоне. Подполковник Пацевич разделял полностью позицию своего предшественника, ибо посылаемые им разведчики также подтверждали опасность, грозящую Баязету.

Для овладения городом турки продолжали формировать большое иррегулярное войско, преимущественно из курдов. Тем временем, 31 мая, было получено предостережение из Персии от Макинского хана, сообщившего преувеличенные сведения о нахождении у Соук-су 30 000 турок при 12 орудиях. Но все мусульманское население города, находившееся в непрерывном общении с двигающимися массами Фаик-паши и проявлявшее до этого скрытую неприязнь к российским войскам, теперь выражало ее уже открыто. Начались дерзкие нападения на россиян. В это время был арестован местный житель-турок, который пытался отвести воду, поступающую в цитадель.

Наступил июнь. Баязетский гарнизон, обреченный по вине старших командиров на бездеятельность, стал понемногу пробуждаться. Здесь уже открыто толковали об опасности. Организованные еще Ковалевским дневные и ночные разезды казаков регулярно выслались на соседние высоты. Они обзоредали окрестность на расстоянии лишь орудийного выстрела, но такие наблюдения ограждали Баязет от внезапного нападения. Большая часть всего гарнизона, разместившаяся за пределами цитадели, все чаще обращала свои взоры к замку. Только он мог стать защитой российских воинов.

В цитадели со 2 мая, то есть еще месяц назад, должен был активно действовать комендант капитан Штоквич, получивший 19 мая специальную инструкцию от начальника отряда генерала Тергукасова и настоятельную рекомендацию генерала Амилохвари «не дремать и исполнять все его указания». Новый начальник гарнизона не вмешивался в деятельность Штоквича. По всей видимости, князь Амилохвари рекомендовал Пачевичу, при его назначении, не препятствовать коменданту Штоквичу заниматься подготовкой цитадели к обороне.

Снабжение всего гарнизона, а замка тем более, являлось главной функцией коменданта Штоквича. Непонятно, почему в преддверии опасности комендант Штоквич допускал нахождение продовольственного склада Саркис-аги Мамукова за пределами цитадели. Запасы сухарей там были в достаточном количестве, но в цитадель они выдавались по потребности. Цитадель, несмотря на неоднократные рекомендации генерала Амилохвари, на случай осады, продолжала быть не обеспеченной продовольствием и водой.

Еще 5 мая Амилохвари записал в своем дневнике: *«Имея в виду, что неприятель легко может в случае блокады отвести воду, я сделал распоряжение, чтобы бассейн, находящийся во дворе цитадели, был немедленно исправлен и постоянно наполнялся водой. С этой же целью приказал достать у жителей побольше котлов, бочек и всякой посуды, наполнять их, на всякий случай, водой и чаще ее освежать».*

Фонтанный резервуар цитадели представлял собой огромную, хорошо приспособленную емкость, с запасом воды чуть ли не на месяц, но фонтан не действовал и нуждался в ремонте. В гарнизоне об этом толковали неоднократно, но приведением его в порядок не занимались. Полтора месяца и в последние особо тревожные дни фонтанный резервуар оставался пустым. Наполнить бассейн, даже в условиях не действующего фонтана, было возможно. Из водопроводного крана, находившегося рядом с резервуаром, до самого дня осады обильно лилась чистая и холодная горная вода.

Никого из руководства гарнизона Баязета не насторожила неудавшаяся попытка арестованного турка отвести воду из работающего крана.

Лишь спустя месяц и два дня после вступления в должность коменданта, только 4-го июня, капитан Штоквич издает приказ, первый за период своего пребывания в цитадели.

Цитируем параграф 1 этого документа без изменения:

«Ввиду могущей случиться осады крепости Баязета и отнятия воды из текущего в крепости родника, предлагаю смотрителю кавказского военно-временного № 11 госпиталя наполнять всю имеющуюся у него свободную посуду, как-то: бочки, ванны, ладьи, котлы и тому подобное, водою из крепостного родника, которую менять через два дня; а командирам рот 7-й и 8-й пехотного Крымского полка предлагаю обязательно наполнять солдатские котелки и ротные котлы водою, которую выливать по утрам».

Для установки двух и единственных в цитадели орудий у южной стенки заднего двора требовалось оборудовать место. Еще месяц назад об этом лично распорядился князь Амилохвари, но ничего сделано так и не было. В условиях реальной опасности эти работы были начаты, но и в этих, почти критических, условиях они проводились чрезвычайно вяло. На шинелях, на пополах с помощью лопат вывозили навоз, перемешивали его с камнями и скудным количеством земли. Только к вечеру 3 июня сумели создать два возвышения для орудий. Также не были сделаны специальные приспособления для стрельбы и укрытия для людей, не изготовлены необходимые в таких случаях земляные мешки. Во всем гарнизоне не оказалось офицера-инженера, отсутствовали саперы.

Если еще в первой половине мая можно было принять все необходимые меры для защиты баязетского гарнизона, то теперь гарнизон уже никак не мог предотвратить угрожающей ему опасности и не успевал подготовиться к обороне. Правда, шансы хоть как-то ослабить угрозу штурма все же и в эти дни существовали. Эти шансы использовали сами бойцы-энтузиасты, а

Гарнизон Баязета благоденствует

деятельность коменданта в уже экстремальных условиях осталась неизвестной.

История Крымского полка свидетельствует:

«Цитадель также не успели приспособить к ружейной и артиллерийской обороне, что явилось причиной большой потери в людях в первые дни осады. Хотели заранее на стенах цитадели построить из мешков, набитых землею, или за неимением их, из камней и земли, закрытия для стрелков, а в казармах, где без крайней необходимости нельзя было заваливать окна, хотели около них также заготовить камни и мешки с землею; наконец, позади цитадели, площадку с каменной стеной, где впоследствии стояли два орудия, также предполагали привести в оборонительное положение, но ничего этого не успели сделать, и орудия на площадке стояли совершенно не защищенными в качестве мишени для турок. Все эти приспособления и исправления были произведены уже во время осады са-

ими солдатами без всякого понуждения со стороны коменданта».

На благоденствующее настроение гарнизона, в определенной степени, сказывалось влияние нового начальника гарнизона. Паническое настроение ему было чуждо, и он ободряюще действовал на воинов всего гарнизона. Об обороне Баязета он и не думал. Пацевича не прельщало и томительное отсиживание за высокими стенами цитадели. У храброго Пацевича подобные мысли никак не могли укладываться в голове. Воинственный дух всегда неутомимого подполковника Пацевича взывал к сражению. (Нам так и не удалось найти сведения, что же предпринимал лично Пацевич по устройству обороны цитадели.)

Получив впервые в жизни небывалую самостоятельность, пылкая душа храброго воина стремилась непременно сокрушить противника. Оценивал ли он реальные силы турок или нет, трудно сказать. Григорий Михайлович был человеком замкнутым, никто не мог предугадать его намерения, но в бой Пацевич рвался отчаянно.

План отучить турок подходить к Баязету у командующего войсками баязетского гарнизона созрел скоро, и для оценки реальных сил противника он предпринял свою первую разведку боем. Отважный и уверенный подполковник Пацевич продолжал твердо верить в победу русского оружия, независимо от мощи противника.

Вначале он снарядил отряд из двух сотен Уманских казаков и двух сотен Елизаветпольской милиции под начальством войскового старшины Булавина и выслал отряд на рекогносцировку Ванской дороги.

Отряд вышел рано утром 3 июня, и, как только спустился с гор и поднялся на отроги высот, прилегавших к границам Персии, был встречен конными постами турок. На отряд набросилось до шести сотен неприятельской конницы турецких курдов. Была отмечена какая-то необычайная для них смелость. Складывалось впечатление, что курды чувствовали за собой поддержку. Казаки Булавина немедленно спешили и открыли огонь. Спасовавшие милиционеры, между тем, бро-

сившись назад, увлекли за собой и казачьих лошадей. Турки, имея все возможности атаковать небольшой баязетский отряд, уничтожить милиционеров и казачьих лошадей, почему-то не вступили в бой, и российский отряд получил возможность без боя и потерь благополучно вернуться в гарнизон. Хотя о противнике точные сведения доставлены не были, стало очевидным, что близ Баязета находятся значительные силы турок и обнаруженные шесть сотен их всадников, видимо, представляют лишь авангард.

Вечером 3 июня Тергукасов получил шифрованную депешу о наступлении турок из Вана, и что Баязет оказывается в критическом положении. Ради отвлечения Ванского отряда от Баязета, генерал Тергукасов решает 4 июня в 7 утра стремительно атаковать противника двумя кавалерийскими колоннами.

Бой у Драм-дага продлился до 5 июня. Правому флангу армии Мухтар-паши было нанесено поражение. Этот бой отчасти упрочил тыл Эриванского отряда. В приказе генерал Тергукасов благодарил воинов за отвагу:

«Войска Эриванского отряда! Вы достойно поддержали славу Ваших боевых предшественников! Пехота, артиллерия и кавалерия, соревнуясь в усердии и в взаимной помощи, явили себя одинаково достойными. Я любовался спокойным огнем нашей пехоты перед суетливой стрельбой турок. Стойкость и хладнокровие пехоты не уступали искусству и достойному удивлению самоотвержению артиллерии, лихости и бдительности кавалерии. Драгуны и казаки показали себя такими же лихими наездниками, как и ловкими пехотинцами. Я счастлив, командуя такими войсками, я счастлив, что могу донести нашему Августейшему Главнокомандующему об их мужестве и о доблести и распорядительности их достойных начальников..»

Войска Эриванского отряда! Ваши славные подвиги, порадуя нашего возлюбленного Государя и Отечество, возлагают на Вас обязанность и впредь быть столь же достойными имени русских и столь же грозными противнику».

(РГВИА, фонд 485, оп. 1, дело 1814)

Молва о поражении турок стремительно долетела и до баязетской долины. Радости в Баязете не было предела, но Фаик-паша со своим многочисленным отрядом и в этих условиях почему-то продолжал быть нерешительным. Когда главные силы Эриванского отряда сосредоточились в бою у Драм-дага, Фаик-паша почему-то не двинулся к Баязету.

Гарнизон Баязета получал в подарок дополнительные дни для подготовки к обороне, но и в эти дни, когда противник был на подступах к Баязету, цитадель пребывала в благоденствии. Как в сладком сне, гарнизону казалось, что «жизнь хороша и жить хорошо».

Но турки, все равно, не дремали. В то время, когда Тергукасов атаковал турецкие войска при Драм-даге, утром того же 4 июня перед Баязетом внезапно появилась турецкая конница и, опрокинув посты, угнала до 1000 голов рогатого скота городских жителей. Это разбойное нападение помогло несколько ускорить вяло и бессистемно проводившиеся работы по укреплению цитадели. В частности, окна и двери начали заваливать камнями, а для ружей оставили бойницы, вооружили госпитальную команду, смотрителю госпиталя было приказано заполнить всю посуду водой и менять ее каждые два-три дня. За все это дружно схватились, когда было уже поздно.

Перед надвигающейся опасностью настало время хладнокровно подсчитать свои силы и представить мощь наступающего на Баязет противника.

В начале июня 1877 года в Баязете окончательно сформировался гарнизон, его состав был следующим: офицеров — 28; медиков — 6; две роты Крымского полка — 336 нижних чинов; батальон Ставропольского полка — 621; две сотни 1-го Уманского казачьего полка — 227; сотня 2-го Хоперского казачьего полка — 134; две сотни Елизаветпольского конно-иррегулярного полка — около 200; кавказского казачьего полка — 19; 2 орудия с расчетами — 40; госпитальной прислуги — 68.

Таким образом, исключая медиков, всех способных владеть и действовать оружием в гарнизоне Баязета, вместе с офицерами, насчитывалось, примерно, 1670

бойцов. Это количество не учитывало прибывающих из Эривана всадников Елизаветпольского конно-иррегулярного полка. Их четыре сотни выполняли охранные функции на линии Баязет-Диадин и в дальнейшем не находились в цитадели.

Гарнизон Баязета питал слабые надежды на сформированный недавно Эриванский конно-иррегулярный полк, в количестве около 600 всадников, под командованием закаленного кавказского воина полковника **Исмаил-хана Нахичеванского**. Этот полк, состоящий из новобранцев, совсем еще не обстрелянных юнцов, должен был двинуться из Эриванской губернии в Баязет. Но это небольшое формирование существенно не влияло на повышение обороноспособности Баязета. Даже в случае подкрепления этим конно-иррегулярным полком, баязетский гарнизон не превысил бы в своей численности 2300—2400 бойцов. Другой помощи не ожидалось. И не могло ее быть, потому что Эриванский отряд вступил в военные действия на чужой территории, не имея для выполнения поставленных задач достаточной численности, но и будучи к тому же еще и слабо организованным.

Размышляя над роптанием военачальников Эриванского отряда по поводу неясности в намерениях начальника отряда, беспорядков в его штабе и организации отряда, как действующего соединения регулярной армии, еще 25 апреля 1877 года генерал Амилохвари отметил:

«Странно в самом деле сформирован наш отряд: ни денег, ни подъемных средств, ни лазаретов, ни провианта, ни фуража, ни однообразного вооружения! Настоящий Тришкин кафтан! Нищета величайшая, — точно после неприятельского погрома. Глядя со стороны, право, можно подумать, что мы ровно 20 лет перед тем ничего не делали, как преспокойно отдыхали на севастопольских лаврах».

К этому времени турки, общей численностью 12 000 человек, а по некоторым источникам — до 15 000, при 12 орудиях, сосредоточились в окрестностях Тепериза, в 18—20 верстах от Баязета. Если полагать, что мусуль-

манское население Баязета, селений в его окрестностях, кочевники санджака только и ожидали сигнала для присоединения к отряду Фаик-паши, а турецкие власти на то и рассчитывали, то отряд этого турецкого генерала без труда мог быть доведен до 20 000 бойцов. Правда, Ванский отряд, комплектовавшийся в большей степени иррегулярными формированиями, на самом деле, не мог представлять грозную силу, равнозначную регулярной армии в 20 000 бойцов. Фактически Фаик-паша располагал всего лишь шестью регулярными батальонами и 7-ю — 8-ю тысячами слабо вооруженных жителей. Это были плохо обученные крестьяне, и прибавление могло состоять из таких же необстрелянных бойцов. Но на войне сгодятся даже толпы.

На собственной земле, где хорошо знакома местность, а каждый дом мог стать укреплением или просто ловушкой, отряд Фаик-паши представлялся большой силой.

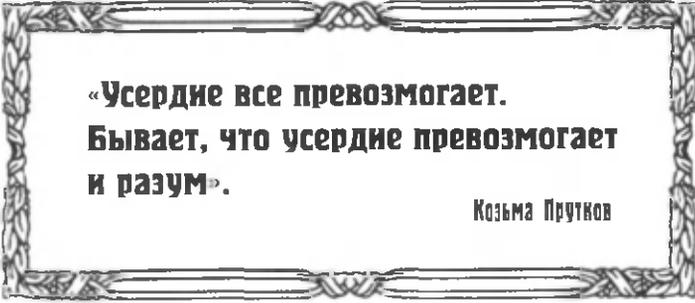
По разным, даже заниженным, оценкам можно полагать, что на Баязет были брошены силы турок, превышавшие российские как минимум в семь-восемь раз. Но отважный и одухотворенный подполковник Пацевич, не желавший думать о каком-либо поражении своего гарнизона, весь день 5-го июня 1877 года осмысливал новую и более крупную вылазку против турок. Григорий Михайлович Пацевич продолжал оставаться непреклонным в своем стремлении отбросить неприятеля от Баязета.

Близился конец дня 5 июня. Утомленное солнце стремилось уйти за горизонт. Поздним вечером над Баязетом опускалась ночная мгла. Невыносимое изнурительное пекло сменялось приятной ночной прохладой. Свободные от службы нижние чины отходили ко сну. Господа офицеры тоже спешили закрыть свои очи и забыться.

Приближалось 6 июня 1877 года. Этот памятный день заставил многих в гарнизоне Баязета серьезно поразмыслить над старой, но нередко забываемой, истиной, что жизнь человеческая не бесконечна.

**ДОБРОВОЛЬНО
В ПОГИБЕЛЬ**

A decorative rectangular border with a repeating geometric pattern, possibly a stylized braid or knot, surrounding the text.

**«Усердие все превозмогает.
Бывает, что усердие превозмогает
и разум».**

Козьма Прутков

В полночь у Пацевича возникла непривычная мысль посоветоваться с подвластными ему офицерами. Обычно Григорий Михайлович предпочитал решать возникающие вопросы единолично. Различия в мнениях товарищей по службе вело к сомнению в правильности собственного решения. Известно, что все познается в сравнении, но Пацевичу нравились свои альтернативы. Будучи Председателем полкового суда, он внимательно выслушивал все показания, но решение у него было заранее подготовлено, оставалось лишь огласить его. Подполковник Пацевич верой и правдой служил Царю и Отечеству. Когда год назад умерла жена, оставив ему пятерых малолетних детей, у Григория Михайловича были убедительные доводы просить командование подобрать ему место службы поближе к дому, чтобы больше уделять времени своим сиротам, и никто бы не возразил против его просьбы, сочувствуя свершившейся семейной трагедии. Но Крымский полк вот уже 16 лет был вторым домом, второй семьей Пацевича, и вне Полка Пацевич не представлял свою жизнь. Избрание его Председателем полкового суда — это свидетельство высокого доверия. Григорий Михайлович искренне верил в свою собственную порядочность и правоту. Эта вера придавала его действиям особую решительность. Смелости и уверенности Пацевичу было не занимать.

В ночь с 5 на 6 июня 1877 г., когда уже не было никаких сомнений о движении турок к Баязету, Пацевич в спешном порядке созвал военный совет из начальников частей гарнизона, чтобы ответить на извечный вопрос: что делать?

Представим себе, что же происходило на совете. Восседая за старым громоздким столом в своих тесных и неуютных хоробах цитадели, командующий войсками в Баязете отхлебывал из стакана маленькими глотками свой любимый напиток — чай и пытливым взором окидывал лица прибывших офицеров.

(В романе и фильме «Баязет» на этом совещании Адам Платонович Пацевич представлен законченным алкоголиком, явно больным человеком и самодуром. Реальный же Григорий Михайлович Пацевич был нормальным офицером, никоим образом не причастным к зелью. Его незаслуженно опорочил Валентин Пикуль, а постановщики фильма еще более изощренно глумились над образом этого честного русского офицера. Пацевич, действительно, был трезвенником и его страстью был чай.)

Многих офицеров в гарнизоне Пацевич еще не знал хорошо, большинству их он был также неизвестен. Отстранение Ковалевского, которого уже успели полюбить в гарнизоне, способствовало возникновению прохладного и даже, в определенной степени, неуважительного отношения пехотинцев-ставропольцев к Пацевичу. Словом, на долю Пацевича в этих условиях выпадала непростая миссия принимать ответственное решение.

Разумеется, он спросил собравшихся о дальнейших действиях войск гарнизона по подготовке Баязетского санджака к обороне. Но могли ли ему ответить офицеры, хорошо представляющие скромные возможности малочисленного гарнизона Баязета и тяжелую обстановку в регионе? В такой ситуации решение военного совета имело сутобо формальный характер, и для самостоятельности Пацевича создавались благоприятные условия.

Когда проводилось расследование баязетской эпопеи, так и не удалось выяснить цели военного совета и что же там происходило. Известно, правда, что комендант Штоквич тоже не возражал против выхода отряда Пацевича за пределы цитадели и, как он сам изложил в рапорте начальнику Эриванского отряда, только *«противился назначению 7-ой роты Крымцев, как составляющей с 8-й ротой тех же Крымцев непосредственный гарнизон цитадели»*, но *«должен был уступить приказанию подполковника Пацевича»*.

Итак, жаркий диспут, подобный совету в Филях в 1812 году, на ночном совещании 6 июня в Баязете не

получился. Теперь трудно судить, во что верил Пацевич и на что надеялся — все это ушло с ним в другой мир. Экспансивная натура Пацевича оставила потомкам не одну головоломку.

На самом же деле, вариантов у подполковника Пацевича было немного. Он мог принять только одно из двух решений:

Первое. Находиться в городе и цитадели, не совершать никаких вылазок, не дразнить неприятеля и думать, как выдержать осаду сильного противника. Это решение более отвечало сложившимся обстоятельствам.

Воспользовавшись остатком драгоценного времени, имея в распоряжении небольшие наличные силы, Пацевичу требовалось провести необходимые работы по усилению защиты города, а цитадель привести в возможно лучшее состояние долговременной обороны. Кроме того, необходимо было обеспечить цитадель всеми видами боевых, продовольственных и материальных запасов, что при условии перехода гарнизона полностью в цитадель гарантировало бы безопасность на длительный период.

Второе. Выступить на Ванскую дорогу с единственной целью искать и атаковать главные силы Фаик-пашы. Шансы на победу у Пацевича были немалые, но такое решение мог принять не просто храбрый офицер, но и мудрый военачальник.

Пользуясь очевидным превосходством воинского порядка в Русской Армии, чувством долга и мужества чинов отряда, необходимо было вдохнуть в отряд дополнительную энергию и упрочить решимость ее бойцов. История знает немало примеров побед не числом, а умением. В цитадели в таком случае следовало оставить лишь минимально необходимое число защитников (госпитальную прислугу, команду пеших казаков для охраны имущества и пересыльных). В конце концов, принимая не наспех, а заранее продуманное решение атаковать турок, что было бы выгодно Эриванскому отряду и Действующему корпусу в целом, подполковник Пацевич мог попросить у генерала Тергукасова

временную поддержку, хотя бы из двух рот крымцев и ставропольцев, а также Эриванский конный иррегулярный полк Исмаил-хана Нахичеванского.

Свой отряд подполковник Пацевич мог довести до 2-х батальонов и 10 сотен казаков и милиции. А это уже сила, с которой Фаик-паша вряд ли бы справился.

Решение Пацевича, как впоследствии анализировали специалисты Российского Генерального штаба, не вписывалось ни в одно из этих двух вероятных и разумных решений, хотя отдаленно и напоминало второй вариант.

Итак, на совещании в ночь с 5 на 6 июня было принято экстренное решение — произвести большей частью Баязетского отряда усиленную и дальнюю рекогносцировку Ванской дороги, то есть, не доверяя никаким слухам и показаниям лазутчиков, подполковник Пацевич решил сам убедиться, какие же силы направляются к Баязету. Что могла дать эта рекогносцировка в лучшем случае? Точное определение, во сколько же раз (втрое, вчетверо или впятеро) силы неприятеля превышают силы отряда Пацевича. Во всяком случае, атаковать отряд Фаик-паши подполковник Пацевич никоим образом не собирался.

В состав отряда были включены лучшие и главные силы Баязетского гарнизона: четыре роты пехоты (5-я, 6-я и 8-я Ставропольского полка и 7-я Крымского) и вся кавалерия в составе семи сотен (две сотни уманцев, сотня-хоперцев и четыре сотни милиции). Таким образом, отряд насчитывал около 1200—1300 воинов. Сила тоже немалая, но боевая задача этому отряду вообще не была поставлена!

В 3 часа утра подполковник Ковалевский попрощался с женой. Ни он, ни Александра Ефимовна не могли предполагать, что живым Александр Викентьевич в Баязет больше не вернется. На случай вторжения турок в цитадель, предусмотрительный Ковалевский передал полковому доктору Сивицкому свои просьбы, касающиеся безопасности жены. Завершив личные дела, подполковник Ковалевский отправился поднимать в поход пехоту.

Представители воинских частей Армии России

Еще до зари 6 июня отряд, под командованием подполковника Пацевича, покинул спящий Баязет. При этом определенный Пацевичем порядок расположения войск в отряде при движении не соответствовал целям отряда. Четыре сотни пехоты, окруженные плотным кольцом кавалерии, двинулись по Ванской дороге. 5-я сотня уманцев прикрывала пехоту с фронта, 1-я сотня уманцев — слева, сотня хоперцев — справа. В тылу шли три сотни Елизаветпольского конно-иррегулярного полка. Кавалерия, которая могла и должна была предшествовать пехоте и находиться, по крайней мере, верст на 10—12 впереди, контролируя более дальнюю полосу движения, двигалась на одной линии с пехотой. Когда в таком порядке отряд проследовал 15 верст, вдруг в долине показались сильные разъезды турецких курдов.

Увидев отряд, они медленно отступили в горы на противоположный берег долины. Будь в отряде Пацевича хотя бы небольшой авангард с лихими казаками,

пути курдам могли бы быть отрезаны. Движение отряда Пацевича было обнаружено и, конечно, определен состав отряда. Разъезды казаков, бросившиеся преследовать курдов, были отеснены, и у казаков с ними завязалась вялая перестрелка, ставшая вскоре оживленной. Пацевич устранился от боя, не думая, что это пока только пристрелка, не принял никаких мер на случай возможного боя и продолжал двигаться вперед. Куда и с какой целью?! Оказалось — в объятия противнику.

На 18-й версте показалась мощная конница, и подъем пехоты на гору был приостановлен. Зачем было останавливать отряд? Действовать надо! В таком положении, утомленный 18-верстным переходом под палящим солнцем, отряд Пацевича оставался в нерешительности целых 30—45 минут. Непонятно, чего выжидал Пацевич вместе с отрядом, предоставляя возможность противнику осмысливать ситуацию и активно действовать. Дерзость курдов, которые вначале только вели ожесточенную перестрелку с казаками, нарастала. Известно, что курды, подобно волкам, остерегаются нападать на отважных. А здесь они явно почувствовали нерешительность и незащищенность русского отряда. И слева, и с фронта стала наседать курдская конница. За ней двигались пешие турки. Наступающий неприятель стремился охватить русский отряд с обеих сторон. Такой тактический прием турки всегда применяли, если числом превосходили противника. Казаки в этой ситуации были вынуждены отступить к своей пехоте. Положение малочисленного отряда, находившегося в 18 верстах от Баязета, становилось критическим, и подполковник Пацевич приказал отступить.

Надо было заблаговременно дать команду отступить пехоте, а кавалерии — прикрыть отступление и уже потом начать отход кавалерии. Теперь запоздалое приказание отступить влекло к катастрофическим последствиям. Отступление утомленного, голодного и малочисленного отряда Пацевича, да еще под палящим солнцем, представлялось крайне трудным. Но атаковать отряд Фаик-паши подполковник Пацевич никоим образом не собирался еще в самом начале своего пути.

А теперь же предстояло опасное бегство от сильного противника.

Командующему Ванским отрядом Фаик-паше представилась блестящая и совершенно неожиданная возможность полностью уничтожить большую часть Баязетского гарнизона, столь неосторожно и безрассудно покинувшего Баязет. Фаик-паша не сумел или не захотел воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами. Непонятно, почему Фаик-паша не приказал своему отряду в 6000 бойцов кратчайшим путем двинуться прямо на Баязет, где оставался малочисленный гарнизон, не готовый к обороне.

Фаик-паша мог также направить свой отряд на поддержку курдов и уничтожить малочисленный и уже почти деморализованный паническим отступлением русский отряд. Уничтожив отряд Пацевича, Фаик-паша имел бы все шансы легко овладеть цидателью. Словом, непонятные половинчатые решения Фаик-паши как бы содействовали возникновению той эпопеи, которая вошла в историю под именем «Баязетского сидения».

Он поэтапно высылал вначале два эскадрона своей регулярной кавалерии, затем, после некоторого колебания, батальон пехоты с двумя горными орудиями, а сам оставался на высотах и только следил за ходом боя. Этим и ограничил Фаик-паша свои дальнейшие распоряжения и участие в бою 6 июня. Эскадроны кавалерии вовремя подоспели к бою и принимали в нем активное участие, а батальон пехоты, к великому благу для отряда Пацевича, уклонился от исполнения команды Фаик-паши и остановился на ночлег. Таким образом, отряд подполковника Пацевича преследовали лишь одна только регулярная кавалерия Фаик-паши и курды. Трудно предположить, чем руководствовался Фаик-паша. Возможно, он просто опасался столкнуться с частью победоносного Эриванского отряда.

Около десяти часов утра отряд пехоты начал отступление под руководством опытного и любимого войсками батальонного командира ставропольцев подполковника Ковалевского. Отступление казаков возглавили войсковые старшины Булавин и Кванин.

(Ставший одним из главных героев в сериале «Баязет», есаул Ватнин блестяще воссоздал действительный исторический образ героя Баязета войскового старшины Кванина).

Между тем, отступающий отряд Пацевича все равно оказался в тяжелейших условиях. Уже одна команда Пацевича отступать деморализовала отряд, который преследовали шестикратно превосходящие силы турок. У противника было превосходство именно в кавалерии, которая наиболее эффективна при преследовании. Равнинный характер местности не позволял пехоте успешно обороняться. Удаленность от Баязета и крайнее изнурение чинов отряда усугубляло положение отступающих. Но бойцы отряда все же не падали духом.

Не прошло и часа, как отряд Пацевича оказался окруженным с трех сторон. Создавалась угроза нарушения строя отступающего отряда и превращения его колонны в толпу.

Когда регулярная кавалерия турок, в составе полных двух эскадронов, пыталась обойти правый фланг, войсковой старшина Кванин попросил разрешение у подполковника Пацевича посадить казаков-хоперцев на коней, чтобы помешать противнику окружать отряд и существенно облегчить отступление, но подполковник Пацевич запретил делать такой маневр. Хоперцы по-прежнему оставались в правой цепи спешенными. Это было очередное ошибочное решение для отступающего отряда.

На обоих флангах отряда кавалерия оставалась спешенной, и ее боевые свойства не могли быть использованы. Все, словно, делалось в интересах противника и в ущерб отступающим. Противник получал все большие возможности действовать беспрепятственно.

Ободренные отступлением, пестрые толпы курдов с гиком наседали на отряд, одновременно пронизывая его насквозь пулями и с фронта, и с флангов. В отряде появились первые потери, поэтому потребовались носильщики для выноса раненых. И без того нарушенный отступлением боевой порядок отряда стал разрушать-

ся, и строй отступавших постепенно превращался в хаотическую массу бегущих.

Отступление велось уже более часа, но изнемогающие бойцы отряда, все равно, пытались сохранить самообладание и не попасть во власть панического страха.

В эти критические минуты боя командир батальона ставропольцев опытный и бесстрашный подполковник Ковалевский, сознавая, что действия Пацевича могут стать пагубными, взял в свои руки командование отрядом, пока противнику не удалось окончательно парализовать движение отряда, а потом легко уничтожить его! Громкие команды командира батальона, требующие восстановить порядок, ободряюще действовали на отступающих. Воины вдруг осознали, что они не брошенные сироты. Они вновь услышали знакомый и властный голос их любимого командира, почувствовали сильную руку.

При переходе через ручей командир буквально врезался в гущу батальона. Силой своего незыблемого авторитета, Ковалевский сумел приостановить хаотическое движение рот и, с присущей ему энергичностью, лихо, по-юношески, принялся за расстановку частей колонны. Ковалевскому быстро удалось придать должное направление передней цепи, сзади ее уже он начал формировать другую цепь, на ходу осмысливал следующие действия. Уже расстроенный боевой порядок начал было восстанавливаться. Теперь на бойцов, как прежде, не давила сила наседавших курдов. Твердый голос мужественного командира батальона уверенно заглушал их истошные крики. Опасность для русских как бы отступала на второй план, они оказывались вновь во власти своего командира. Его всегда ласково величали отцом, и далеко не каждому командиру выпадало такое почтение. И Ковалевский, действительно, как любящий отец, позабыв обо всем на свете, в этот миг думал лишь о спасении родных ему солдат. Если не он, так кто же еще позаботится о них? Александр Викентьевич и не ведал, что с высоты баязетской цитадели, предчувствуя беду, напряженно вглядывалась вдаль его любящая и верная Александра Ефимовна. Когда тебя очень

Перевозка раненого в горах

ждут, во что бы то ни стало надо вернуться живым и невредимым. Но свистящие вокруг пули бессердечны. Они не щадят никого. Отважных и любимых тоже.

В это самое время коварная вражеская пуля прострелила Ковалевскому живот и сразила его. Командир тут же был поднят на носилки. Число убитых и раненых увеличивалось, увеличивалось и количество носильщиков. Ряды отступающих редели.

Шаг за шагом отряд все же пробивался к Баязету. Здесь у бойцов открылось новое дыхание. Мужество, преданность и чувство долга показали добровольцы Ставропольского полка, несущие смертельно раненого подполковника Ковалевского. Уже лежащего на носилках Ковалевского настигла вторая смертельная пуля, и тоже в живот, а ставропольцы продолжали нести тело своего командира. Когда конные казаки предложили им свою помощь, ставропольцы заявили: *«Пока мы живы, тело отца-командира туркам не отдадим»*. Носильщики отставая от быстро идущего войска и постоянно попадая под выстрелы в упор, продолжали идти впереди неприятеля, непрерывно замечая тех, кто падал от пуль противника. Хотя за 10 верст транспортировки мертвого Ковалевского ставропольцы потеряли 20 солдат, они все же донесли останки своего командира до Баязета.

35 верст тяжелейшего марша, многие часы непрерывного боя, при нестерпимой жаре и жажде, подъемы и спуски по скалистым отрогам привели солдат и казаков к полному изнеможению. Для противодействия

курдам и защиты правого фланга, для подбора раненых ощущалась потребность в кавалерии, но ее почти не осталось.

Воины переставали реагировать на происходящее. Вот что рассказали очевидцы проводившему расследование генералу Гейнсу К.К.:

«Более ослабевшие, обливаясь потом, падали без чувств; иной, видя подскакавшего всадника, под влиянием потери сил, только вскрикивал: «прощайте братцы!» и падал проколотый пикой. Курды пользовались тем, что ближайшая к ним цепь сама собой формировалась из отсталых и легко раненых, поэтому только и врывались в нее, безнаказанно рубя ослабевших, не сдававшихся солдат. Хотя подполковник Пацевич и отдал приказание посадить казаков на коней для защиты цепи от конных курдов и подбора раненых, но скоро собрать казаков, растянутых с пехотой по пересеченной местности не было возможности. Однако, спустя некоторое время, стали появляться конные казаки.»

Подполковник Пацевич, под предлогом возвращения в цитадель для подготовки ее к обороне, в этот трагический момент бросает поле боя, причем именно тогда, когда исход его еще не был известен и когда командир обязан быть во главе отряда. И слава Богу, что рядом с Пацевичем оказался отважный, храбрый, находчивый и бывалый воин, войсковой старшина Кванин.

Кванин все же довел отряд до гребня, откуда уже обозревались долгожданный Баязет и сама цитадель. Будь на его месте менее опытный командир, все до одного бойцы отряда Пацевича полегли бы под пулями, саблями и пиками турок.

Когда войска отряда достигли подножия гор и начали подниматься, бой с равнины перешел на высоты, и у обороняющихся появились некоторые преимущества. Преследование несколько ослабло. Но и противник стремился извлечь выгоду из новых условий. Тогда эскадроны регулярной кавалерии турок, действовавших на правом фланге русских, направились на возвышенный гре-

бень и оказались уже почти в тылу отряда Пацевича. Курды, отставшие при подъеме в гору, вновь бросились в атаку и даже прорвали цепь отступавшего отряда.

Ожидая прибытия турок, мусульманское население Баязета успело быстро переориентироваться и приняло на себя роль «пятой колонны». Каждый дом на пути отступавших к цитадели превратился в действующую бойницу. Из окон своих домов население обстреливало отряд Пацевича. Партизанских действий со стороны горожан отряд никак не ожидал. Из свидетельства очевидцев:

«Проход между домами стал для наших делом тяжелым. Были случаи, что солдат, засев за стенкой или за грудой камней, сосредотачивая внимание на наступающем противнике, погибал от подкравшегося сзади какого-нибудь мальчишки».

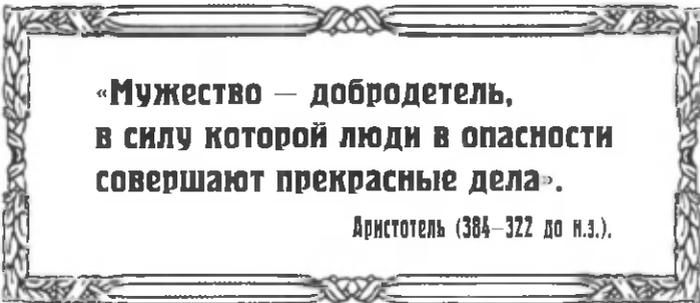
К середине дня 6 июня все окрестные высоты были заняты иррегулярными частями Ванского отряда, постоянно увеличивающегося от прибывающих со всех сторон курдов. Эти закоренелые грабители жили одной мечтой — как можно скорей завладеть легкой добычей. Шейхи и мудиры разных племен, со своими подвластными толпами, уже понимали, что баязетский отряд Пацевича был ими упущен, но все шансы на добычу еще не были потеряны. Они теперь торопились окружить сам город, быстрее перекрыть пути в Эриванскую губернию, особенно с северо-запада. Со всех сторон к городу прибывали толпы курдов. Вместе с регулярными войсками генерала Фаик-паши, их уже было около 12000 человек, можно было ожидать еще и пополнения.

И хотя Баязет был уже совсем близок, положение отступающих бойцов вновь становилось критическим. Надежды добраться до цитадели таяли на глазах, они попадали в цепкие объятия смерти.

Свою добрую роль здесь все же играл господин Случай. Случай этот был предназначен, чтобы спасти оставшихся в живых и стремительно бегущих от гибели баязетцев.

The image features a highly detailed, ornate decorative frame. At the top, a figure is depicted in a dynamic, heroic pose, possibly a warrior or a leader, surrounded by symbols of power and industry like a wheel and a banner. The frame is filled with intricate floral and scrollwork patterns. In the center, the title is printed in bold, black, sans-serif capital letters. Below the title, a central scene is visible through the frame, showing a panoramic view of a city with a prominent church spire and a figure in the foreground, possibly a hero or a martyr, lying on the ground. The overall style is reminiscent of early 20th-century propaganda art or book covers.

**ПОДВИГ
ИСМАИЛ-ХАНА
НАХИЧЕВАНСКОГО**

**«Мужество — добродетель,
в силу которой люди в опасности
совершают прекрасные дела».**

Аристотель (384–322 до н.э.).

Так распорядился Господь, что к Баязету именно в это время подоспело подкрепление — четыре сотни Эриванского конно-иррегулярного полка во главе с бывалым кавказским воином полковником **Исмаил-ханом Нахичеванским**. Всего их было около 600 всадников. В таком случае, как поясняют исторические материалы, на помощь войск нерегулярной армии не принято сильно рассчитывать. Во всяком случае, когда появлялись иррегулярники, и не только новобранцы, их всегда считали на сотни, и в военных донесениях постоянно акцентировалось внимание на их ненадежность. Поэтому-то мы не имеем точных данных о потерях в иррегулярных частях вообще, и в баязетском деле, в частности.

Безусые и безбородые, необстрелянные и не посвященные в тайны, как воевать и даже выжить, эти мальчишки вовсе не предполагали, что надвигающийся первый бой для многих окажется последним.

5 мая 1877 года в Игдыре было решено сформировать Эриванский конно-иррегулярный полк, а всего месяц и один день спустя полку выпала нелегкая и опасная доля встать на пути преследования турками бегущей толпы из отряда Пацевича и спасти остатки от повального истребления.

Юнцы полковника Исмаил-хана Нахичеванского возвели преграду перед оголтелыми курдами и оказались спасителями.

Извлечения из Послужного Списка и Высочайших приказов, состоящего при войсках Кавказского Военного Округа, генерал – лейтенанта
Исмаил-хана Нахичеванского

(Орфография, стилистика и имена приводятся с оригинала)

Родился 5 января 1819 года. Происходит из Ханов Нахичеванских Эриванской губернии. Получил общее образование в Тифлисской дворянской гимназии, а военное – во время службы.

В службу вступил наибом в Кавказский конно-мусульманский полк – 1 мая 1839 года. За отличие по службе – в Прапорщики (1840), – в Поручики (1841) и Штабс-Капитаны (1844). С 3 марта 1845 года назначен состоять при Отдельном Кавказском Корпусе. 31 июля 1847 года Высочайшим повелением состоящий по Кавалерии Штабс-Капитан Исмаил-хан назначен начальником Кенгерлинского племени.

Учитывая заслуги покойного отца генерал-майора Эксан-хана, 23 августа 1848 года Высочайше повелено приводить Штабс-Капитану Исмаил-хану пожизненный пенсион 245 рублей в год.

За отличие по службе – в чин Капитана (1853). После упразднения 8 июля 1853 года Кенгерлинского войска назначен состоять при Кавказской Армии, а 10 ноября 1853 года назначен начальником Бекской дружины в составе Эриванского отряда. С 1 мая 1854 по 5 декабря 1854 годов – помощник командира Конно-мусульманского полка № 4 в составе Эриванского отряда. За отличие в сражении против турок переведен в Лейб-Гвардии Казачий полк Ротмистром (1855). За отличие по службе – в Полковники (1860).

Назначен командиром Эриванского Конно-Иррегулярного полка (5 мая 1877). За отличие в делах против турок 19 декабря 1877 года произведен в Генерал-майоры. За таковое же отличие 31 Декабря 1877 года Всемиловитейше награжден орденом Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4 степени. Сдал должность Командира Эриванского конно-иррегулярного полка 28 января 1878 года.

Походы – Турецкая кампания 1877 г. В 1877 году – против турок, в составе войск Эриванского отряда и участвовал 7 апреля при переходе границы с отрядом под начальством генерал-лейтенанта Тергукасова у Чингильского перевала; 18 апреля – при занятии Баязета; 6 июня – в деле подполковника Пацевича под городом Баязет; 7 июня – при обложении Баязета Турецкими войсками; с 7 до 28 июня при обороне Баязета капитаном Штоквичем и 28 июня – в сражении под Баязетом и освобождении гарнизона от блокады.

Ротмистр Лейб-Гвардии Казачьего полка
Исмаил-хан Нахичеванский

*Фото из книги «Алиев Али. Память о крепости Алинджа.
«Наука и жизнь», Баку, 2004 г. (аз. яз.)»*

Вместе с гарнизоном он засел 6-го июня 1877 года в крепости Баязет, где пробыл 22 дня. Исмаил-хан выказал в крепости много энергии и присутствия духа, несмотря на все те лишения, которым был подвержен.

Награжден орденом Святого Георгия 4-й степени и пятью боевыми орденами Российской Империи, двумя Персидскими орденами (Льва и Солнца 3 степени и Льва и Солнца 2 степени со звездой) и пятью медалями: Серебряной «За проезд государя Императора по Кавказу в 1837 году», светло-бронзовой «В память войны 1853–1856 г.г.», «В память войны 1877–1878 г.г.», серебряной «В память царствования Императора Александра III» и «В память царствования Императора Николая I».

Женат вторым браком на Шовкят ханум, дочери Абас-Кули-Хана Эриванского. Имеет детей: от перво-

го брака – сына Бекман – хана, родившегося 2 сентября 1851 года, дочерей: Ториан-ханум — 30 октября 1848 года, Хадыр-ханум – 15 июля 1850 года, Сатанат-Бегум – 20 октября 1855 года и Сена-Бегум – 20 февраля 1859 года. Жена и дети магометанского вероисповедания.

Получает жалование – 2034 рублей в год.

Ранен и контужен не был.

(РГВИА, фонд 409, оп 1 дело 133005\1-44)

Перед глазами Исмаил-хана, как на ладони, открылась драматическая панорама отступающего отряда Пацевича и преследующих его с дикими, полными радости криками турецких курдов.

Наступление курдов было настолько интенсивным, что уже в окрестностях Баязета неприятельская конница насадала на отступающих не одиночными всадниками, а целыми группами, загоняя русских солдат в западню. Противник уже вкушал близость победы. Надо было быстрее покончить с упрямыми русскими солдатами. Но курды еще не ведали, что им готовилась ловушка.

На размышление у Исмаил-хана были считанные секунды. Он немедленно спешил свои сотни и занял выгодную позицию, с которой метким огнем начал противодействовать обходу неприятельской конницы. Эта атака Исмаил-хана была столь неожиданной, что обход противника был фактически парализован. Весь правый фланг бегущего русского отряда, где были и раненые, получил возможность более безопасного отступления до самого Баязета.

Шокированный внезапной атакой Исмаил-хана Нахичеванского, противник приостановил свое преследование. В это время на помощь Исмаил-хану из цитадели были посланы пехотинцы из Крымского и Ставропольского батальонов, которые своей огневой атакой по обе стороны от дороги облегчили отступление.

В своем рапорте начальнику Эриванского отряда генералу Тергукасову от 8 июля 1877 года комендант Баязета Штоквич особо отметит умелые и отважные действия отряда Исмаил-Хана Нахичеванского:

«...противник в числе тысяч до 7-ми делает обходное движение по гребню Кизил-дага, дабы отрезать нашим отступление в город. Исмаил-хан сделал быстрое передвижение влево, спешил свои сотни и, занявши хорошую позицию, метким огнем приостановил обходное движение неприятеля и удерживал его часа два на том же месте и тем дал возможность прибывшим и отдохнувшим ротам занять позицию на гребне Кизил-дага и, таким образом, отступить в крепость остальным частям, которые имели бы возможность с крепостных стен прикрывать отступление их».

Факт подвига Исмаил-хана, хотя и с некоторыми неточностями, зафиксирован для истории и в самом авторитетном военном издании российской Военной Энциклопедии:

«Лишь благодаря высылке из цитадели только что прибывшего полковника Исмаил-хана Нахичеванского с 2 сотнями Эриванского конно-иррегулярного полка и обеих оставшихся в городе рот, отряд мог продолжить движение к городу...»

(«Военная Энциклопедия», т. 4, С.-П., 1911, сс. 431—434)

Таким образом, стремительная и внезапная атака четырех сотен милиции полковника Исмаил-хана Нахичеванского, затем пришедшая из цитадели небольшая поддержка, да еще прогремевшие оружейные залпы с цитадели — все это спасло остатки отряда Пацевича от полного уничтожения.

После освобождения Баязета, когда в официальных документах нашла отражение фальшивая версия событий в цитадели, Исмаил-хан всячески уклонялся от просьб поведать правду о Баязетском сидении, не откликнулся он и на подобную просьбу самого генерала Гейнса К.К. Лишь 18 лет спустя, яркое и обстоятельное воспоминание Исмаил-хана Нахичеванского об обороне Баязета записал и опубликовал в главной газете Кавказского Военного Округа «Кавказ», к тому времени уже известный военный журналист, полковник Максуд Алиханов — зять Келбали-хана Нахичеванского. Эта была первая публикация после Баязетского сидения о том,

что же на самом деле происходило в цитадели и вокруг нее в жарком июне 1877 года.

Заметим, и это читателю важно знать, что Исмаил-хан передает события с достаточной сдержанностью и проявляет, как всегда, удивительную скромность, если идет речь о его личной отваге. Описав участие четырех сотен Исмаил-хана Нахичеванского в спасении отряда Пацевича, по официальным сводкам и донесениям, а любопытные подробности, с некоторыми сокращениями, доводим устами Исмаил-хана.

«Незадолго до объявления войны я был назначен командиром вновь сформированного из туземцев Эриванского конного полка, с которым меня и направили на турецкую границу, под начальство генерала Терзукасова. При выступлении Эриванского отряда в пределы Турции, мой полк был оставлен в Игдыре, в составе бригады, которой командовал мой младший брат генерал Кельбали-хан-Нахичеванский. Задача состояла в ограждении Эриванской губернии от вторжения неприятеля со стороны Чингиля.

Турки имели массу средств узнать численность Эриванского отряда еще до объявления войны, и, конечно, воспользовались ими, а поэтому более вероятным представляется то из предположений, что они очистили Баязет вследствие своей малочисленности и неготовности к обороне.

Первые месяца полтора после объявления войны казалось все идет прекрасно. Не встречая нигде сопротивления, Терзукасов безостановочно двигался вперед до Драм-Дагского перевала, на котором только 4-го июня произошло его столкновение с турками.

Сидя в Игдыре, мы еще ничего не знали, конечно, об этом первом кровопролитии, как вдруг вечером, кажется, того же 4-го июня, брат мой получает неожиданное известие о том, что турки в больших силах наступают на Баязет... Он немедленно протелеграфировал об этом Великому Князю Главнокомандовавшему, а мне приказал идти к Баязету с 4-мя сотнями...

Быстро собравшись, мы выступили налегке в ту же ночь и к рассвету, перевалив через Чингильские высо-

ты, начали спускаться в обширную Баязетскую долину, за которой на одном из уступов сероватых гор вскоре начали обрисовываться постройки самого Баязета и между ними высокий минарет крепостной мечети. Около 8 часов утра, когда я был в полуверсте от подошвы Баязетской скалы, высланный из крепости казак известил меня, что турки сосредотачиваются на высотах со стороны Муша. Двинувшись в этом направлении, я вскоре увидел действительно большие массы неприятельской пехоты и конницы, состоявшей преимущественно из курдов; артиллерии не было. Войска эти, как говорилось, под начальством Измаила-паши занимали высоты, командуящие Баязетом, и немедленно перешли в наступление.

Около 10 часов утра завязалась у нас жаркая перестрелка с передовыми толпами курдов, к которым около полудня присоединилась и турецкая пехота. Против моих четырех милиционных сотен, только что набранных из деревень и еще не дисциплинированных, да к тому же утомленных бессонницей и шестидесятиверстным ночным переходом, турки развернули массу в несколько тысяч, которая продолжала еще усиливаться новыми и новыми толпами. Тем не менее, израсходовав все патроны, я послал в крепость за подкреплением. Мне прислали оттуда 25 человек с офицером. Пока с этой горстью мы выдерживали адский огонь турецкой пехоты, толпы курдов начали охватывать мои фланги и заскакали даже в тыл. Опасаясь быть отрезанным от крепости, я начал отступление, причем курды надели так энергично, что сотни мои точно растаяли: многие были перебиты, других схватили в плен, третьи разбежались. Со мной осталось только 28 человек с 4 офицерами, в числе коих был и мой сын. Тогда я приказал своим всадникам посадить к себе на седло по одному салдату, и в таком виде вскочил в цитадель Баязета».

(«Кавказ», 12 апреля 1895 года, № 94)

Итак, Исмаил-хану, потерявшему по вине нерадивых военачальников почти весь свой полк, с горсткой бой-

цов и тяжело раненным сыном Амап-ханом чудом удалось ворваться в цитадель.

Потери милиции подсчитать не удалось. Ее, как всегда, затруднялись учитывать. Всадники из милиции были частично рассеяны и спасались по своему разумению, частью были убиты или вырезаны. Многие милиционеры, оставшиеся за пределами цитадели, еще будут пробиваться туда. В этом стремлении оказаться среди своих они еще будут погибать буквально на глазах самого командира полка Исмаил-хана Нахичеванского.

Противник к Баязету был доставлен буквально на плечах отряда Пацевича. Храбрый воин и великий полководец Наполеон I Бонапарт предупреждал: *«Войска баранов, возглавляемые львом, всегда одержат победу над войсками львов, возглавляемых бараном»*. Применяя афоризм Бонапарта, уточним: во главе многотысячного турецкого войска тоже не было льва. И слава Богу!

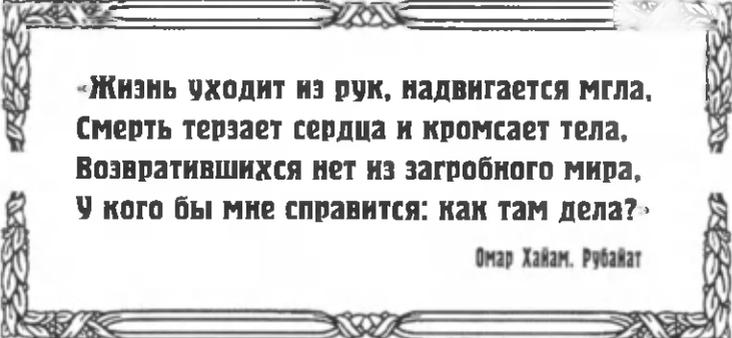
Взирая на документы, повествующие об этих грустных событиях, воздержимся объяснять частичное спасение отряда Пацевича только лишь стойкостью и мужеством милиционеров Исмаил-хана Нахичеванского. Мы погребши бы истиной, если бы умолчали о просчетах турецких начальников, особенно командующего Ванским отрядом Фаик-паши. Своей нерешительностью он невольно содействовал спасению русского отряда.

В прошлом заслуженный генерал, Фаик-паша, вскоре после завершения баязетской блокады, предстанет перед военным трибуналом. Порта не простит ему ошибок. Клявшиеся на Коране свидетели и главный обвинитель заявят трибуналу, что из-за оплошности Фаик-паши огромный и хорошо вооруженный Ванский отряд упустил сразу две добычи — весь рекогносцировочный отряд Пацевича и цитадель Баязет, которая, по мнению трибунала, 6 июня 1877 года должна была оказаться в руках отряда Фаик-паши.

Важное следствие этого трагического дня следует непременно запомнить и сделать достоянием истории. 6 июня 1877 года Баязетский гарнизон был чудом спасен от поголовного уничтожения подвигом Исмаил-Хана Нахичеванского и просчетами Фаик-паши.

**ТОЛЧЕЯ
У ВОРОТ АДА**

**- Жизнь уходит из рук, надвигается мгла,
Смерть терзает сердца и кромсает тела,
Возвратившихся нет из загробного мира,
У кого бы мне справится: как там дела? ·**

Омар Хайям. Рубайат

то же творилось в это время в Баязете? В городе и цитадели после ухода в поход отряда под командованием Пацевича осталось всего две роты пехоты, команда Казачьего полка, да горстка пересыльных нижних чинов, то есть всего около 500 бойцов при 2-х орудиях. В Баязете уже стало известно о паническом отступлении отряда Пацевича и преследовании его полчищами курдов и турецкой кавалерией. По мере приближения к гарнизону, это кошмарное зрелище хорошо просматривалось с высоты Баязета и сеяло смятение в гарнизоне.

По всей дороге двигались раненые — кто на носилках, кто на ногах, словом, кто как мог. Появление раненых, а затем и тела убитого Ковалевского еще больше усилили панику.

Из уст уцелевшего солдата, что-то объяснявшего о происшествии, Александра Ефимовна отчетливо услышала лишь одно слово «подполковник» и все поняла. Едва сдерживая рыдания, она тут же бросилась осматривать проносимые носилки. Увидев на них неподвижное тело своего мужа, Александра Ефимовна лишилась чувств. Еще несколько часов назад гостеприимный Александр Викентьевич просил ее приготовить обед, желая пригласить к себе всех офицеров, чтобы отметить благополучное возвращение из похода.

К этому времени бросивший поле боя подполковник Пацевич еще до Баязета не добрался. Там в нерешительности и растерянности суетился капитан Штоквич. Теперь он сознавал, что, не ровен час, и в Баязет вернутся отступающие русские и ворвутся наступающие турки. Тогда из этой кровавой каши уже живым никому не выйти. Из оставшихся в Баязете войск капитан Штоквич, по просьбе Исмаил-хана, все-таки направил помощь отступавшим. Но она пришла, когда Исмаил-хан, со своими сотнями конно-иррегулярного полка, хотя и дорогой ценой, но сумел остановить преследование курдов и сохранить жизнь бойцам из отряда Пацевича.

Баязет. Передний фас цитадели

Сражение на подступах к Баязету и в самом городе было началом другой битвы. В это же время, у ворот цитадели началась паника. Она началась у ворот самого замка между своими же, чтобы любой ценой пробиться в цитадель. В ней только и видел свое спасение гарнизон Баязета.

По рассказам очевидцев, генералу Гейнсу К.К. удалось воспроизвести эту баталию, в которой смешались и кони, и люди. Все, кому хотелось жить.

«Быстрое появление турок перед цитаделью застало бывших там врасплох; толчея у ворот цитадели усиливалась; на узкой площадке перед цитаделью толпы шныряющего народа между обозам, сотнями лошадей, горами казенного имущества, — походили на муравьев разоренного муравейника. Одни, несмотря на громоздкость захваченных вещей, бежали в крепость, другие толпы выбегали навстречу, выполняя ту же работу.

Для увеличения толкотни появились и эшаки (ослы) Саркиз-Ага-Мамукова, нагруженные сухарями, поздно

спохватившегося свозить их туда, где надо бы до этого иметь постоянный склад. Несмотря на эту непроходимую толкотню и невообразимый шум, груды разнородных вещей все же понемногу перемещались в цитадель».

Вот еще одно свидетельство очевидцев:

«Появление неприятеля над головами подало сигнал для прекращения нескончаемой переноски вещей. И описанная картина перед воротами без изменения перенеслась на первый двор: те же фургоны, груды вещей, котлы, бочонки и офицерские лошади загромождали весь двор. Хаос этот дополнялся шумом и толкотней у водопроводного крана. Правда, от коменданта было приказание запасать воду, но в этих «вытискиваниях» одних другими, в этих озлобленных спорах виднелось не стремление к выполнению приказа, а борьба за существование, которая привела бы всех к этому крану и без повеления.

Для полноты этой картины, ради контраста, обливаясь потом, лежали и сидели только что вернувшиеся с боя. Утомленные почти сорокаверстным переходом без отдыха, жарой и душевным потрясением, большинство из них были молчаливы и апатичны, только отдохнувшие шныряли из угла в угол, вымаливая воды, чтобы напиться».

Фонтанный резервуар цитадели, о наполнении которого было столько приказаний и всяких разговоров, к началу осады оказался без капли воды.

Суетливая работа кипела и внутри здания. Пули, врывающиеся через окна в помещение госпиталя, вынудили переносить раненых в более безопасные места. Там же отвели и уголок для вдовы Ковалевской, находившейся безотлучно у праха своего любимого человека. Ее никак не могли оторвать от тела мужа. Повинуясь настойчивому совету доктора Сивицкого, она с трудом направилась в выделенную ей новую обитель. Возле поставленной для нее металлической кровати Александра Ефимовна увидела знамя 2-го батальона Ставропольского пехотного полка, а на столе — револьвер мужа.

Там Ковалевскую встретил врач Ставропольского полка Китаевский. Указав на револьвер, он передал ей приказание подполковника Ковалевского: в случае захвата цитадели турками, чтобы его жена не досталась врагам на поругание, ему поручено застрелить Александру Ефимовну, если, конечно, *«госпожа Ковалевская не пожелает им достаться»*. Ковалевская, не раздумывая, согласилась.

Между тем, как только остатки отряда укрылись в цитадели, Григорий Михайлович Пацевич, как ни в чем не бывало, словно за окном были тишь и благодать, наслаждался своим любимым чаем и заодно подумывал о реванше. Пацевич осмысливал новую операцию — отбросить турок от цитадели. Теперь уже он все предусмотрел, кого, сколько и куда посылать. Возможно, и теперь, как и утром, Пацевич не оценил силы противника, а может быть, Пацевич находился под впечатлением агонии бегства от смерти и уже не контролировал свои действия. Все могло быть! Но Григорий Михайлович продолжал надеяться отбросить турок от цитадели и готовился к очередной вылазке, не сознавая ее роковых последствий. Наверняка, как командир одного из батальонов Ставропольского полка, в условиях постоянного контроля вышестоящими командирами, Пацевич был на месте. Здесь же, в забытом Богом Баязете, безрассудное упрямство Пацевича, никому не подвластного и действующего лишь по своему разумению, вели гарнизон Баязета к самым непредсказуемым последствиям. Безответственность командования Эриванского отряда уже принесла печальные плоды. Павший смертью храбрых, подполковник Ковалевский был жертвой поспешных решений генерала Тергукасова. Кто следующий?

Теперь неугомонный Пацевич выводил из цитадели на новый, уже последний бой, почти весь чудом уцелевший гарнизон Баязета. Наспех перекусившие, послушные солдаты Баязета знали, что их снова повернули лицом к смерти и что возврата больше нет. Удивительно, но никто и словом не обмолвился, что не желает идти на верную гибель. Они принимали присягу на

верность Царю и Отечеству, и этого было достаточно, чтобы выполнить приказ командира.

Две роты пехоты Ставропольского полка назначались для занятия турецкого госпиталя в городе Баязете, еще одна — с сотней спешенных казаков — для захвата казначейства, затем две сотни — для атаки высот впереди цитадели, и две роты предназначались для атаки турок на Ванской дороге.

Покидая цитадель, идущие в бой, будто по команде кричали оставшимся: *«Прощайте, братицы!»* На них смотрели сочувственно и отвечали: *«Бог в помощь!»*

Когда через открывшиеся ворота цитадели внутрь впускали лошадей артиллерии, тут же объявились всадники иррегулярных полков. Они тоже со своими лошадьми пытались проникнуть в цитадель, но комендант Штоквич приказал их с лошадьми не пускать. А бросать лошадей они не желали. Они не могли понять, как это оставить живых и боеспособных лошадей противнику. Сознывая свое право быть в цитадели с лошадьми, они истошно кричали, умоляя пропустить их в крепость. Но им отвечали, что даже казаков заставили оставить своих верных животных за цитаделью. Ворота цитадели вновь закрылись.

Как только новый отряд Пацевича вышел за ворота цитадели, выяснилось, что турки плотно обложили ее со стороны гор, а численная их сила настолько превышала русский отряд, что атаковать высоты было бессмысленно. Все пути уже были перекрыты.

Удивительно, но подполковник Пацевич в этой ситуации сориентировался быстро и правильно. Во избежание бесполезных потерь, он приказал отступить и вернуться обратно в крепость.

Бессмысленные потери, конечно, были и здесь, но статистика о них умалчивает. Новое стремительное бегство отряда Пацевича в цитадель опять привело к неимоверной давке в воротах.

Милиционеры, метавшиеся возле ворот, ободрились возможностью проникнуть в цитадель со своими лошадьми, но и на этот раз их не впустили. Одни бросили своих лошадей и сумели пробиться внутрь крепо-

сти, остальным не повезло. Отторгнутые своими оказались перед лицом ожесточенного противника.

Уже вечером 6 июня появился первый признак предстоящих бедствий. Струя из водопроводного крана стала постепенно убывать и скоро перешла в прощальные капли. Войска гарнизона наполнили всю посуду, какая только там нашлась, но это были крохи. Каждодневные реплики в последний месяц о необходимости заполнить огромный бассейн-резервуар остались пустыми звуками. А ведь еще генерал Амилохвари, благословляя Штоквича на комендантское поприще, настоятельно рекомендовал ему запастись водой. Эти записи остались в дневнике старого кавказца Ивана Гивича Амилохвари.

Можно, конечно, допустить, что после трагедии в Баязете все военачальники замечали следы своей безответственности, и старый русский принцип «своя рубашка ближе к телу» работал безотказно. Приказов по цитадели капитан Штоквич оставил немало, дабы зафиксировать свою бурную деятельность, но распоряжений о предварительной заготовке воды так и не было. Первый такой приказ был подписан только 4 июня, когда уже нависла угроза блокады.

Цитадель погружалась в сумерки. Пальба, мешавшая гарнизону готовиться к обороне, начала понемногу утихать. Туркам надобно было отдохнуть и осмыслить, каким образом, какими мерами измора покорить гарнизон Баязета. Наступление тишины успокоило утомленных баязетцев. Часть из них, особенно казаки, не переставали думать о своем имуществе и, особенно, о лошадях, брошенных за пределами цитадели. Бедные животные тоже все понимали. Без воды и пищи они стояли, понунив головы, и бессловесно укоряли брошенных их хозяев.

Казаки ждали темноты, не теряя надежды забрать свое имущество и лошадей. Томительное ожидание в безмолвии вдруг нарушилось пурехом под стенами у ворот цитадели. Кто-то пытался проникнуть в крепость. Вначале подумали, что притаившиеся под стенами турки что-то затевают. В цитадели услышали, а

турки увидели, что из ночной тьмы откуда-то возникли несчастные милиционеры. Эриванцы и елизаветпольцы вновь пытались проникнуть в гарнизон. Милиционеры со слезами на глазах просили пропустить их в цитадель, даже без лошадей. Им крикнули со стен: «Входите сквозь пролом!»

Бывшие конники кинулись искать в крошечной тьме этот самый пролом, но было уже поздно. Подкрававшиеся турки дали по ним ружейный залп. Молодых всадников безжалостно расстреливали в упор. Охрана у ворот цитадели пыталась спасти оставшихся милиционеров и приотворила ворота цитадели. Турки того и ожидали. Они оказались ближе милиционеров, и неприятельский отряд с криком рванулся к воротам. Ворота чудом успели затворить и подпереть повозкой. Судьба же многих эриванцев и елизаветпольцев, ставших жертвой бездарного командования цитаделью, так и осталась неизвестной. Больше о них никто и ничего не слышал.

Уже после войны, когда генерал К.К. Гейнс продолжал восстанавливать картину происходившего в цитадели и в самом городе Баязете, ему рассказали небольшой, но яркий эпизод о судьбе брошенных милиционеров. Эпизод этот важен еще и потому, чтобы продемонстрировать несправедливость утверждений в официальных источниках, что бойцы иррегулярных войск ненадежны. В фильме «Баязет» это ложное утверждение неоднократно высвечивается.

«В домике, стоявшем на бугре, у края подъема в город, засела часть милиционеров, которая с 6 июня отбивалась от осаждавших их турок, но 10 июня какая-то нужда заставила их выйти на пробы, и все они погибли в неравной борьбе».

Возможно, среди них были милиционеры Исмаил-хана Нахичеванского.

Вообще о печальной судьбе всадников иррегулярных войск периода осады цитадели в печать проникали весьма скудные сведения. Кто-то из них сумел спастись бегством в темноте. Остальных перекололи и перестреляли. Война есть война.

Тем временем, цитадель оказалась в экстремальных условиях самообороны. На коменданта Штоквича, прежде всего, свалился огромный груз разных дел по приведению цитадели в оборонительное состояние. Перед лицом противника цитадель оказалась не готовой к осаде.

Поздним вечером 6 июня 1877 года усталым до беспомысленности чинам гарнизона довели только что выпущенный приказ коменданта Баязета № 2 от 6 июня.

Представим себя в той душной и почти безысходной ловушке и ознакомимся с подлинными текстами двух параграфов этого документа.

«§8. В виду неизвестности продолжительности осады, и так как ни в одной части нет 8-ми дневного сухарного запаса, уменьшаю дневную дачу сухарей на 1 фунт, который получать из сделанного в крепости запаса; а 2-му батальону Ставропольского полка, имеющему запас сухарей по 7-е число сего месяца, продлить по 9, с которого и начать получку сухарей из сделанного запаса.

§9. Так как имевшийся в крепости родник забит (отнят) неприятелем, имеющийся запас воды не слишком велик, прекращаю варку горячей пищи всем частям, кроме госпиталя, в котором для этого сделан свой запас воды. Дача воды в сутки — по кружке в день на человека».

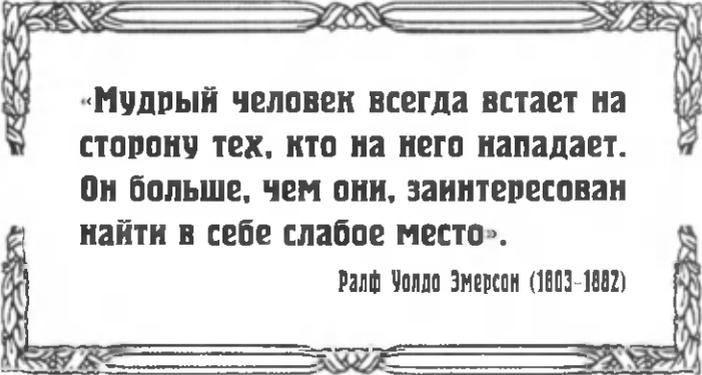
Часы еще не успели пробить полночь. До наступления 7 июня оставались считанные минуты. Именно с этих минут началась мужественная, полная высококого самоотвержения и беспримерная по своим неслыханным лишениям, 23-дневная оборона Баязетской цитадели.

Побывать в таком крошечном аду и выбраться из него — это великое Господнее благо. Но выпало оно не всем.

**БРОСОК К БАЯЗЕТУ
КЕЛБАЛИ-ХАНА
НАХИЧЕВАНСКОГО**

«Мудрый человек всегда встает на сторону тех, кто на него нападает. Он больше, чем они, заинтересован найти в себе слабое место».

Ралф Уолдо Эмерсон (1803-1882)

Теперь перенесемся в Эриванскую губернию, куда буквально на крыльях долетела весть о внезапной осаде Баязета огромными силами Ванского отряда Фаик-паши. Города и села губернии погрузились в тревогу.

Плохие вести всегда преувеличиваются и распространяются быстрее хороших. К плохим вестям взоры обращаются немедленно. Падение Баязета, как убедительно твердили местные жители губернии, — дело всего лишь нескольких дней. До предела напуганные люди спешили уточнить: «Баязет с горсткой бойцов уже пал и туда ворвались разъяренные курды вместе с войском Фаик-паши».

В Ереван, конечно, могли вернуться те самые конники Исмаил-хана, которые, встав грудью наперерез туркам и курдам, по воле коменданта Баязета оказались за пределами цитадели и фактически отданными на поругание противнику. Не погибшая от пик курдов или пуль турок часть молодых бойцов, действительно, могла пробраться в губернию. Возможно, что кто-то из них рассказал о беде и еще более нагнал страха. По этому поводу сегодня можно строить только догадки.

Очевидно одно: мирные жители Эриванской губернии отчетливо представляли страшную беду, которая могла придти в губернию, вместе с турецкими войсками. Больше всего жители опасались курдов, с их чудовищной жестокостью и повальными грабежами. Правда, в таких случаях могут объявиться и свои мародеры.

История сохранила нам достоверные сведения о действиях высокопоставленных чинов Эриванской губернии. Первым забил тревогу о необходимости помощи осажденным в Баязете начальник кордона генерал-майор Келбали-хан Нахичеванский, кому волею судеб выпала обязанность охранять подходы в Эриванскую губернию и не допустить туда турецкие войска.

Кордон на входе в Эриванскую губернию был введен этому заслуженному генералу, Георгиевскому кав-

леру, имевшему также большой опыт государственной службы. Он относился к группе тех русских военачальников, которые воюют не числом, а умением и никогда не бросаются в омут военных авантюр. Генерал Амилохвари вовсе не случайно предлагал генерала Келбали-хана назначить командующим войсками гарнизона Баязета и его окрестностей.

Забудем на время о Баязете и познакомимся с личностью генерал-майора Келбали-хана Нахичеванского, используя беспристрастные сведения из его личного дела, найденного в Военно-историческом архиве России, а также привлекая другие военные документы.

Извлечения из Послужного Списка Келбали-Хана-
Эксан-Хана-Оглы Нахичеванского (Келбали-хана)
(Составлен на 10 мая 1877 года)

Родился в 1824 году. Происходит из владетельных князей Ханской династии Эриванской губернии. Вероисповедание – магометанского. Воспитывался в Пажеском корпусе. Ранен и контужен не был. В плену не находился.

Женат на Хуртуд-Бегум – дочери майора Ахмед-Хана. Жена – закона магометанского. Имеет детей: сыновей: Эксан-Хана 26 лет, Донофари-Кули-Хана 23 года, Рагим-Хана 22 лет, Гусейн-Хана 20 лет; дочерей: Зейнаб-Бегум 31 года, Бедиркису-Бегум 29 лет, Шайджаган-Бегум 21 года, Зарин-Тачь-Бегум 16 лет. Дети магометанского закона.

Получает жалование в год – 3324 рубля.

В 1848 г. назначен начальником Нахичеванской милиции. 21 мая 1849 года произведен в Прапорщики. С 14 апреля 1851 года – младший чиновник особых поручений при Эриванском Губернаторе. С 13 декабря 1851 года – старший чиновник особых поручений при Эриванском военном губернаторе. 15 января 1853 года произведен в следующий чин Подпоручика. С началом Восточной (Крымской) войны 25 октября 1853 года назначен начальником вновь сформированных 3-х сотен милиции, а 14 мая 1854 года – назначен начальником Бекской дружины, набранной

Полковник Келбали-хан Нахичеванский

из влиятельных семей. По Высочайшему повелению 17 января 1855 года за отличие в делах с Турками Начальник Нахичеванский милиции, Старший чиновник особых поручений при Эриванском Военном Губернаторе Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы производится из Подпоручиков в Поручики. Высочайшим Именным Указом, данным Капитулу Российских Императорских и Царских Орденов 15 апреля 1855 года, по удостоверению Кавалерской Думы Военного ордена, в воздаяние отличного мужества и храбрости, оказанных в деле с Турками, 17-го июля 1854 года, на Чингильских высотах, начальнику Эриванской Бекской дружины Поручику Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы Вемилюстивейше пожалован Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия четвертой степени.

После завершения Восточной войны 26 августа 1856 года поручик Келбали-Хан Нахичеванский был переведен в Гвардии Гусарский Его Величества полк Поручиком и как офицер гвардии 22 сентября 1858 года назначен состоять при Кавказской Армии.

За отличие по службе 14 апреля 1859 года – произведен в чин Штабс-Ротмистр, а 3 апреля 1860 года – из Штабс-Ротмистров в Ротмистры. 22 июня 1862 года Ротмистр Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы отчисляется от Кавказской Армии и назначается инспектором земской стражи в Эриванской губернии, а Высочайшим приказом от 19 апреля 1864 года он производится в чин Полковника. С 3 июня 1868 года Полковник Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы вновь состоит при Кавказской Армии. За отличие по службе 14 сентября 1874 года Полковник Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы произведен в Генерал-Майоры.

С началом Русско-Турецкой войны, Приказом по Кавказскому Военному Округу от 10 мая 1877 года Генерал-майор Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы назначен командующим Конно-Иррегулярной Бригадой, образованной из Эриванского и Куртинского Конно-Иррегулярных полков.

(РГВИА, фонд 400, оп. 9, дело 20578, с. 138)

Итак, Келбали-хан отчетливо сознавал последствия ухода Эриванского отряда вглубь Турции и, как опытный военный, предполагал самые наихудшие исходы для Баязета, где оставлен крошечный гарнизон. Для усиления гарнизона Баязета Келбали-хан направил из Игдыра к Баязету четыре сотни Эриванского конно-мусульманского полка, которым командовал его старший брат Исмаил-хан. Судьба этого полка нам известна.

Разумеется, генерал Келбали-хан Нахичеванский предполагал возможность вторжения противника в незащищенную Эриванскую губернию. Генерал также не сомневался, что противник непременно воспользуется благоприятными шансами и совершит бросок в Баязет, поскольку в то время Эриванский отряд генерала Тергукасова увлекся наступательными действиями.

После получения известий об осаде Баязета, Келбали-хан немедленно телеграфировал об этом Эриванскому генерал-губернатору и Главнокомандующему Великому Князю Михаилу Николаевичу. Было принято решение выдвинуть на передовые позиции половину

Эриванского губернского местного батальона. 9 июня наспех созданный отряд пехоты из двух рот и Нахичеванской местной команды под начальством полковника Преображенского, а это около 350 штыков, прибыл на Чингильские высоты в распоряжение генерал-майора Келбали-хана. Туда же по тревоге прибыл и адъютант главнокомандующего Кавказской Армией полковник Толстой.

Успешное продвижение Эриванского отряда вглубь Турции оставляло после себя плохо защищенные тылы. Налицо была опасность вторжения крупных турецких сил в пределы России, и Главнокомандующий Кавказской армией прислал категорический приказ *«освободить баязетский гарнизон, во что бы то ни стало»* и одновременно распорядился прислать на подкрепления кордону генерала Келбали-хана колонну под начальством генерал-майора Лорис-Меликова, действовавшего у Александрополя.

10 июня, оценив ситуацию вместе с полковниками Толстым и Преображенским, генерал-майор Келбали-хан берет на себя ответственность принять собственное решение: располагаемыми силами, без колонны под начальством генерал-майора Лорис-Меликова, идти на выручку баязетцев рискованно.

Генерал-майор Келбали-хан полагал, что немедленно приступит к выполнению приказа Главнокомандующего только после прибытия поддержки, иначе, по его мнению, под Баязетом малочисленный отряд кордона будет уничтожен, вместе с последней военной опорой, на совершенно оголенной границе Эриванской губернии. По мнению Келбали-хана, Эриванская губерния должна быть защищена от вторжения турецких войск. Решение, как показали дальнейшие события, было мудрым, хотя генерал Тергукасов, создав условия для блокады Баязета, был явно не доволен действиями начальника кордона.

Теперь самое время еще раз оценить силы начальника кордона генерала Келбали-хана: две роты Эриванского местного батальона, а это ориентировочно 400 бойцов; рота Крымского полка — 200 бойцов; рота

Ставропольского полка — 200 бойцов; неполная сотня казаков (около 60 всадников); армянская милиция из селения Игдыр (40 бойцов); остатки Эриванского и Елизаветпольского конно-иррегулярного полков, прибывших из Баязета, примерно 60 бойцов. Таким образом, начальник кордона Эриванской губернии располагал войском пехоты и кавалерии, немногим более 1000 бойцов. Кстати, часть этого отряда не имела комплекта палаток, продовольствия, перевязочных средств и даже не была вооружена. Вот и все реальные силы так называемого соединения, которое составило ядро войска, предназначенного для защиты Эриванской губернии, а теперь еще и для освобождения Баязета, по приказанию Главнокомандующего Кавказской Армией.

В этой связи полезно обратить внимание на последнее назначение генерал-майора Келбали-хан-Эксан-Хан-Оглы. Согласно Послужному списку, с 10 мая 1877 года он пребывал в должности командующего Конно-иррегулярной бригадой (образованной из Эриванского и Куртинского Конно-иррегулярных полков), а стало быть, должен иметь в распоряжении, даже при неуконплектованности полков, войско в пределах 2000 конников. Где же было это войско? Весь Эриванский конно-иррегулярный полк, под командованием полковника Исмаил-хана Нахичеванского, был брошен на укрепление Баязета. Из Куртинского полка в его кордоне не было ни одного всадника. Выходит, командующий Конно-иррегулярной бригадой был назначен, а войска-то у него и не было! Вот реальная боевая ситуация, в которой оказался генерал Келбали-хан.

С горсткой иррегулярников да еще бойцов только что набранных, необученных, не знакомых с запахом пороховой гари, было трудно противостоять регулярным формированиям противника. Вот в этих-то условиях генерал Келбали-хан усиленно бил тревогу о неотложности освобождения Баязета.

В ожидании подкрепления, генерал с беспокойством взглядывался вдаль, с вершины очень хорошо знакомых ему Чингильских высот. Прошло более двух десятилетий с тех пор, как в апреле 1855 года он здесь сражал-

Общий вид долины с городом Баязет

ся и за совершенный подвиг был удостоен главного офицерского ордена — Георгия IV степени. Об этом поведала газета «Кавказ» 14 сентября 1855 года:

«15 апреля 1855 года Поручик Келбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы, командуя Бекскою дружиною, при атаке неприятельской батареи, невзирая на убийственный картечный и ружейный огонь, в голове своей дружины, вскочил на батарею, собственноручно изрубил несколько турецких артиллеристов и взял с боя одно орудие».

Но молодецкое прошлое заслонялось печальной и тревожной действительностью. Ничего не знал Келбали-хан о судьбе своего старшего брата полковника Исмаил-хана Нахичеванского.

Доходившие слухи о страданиях гарнизона побуждали Келбали-хана броситься на выручку Баязета. С Чингильских высот Келбали-хан следил за ближними и дальними дорогами с надеждой вот-вот увидеть приближение помощи. Нетерпение, наконец, заставило генерала Келбали-хана утром 12 июня спуститься с горы и стать у брошенного турецкого аула Кара-Булах, чтобы еще более приблизиться к Баязету.

На следующий день — 13 июня, у подножья видневшегося вдаль черного хребта, вдруг образовались клубы пыли — признаки продвижения войск. Облако медленно перемещалось в сторону Баязета. Был ли это призыв или действительно движение ожидаемой по-

мощи — трудно сказать, но Келбали-хан забил тревогу. По-боевому настроенный отряд немедленно встал под ружье, кратчайшей дорогой и ускоренным маршем бросился на выручку к Баязету. Подойдя достаточно близко к его окрестностям, Келбали-хан убедился, что ожидаемые войска, с которыми он планировал соединиться и атаковать турок под Баязетом, так на помощь и не прибыли.

Как бы то ни было, но отряд Келбали-хана оказался лицом к лицу с сильно превосходящими силами противника. В лагере турок уже пробили тревогу, слышались звуки труб и барабанов, со всех ущелий стали собираться всадники-курды, чтобы перерезать дорогу Келбали-хану в Баязет. Кроме того, против его отряда были еще направлены колонны турецкой пехоты, немедленно завязавшие перестрелку. Келбали-хан сознавал, что его сил недостаточно для освобождения Баязета. Он готов был броситься в бой, но сразу же прикинул, сколько бойцов останется лежать в сложном лабиринте улиц и построек Баязета и сколько же из них сумеет пробиться к цитадели.

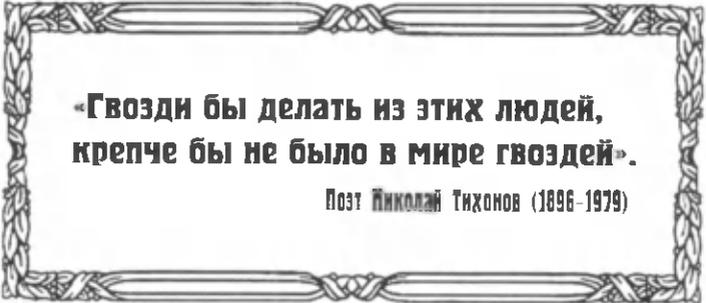
Между тем, простояв часть ночи в ожидании обещанного подкрепления и чувствуя, что противник наращивает силы и в любое время может его окружить и атаковать, Келбали-хан принял решение отступить. Генерал выбрал время отступления темной ночью. При отступлении на рассвете турки могли навязать Келбали-хану невыгодный бой. В отличие от безрассудного подполковника Пацевича, умудренный генерал Келбали-хан рисковал только в расчете на успех. Он дорожил жизнью вверенных ему воинов.

Почуввав отход отряда Келбали-хана, турки не желали упускать добычу и бросились его преследовать. Отступая и сохраняя порядок в отряде, Келбали-хан едва успевал отбиваться. Проводив ружейной пальбой ускользающий отряд до Чингильских высот, турки оставили его в покое.

Догонять Келбали-хана — все равно, что преследовать ветер.

ОСАДА

**«Гвозди бы делать из этих людей,
крепче бы не было в мире гвоздей».**

Поэт **Николай Тихонов** (1896–1979)

НЕТ НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО, ЧТО ОБЪЯВИЛИСЬ ТУРКИ

Командование русских войск оценило преждевременное вторжение турок в Баязет и начало блокады цитадели как следствие непродуманной вылазки за пределы крепости отряда под командой Пацевича. Просчеты самого командования, допустившие турецкие войска к Баязету, не принимались во внимание. Как известно, высокое начальство всегда действует правильно.

Отряд Фаик-паши, не спешивший вступать в боевые стычки, хотел повременить с осадой, что было бы на руку гарнизону. В жаркую погоду штурмовать тяжело. К тому же у Фаик-паши в это время шло формирование отряда. Ежедневно к нему прибывало все новое и новое пополнение. Но воинственный Пацевич поспешил растревожить дремавших турок, и они, подобно разбуженному в берлоге зверю, набросились на отряд и чуть не ворвались в цитадель.

Дремлющие всегда медлительны в соображениях. Зачем было туркам тратить силы на Пацевича? Можно было действовать еще разумнее, идти прямо в Баязет! В этой ситуации у турок имелись великолепные возможности прибыть к воротам цитадели раньше отряда Пацевича. Горстка защитников в неподготовленной к осаде цитадели вряд ли бы смогла удержать натиск свирепых незваных гостей. Упустив шансы прорваться в цитадель, турки теперь решили взять гарнизон измором.

Окажись в цитадели достаточно провизии и будь она хорошо подготовлена к обороне, от нажатия курков турки скорее получили бы смертельное переутомление, нежели дождались, как им с приветливой улыбкой, широко откроют ворота крепости.

Но все сложилось иначе.

Продовольствия в цитадели оставалось буквально на 2—3 дня. Гарнизонный склад продолжал находиться в

Цитадель Баязет

городе, и провизия, в частности сухари, до 5 июня доставлялась из города в цитадель по потребности. 6 июня Саркис-аге Мамукову удалось забросить в крепость какой-то запас сухарей, но на фоне реальной потребности это были крохи. Совсем скоро капитан Штоквич подсчитает эти запасы и официально засвидетельствует начало голода в цитадели. Когда ворота цитадели внезапно закрылись, вода, идущая к крану, была перекрыта турками, а запасы, наспех сделанные из оставшейся воды в бассейне, оказались мизерными. Распорядись в свое время комендант Штоквич по-хозяйски, проблем с водой в крепости могло и не быть.

В таких условиях началась героическая оборона крепости Баязет, вошедшая в историю под названием Баязетского сидения. Осада Баязета началась внезапно, с колоссальных потерь пехоты, полного уничтожения кавалерии и без того малочисленного войска Баязета. Гарнизон, пребывавший и до этого в обстановке полнейшей неуверенности в завтрашнем дне, теперь был еще и морально надломлен.

Потери в день злополучной рекогносцировки 6-го июня и на подходе к цитадели были колоссальными. Гарнизон лишился подполковника Ковалевского, и гибель этой личности еще скажется на последующих де-

лах Баязета. В отряде было ранено четыре офицера. Из 150 выбывших из строя нижних чинов только 36 оказались в госпитале, 7 — в плену. Более ста отважных воинов из отряда Пацевича пропали без вести. Но это потери только в войсках регулярной армии. Три сотни казаков лишились лошадей и всего имущества. Погибли почти все милиционеры. Общие потери в роковой день 6 июня 1877 года составили около пятой части всего баязетского гарнизона.

Начиная с 6 июня, официальные источники не имели возможности освещать положение гарнизона во время осады. По этому поводу в печать просачивались самые общие сведения, преимущественно о тяготах осажденных и славе русского оружия. Подробности тех печальных событий внутри цитадели отражены в мемуарах, но их перечень весьма скуден. Откровения о происходившем в цитадели во время блокады, кроме хвальбы, не поощрялись.

О первых днях блокады продолжает свой рассказ генерал Исмаил-хан Нахичеванский:

«Гарнизон наш простирался до полутора тысячи людей всех родов оружия с двумя орудиями и приблизительно обозных, артиллерийских, казачьих и офицерских. В лазарете было около ста больных и раненых, большей частью оставленных здесь генералом Тергукасовым. Вода уже была отведена турками; лошади не имели ее уже второй день. Провианта оставалось на людей дня на три, на четыре. Дальнейшее обеспечение гарнизона в этом отношении было поручено армянину Мосесу Араkelову, получившему на этот предмет довольно солидную сумму золотом; но он, говорили, ровно ничего не поставил и отговаривался тем, что послал за провиантом в Персию, в Макинское ханство, откуда, якобы, ждет чего-то, но если и верить ему, ничего, конечно, не дождешься при сложившихся обстоятельствах.

Положительных сведений об отряде Тергукасова не было; напротив, в гарнизон проникали слухи о том, что он окружен и чуть ли не уничтожен, что отнимало всякую надежду на выручку извне и, конечно, не

могло не оказывать влияния, в известной мере, на настроение людей. Силы окружающих нас турок, добавляли ко всему этому, простираются до 30-ти тысяч, с ними Измаил-Пашиа и сын Шамиля, Гази-Магомед, и они со дня на день ждут только свою артиллерию для того, чтобы начать решительные действия.

... — Могло случиться и хуже! — воскликнул вдруг один молодой артиллерийский офицер, стоявший в толпе других, но фамилию которого, к сожалению, не помню.

— Ведь трижды не умирать?! Будем бороться, пока ноги держат, а там, что Бог пошлет.

Я молча протянул руку этому офицеру и сказал остальным, что главное не падать духом и не терять надежды, так как нас вырубят во что бы то ни стало.

В тот же вечер я совещался о нашем положении с некоторыми офицерами, причем выяснилось, что главное горе наше будет заключаться в недостатке воды, для добычи которой у нас оставалось единственное средство — ночные вылазки к небольшой речонке, которая протекала у подошвы баязетской скалы, шагах в полутораста от стен цитадели. Для того, чтобы сколько-нибудь оградить от выстрелов людей, отправляющихся за водою, кто-то предложил провести до речки род траншеи, к работам которой и было приступлено немедленно, пользуясь темнотою ночи. Людей для этого спускали на веревках из окон цитадели.

В первую же ночь турки заняли высоты, командуящие Баязетом, и с рассветом следующего дня открыли ружейный огонь по цитадели, внутренность которой они могли видеть, как на ладони. Вскоре у них появились и горные орудия. Вообще неприятельский огонь почти не прекращался и ежедневно увеличивал наши потери. Мы, конечно, отвечали тем же. Два наших орудия были установлены в одной из казарм и наведены на позицию противника чрез окна, заложенные земляными мешками. Стрельба их также почти не прекращалась, но действие было довольно слабое, так

как приходилось давать страшный угол воззвания. Вскоре турки и подбили одно из этих орудий.

Работы по проведению траншеи к речке оизо-
дились по ночам и вскоре были окончены. Но турки за-
няли все постройки вокруг цитадели и так ситель-
но стерегли подступ к воде, что ни одна из ылазок
за водою, предпринимаемых охотниками по нам, не
обходилась без убитых или раненых. Голод также не
замедлил вступить в свои права: людям нача-
вать только по одному сухарю в сутки, ка-
тятся, с
первого дня блокады.

На четвертый день нашего сидения непятель-
ский огонь внезапно прекратился, и к нам в честве
парламентера подъехал курд с письмом от Машила-
паша, содержание которого было приблизите-
но сле-
дующее: «Положение ваше безвыходное, наде-
жда на
помощь напрасна. Тергукасов разбит. Последу-
йте бла-
го разумному совету, сдайтесь, заслужите мил-
ть на-
шего великодушного султана». То же самое не-
сколько
раз повторял и курд-парламентер, который на-
ко-
нец, было поручено передать на словах, что «са жив
хоть один солдат, о сдаче не может быть речи».
Через полчаса после удаления курда позици-
турок
задымились, и выстрелы их загремели с новь-
ожес-
точением...

В течение следующих дней положение ге-
низона
ухудшалось все более и более. Число убитых и иненых
росло. Дачу сухарей пришлось уменьшить еи более.
Люди ослабели, среди лошадей начался пад-
с. Жар,
между тем, становился нестерпимее, и добыч-
зоды —
труднее с каждым днем: в саклях, против самого вы-
хода траншеи к речке, турки расположили сильный
караул, который засыпал градом пуль всякого смельча-
ка, пытавшегося утолить жажду. Котелок воды сто-
ил иногда нескольких жизней, и речка у оконечности
траншеи покрылась вскоре такой массой разлагав-
шихся трупов, что зачерпнутую из нее воду нельзя бы-
ло приблизить к носу. Солдаты, тем не менее, не толь-
ко с жадностью накидывались на эту зловонную от-
раву, на этот чуть не сок из трупов, но бывали слу-

чаи, что пили еще худшую мерзость, которую неудобно даже называть. Как результат всего этого, среди людей появились разные болезни, от которых умирали еще более, чем от выстрелов неприятеля».

А вот извлечения из материалов генерала К.К. Гейнса:

«Потребность необходимого отдыха в эту ночь заглушалась чувством самосохранения. Насколько позволяли подручные материалы, делалось то, что следовало сделать раньше: закладывались окна и двери, на верх стен продолжали втаскивать камни для прикрытия стрелков, артиллеристы набивали землю кули и устраивали из них прикрытия орудиям.

Да вряд ли спали в эту ночь и турки: тысячи фонарей двигались по горам и по городу; глухой шум, прерываемый по временам выстрелами, показывал, что у них шло размещение по позиции.

Говоря вообще, в первую ночь курды не производили в городе обычных неистовств, только по временам раздавался треск от выламывания дверей, крик женщин, детей и ярко вздымалось пламя от подожженного провиантского склада. Но вокруг цитадели они бродили целыми отрядами, занимаясь растаскиванием оставленного имущества и уцелевших лошадей. Страсть к хищничеству часто подводила их под наши верные выстрелы. Рысая везде, они наткнулись, наконец, на скрывающихся милиционеров и неожиданный бой закончился у самой цитадели».

КАПИТУЛЯЦИЯ

Уже на третий день блокады изнурение от жары, голод и жажда начали доводить осажденных до полнейшего отчаяния. Начали раздаваться голоса в пользу сдачи крепости. Интенсивный штурм турок 8 июня еще более усилил панические настроения среди части бойцов гарнизона и необычайным образом подействовал на неуравновешенного подполковника Пацевича.

С утра турки предприняли интенсивную и необычную атаку, можно сказать, психическую. Неистовые вы-

крики штурмующих, оглушительный единовременный залп из нескольких тысяч ружей, грохот от стрельбы из орудий, глухие взрывы гранат, клубы дыма — все это привело в безумие многих осажденных. Сквозь образовавшийся мрак в этом аду было видно, как турки, подобно саранче, толпами двинулись на штурм цитадели.

В условиях всеобщего шока подполковник Пацевич, до того спокойно беседовавший под аркой ворот с комендантом Штоквичем и многими офицерами, при их же поддержке, приказывает прекратить стрельбу, вывесить белые флаги и сдать крепость туркам. Это безумное решение, повторяем, он принял не самостоятельно, как это он предпочитал делать, а посоветовавшись с окружавшими его офицерами. В окружении Пацевича не оказалось в тот момент ни одного офицера, кто возразил бы начальнику гарнизона в принятии такого сумасбродного решения. Не высказался против сдачи цитадели и ее комендант капитан Штоквич.

После отданной команды: *«Не стрелять!»* — офицеры бросились к своим частям приводить приказ в исполнение. Сам Пацевич, как описывает генерал Гейнс, отдал свой приказ переводчику-армянину: *«Иди на переднюю стену и скажи туркам, если они нас выпустят из крепости, мы сдадим им весь город»*. Тот добыл где-то на пути палку, навязал на нее что-то белое, бегом миновал внутреннее помещение переднего фаса, взбежал на крышу и начал что-то кричать. Вблизи лежавшие казаки слышали, как один турок, одетый в красное и с красным же знаменем в руках, крикнул что-то в ответ переводчику, который сразу исчез. Неизвестно, кем и как ответ этот был переведен, но между стрелками этого угла разнеслось, будто «красный» турок выкрикнул: *«Сдавайтесь или не сдавайтесь, мы все равно всех вас вырежем»*.

Между тем, цепь неприятеля или, вернее, его отдельные группы, уже находились недалеко от стен, а за ними, словно ныряя по волнам, то показываясь на вершинах высот, то исчезая в балках, с неумолкаемым истошным криком валила сплошная пестрая толпа курдов. Воинственный вопль их становился все оглушительнее,

уже слышны были их ободряющие крики: *«Русские сдаются! Русские наши!»* А в это время в цитадели к общей тревоге присоединились еще разные недоразумения, вызванные отсутствием единства в выполнении приказа Пацевича. Глухая борьба между начальниками частей, относительно дальнейших действий, перешла затем в открытое столкновение.

Едва посланный для переговоров армянин, осыпaeмый пулями, исчез со стены, как появился солдат с белым платком на штыке. Прошло минуты две, как снова появился тот же солдат, только с простыней на штыке и передал продолжавшим стрелять, что ему приказано выставить флаг, не слушая никого. После вторичного неисполнения приказания, начальник гарнизона явился сам. Вынув револьвер, Пацевич крикнул: *«Перестать стрелять»* — и прибавил: *«Кто осмелится ослушаться моих приказаний, именем закона застрелю»*.

Мнения в офицерской среде разделились. Наряду с откровенными противниками капитуляции, генералу Гейнсу назвали имена и тех, кто разносил по цитадели приказание «не стрелять» и контролировал его исполнение. В разных местах цитадели белые тряпки были вывешены таким образом, чтобы они обозревались окружающими турками со всех сторон. Генерал К.К. Гейнс продолжает:

«Тяжело отзывалось на солдатах это приказание. Известие о сдаче было для них равносильно приговору к смерти... Большинство офицеров ободряло солдат уверением, что без боя турок не впустят, но и госпожа Ковалевская умоляла огорченных ставропольцев биться до последнего».

«Что с нами будет? Что хотят с нами делать?» — эти вопросы были на устах у многих. Из рассказов видно, что были и такие, которые в случае сдачи обещали пустить себе пулю в лоб, некоторые сговаривались соскочить со стены против нижнего города и пробиваться к пограничным горам... При общей тревоге орудие было перевезено под своды прохода во второй двор с помощью ставропольцев, потерявших при этом трех человек ранеными. Направив дуло против

входных ворот и приказав уложить сбоку его картечь, командир взвода как бы протестовал против сдачи. Происходила какая-то кутерьма: одни кричали «не стрелять», другие готовились к упорной обороне. Во время прихода подполковника Пацевича к переднему фасу цитадели, он, после угроз убить каждого слушника, он молча взошел по лестнице на крышу и, махая шапкой, начал кричать: «Тохта! Тохта! Яваши! Яваши!». В ответ, притихшая пальба турок сменилась криком «алла!» под самыми стенами и стрельбой чуть ли не в упор. Вдруг подполковник Пацевич судорожно вздрогнул и повернулся. Пуля через плечо пробила ему грудь. Вслед за этим взлетевший и повисший погон указал почти на одновременный удар пулею в плечо. Сходя с лестницы, он произнес только: «Я ранен — теперь делайте, как хотите».

Через восемь лет Исмаил-хан Нахичеванский оживил в памяти эпизод попытки капитуляции. До принятия решения о капитуляции Исмаил-хан находился у изголовья раненого сына, прапорщика Эриванского конно-иррегулярного полка Аман-хана, и не знал, что же происходило в цитадели. Не облеченный никакими полномочиями, Исмаил-хан вообще не принимал участия в делах цитадели. Передадим в кратком изложении и его свидетельство о происшедшем:

«Ко мне влетел вдруг артиллерийский офицер. Он был взволнован. «Пацевич поднял белый флаг, и огромная масса турок уже хлынула к воротам». После этого я выскочил во двор, где толпилась масса офицеров и солдат и действительно вижу: на громадном шесте, прикрепленном к стене цитадели, высоко развевался белый флаг, а возле стоят Пацевич и несколько офицеров. «Господа, что вы делаете?! — крикнул я. На то ли мы принимали присягу, чтобы малодушной сдачей опозорить себя и русское оружие!? Стыдно! Пока в жилах наших остается хоть капля крови, мы обязаны перед Царем бороться и отстаивать Баязет. Кто вздумает поступить иначе, тот — изменник, и того я прикажу расстрелять немедленно! Долой флаг, стреляй ребята!»

Генерал-фельдмаршал
И.Ф. Паскевич (1782—1856)

В ответ на это раздалось громкое «ура» всех присутствующих, причем я слышал и несколько восклицаний: «Умрем, но не сдадимся».

Через несколько мгновений выстрелы загремели с наших стен и отбросили толпы озадаченных турок, уже подступивших было к воротам цитадели с топорами и камнями. Неприятель ответил также немедленно

но, и пули зажужжали со всех сторон, как пчелиный рой, причем смертельно был ранен, прежде других, подполковник Пацевич, скончавшийся на другой день. Своя ли пуля его сразила или неприятельская, не берусь решить. Были голоса за то и за другое, но Пацевич был ранен в спину».

Действительно, медики потом заключили, что одна пуля прошла через спину Пацевича и пробила ему грудь, а другая — поразила плечо. Смертельное ранение Пацевича еще более укрепило патриотический дух осажденных баязетцев. О сдаче цитадели теперь и речи быть не могло.

Так волею сложившихся печальных обстоятельств, без назначения свыше, полковник Исмаил-хан Нахичеванский вступил в командование гарнизоном. Он вовсе не готовился к этому, не ожидал, что такое может произойти. Но будучи самым старшим в крепости по чину и возрасту (ему тогда было 59 лет), Исмаил-хан сознавал свой долг не только как офицера Русской Армии, но и гражданина России. Поэтому решение Исмаил-хана вовсе не было случайным, оно явилось проявлением его жизненного кредо, его нравственной позиции.

Исмаил-хан смотрел на происшедшее глазами реалиста и в рассказе полковнику Максуду Алиханову он разъяснял:

«Я, конечно, не отрицал возможности подобного конца, но всегда повторял при этом, что я никогда не соглашусь на сдачу Баязета еще и потому, что я — мусульманин. Я знаю, что именно этому обстоятельству припишут сдачу, если бы на нее побудили даже тысячи других причин».

Конечно, в те ответственные минуты жизни ему, отцу девятерых детей, было о чем подумать. Смелое решение сорвать белый флаг могло очень дорого стоить Исмаил-хану. И если выброс белого флага оставлял Пацевичу хоть какие-то, пусть и очень небольшие, шансы на сохранение жизни, то в случае захвата цитадели турками Исмаил-хан был бы первым повешен для всеобщего обозрения. Как же тут не вспомнить Исмаил-хану о предках, которые завещали ему верой и правдой служить своему Отечеству?

Чтобы глубже понять духовный облик полковника Исмаил-хана Нахичеванского, важно поведать читателю о его родовых корнях и хотя бы очень кратко рассказать о деде и отце.

За период бурной и увядающей деятельности его знаменитого деда, **Келб-Али-хана Нахичеванского**, ослепленного за непокорность в 1797 году жестоким шахом Персии Ага-Магомед-Ханом, сменились четыре Наместника императорской власти на Кавказе. Они по-разному оценивали Келб-Али-хана, по-своему информировали о нем Двор и Его Императорское Величество Государя Всероссийского. До безумия неуравновешенный, князь Цицианов чуть ли не рвал на себе волосы при одном упоминании имени этого хана. Слепому Келб-Али-хана он остерегался больше, чем любого зрячего. Князь Цицианов предупреждал высокопоставленных россиян и разных ханов за пределами России, что следует опасаться Келб-Али-хана. Слепой хан лихо водил в бой многотысячную кавалерию. Не раз, из-за его действий на приграничной с Россией территории, в Грузии поднимались под ружье русские войска.

Почти все Наместники Кавказа, зная об авторитете слепого хана Нахичеванского, нередко искали у него под-

держки. Они даже просили его оказать содействие в водворении на престол армянского патриарха Даниила. Этот факт может показаться почти невероятным, но такое историческое событие действительно было.

Суровый и бескомпромиссный Посол России в Персии, генерал А.П. Ермолов в 1817 году, как никто другой, осознал значение личности Келб-Али-Хана. Ермолов, с не присущей ему нежностью, боготворил этого заслуженного воина, предпочитая его скромное жилище роскошным посольским хоромам. Генерал Ермолов дважды останавливался в Нахичевани в доме слепого Келб-Али-Хана, в бытность своего Посольства в Персию

Доверяя суждениям каждого Наместника и оценивая сложную политическую ситуацию на территории, где пересекались интересы трех могущественных империй, мудрый и откровенно независимый Келб-Али-Хан относился к политике России неоднозначно.

Будучи слепым, он многое осязал и ощущал не хуже зрячих правителей всех трех держав, окружавших Нахичеванское ханство. Мятежная душа Хана, долгие годы вынужденного быть в изгнании, осталась верной своей материнской земле и не посеяла зерна неуверенности по отношению к родине в делах его потомков. В души и характеры последующих поколений, вышедших из гнезда Келб-Али-Хана, с юных лет был заложен фундамент высокой нравственности.

Отца Исмаил-хана, **Эксан-Хана Нахичеванского** (в ряде ранних источников — Эхсан-Хан), храброго военачальника еще при персидском Фетх-Али-Шахе, а затем полковника и генерал-майора Русской Армии, лично знал и высоко ценил фельдмаршал граф И.Ф. Паскевич-Эриванский.

Всеподданнейший Рапорт графа Паскевича от 19 мая 1831 года:

*«При самом начале войны в 1827 году с Персами, полковник **Эксан-хан**, наиб Нахичеванский, оказал привязанность к России сношениями с управляющим Карабахом генерал-майором князем Абхазовым. Командуя в крепости Аббас-абад Нахичеванским батальоном сарбазов, он восстал в оной против остальной части гарнизона и тем*

Император Николай I
(25 июня 1796 — 18 февраля 1855)
Рисунок с натуры

много содействовал сдаче нашим войскам означенной крепости. После же сего он чрез свое влияние на народ весьма много способствовал сохранению тишины и спокойствия в тамошнем крае.

Находясь в то время в Ордобаде, он, Эксан-хан, остановил в продолжение 10 дней более 1000 Персидской конницы, имевшей намерение переправиться через Аракс. Когда же войска сии были усилены еще двумя батальонами сарбазов и артиллерию, то он, запершись в городе, а потом в замке, держался с отличной храбростью, невзирая на самое затруднительное положение, до прибытия наших войск».

5 октября 1837 года, во время пребывания на Кавказе, Государь Император решил сделать смотр недавно сформированному в составе Кавказского Военного Округа Кенгерлинскому полку. Познакомимся с рассказом самого Государя Императора Николая Павловича:

«Спустившись в долину, я увидел перед собою выстроенную к бою бесподобную конницу Кенгерли в одно-

образном одеянии и на чудесных пошеях; начальник ее, Эксан-хан, подсказал ко мне, отработовал по-русски как бы офицер наших войск».

И уже на следующее утро Государь Император Николай Павлович не замедлил подписать Высочайший приказ. Вот его подлинный текст:

«Его Императорское Величество в присутствии СВОЕМ в кр. Эривани, Октября 6-го дня 1837 года, соизволил отдать следующий приказ:

За отличный порядок, найденный при осмотре Мусульманского полка Кенгерли, Государь Император объявляет Высочайшее благоволение: Командиру Отдельного Кавказского Корпуса, Генерал-Адъютанту Барону Розену 1-ому; Командиру сего полка, **Полковнику Эксан-Хану** и всем г.г. Штаб, Обер-Офицерам; нижним же чинам ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО жалует особое денежное вознаграждение».

(«Русский Инвалид или Военные Ведомости»,
Октября 26-го дня 1837 года, № 268).

Действительно, законы наследственности — не выдумка шарлатана. Полковник Исмаил-хан Нахичеванский, несмотря ни на какие последствия, по-другому поступить не мог.

ИСМАИЛ-ХАН РУКОВОДИТ ОБОРОНОЙ ЦИТАДЕЛИ

Григорий Михайлович Пацевич умирал в полном сознании. Его безрассудное решение капитулировать никак не было проявлением трусости. Скорее всего, оно мотивировалось желанием сохранить жизни осажденным. К этому склоняется в расследовании этих событий и генерал К.К. Гейнс. Правда, есть одно нераскрытое «но». Его не касались после гибели Пацевича, а без учета этого «но» объяснения действий Пацевича могли быть неточными.

У Григория Михайловича совсем недавно умерла жена, и на руках у родственницы остались его пятеро детей. Самой старшей дочери Пацевича, Зине, еще не испол-

нилось 17-ти, старшему сыну Мише не было 12-ти, другому сыну Николаю — 12, дочери Саше — только три года, а малютке Лене в мае 1877 года исполнился лишь годик. Поэтому, наверное, принимая решение о капитуляции, потерявший самоконтроль Пацевич, мог позаботиться и о себе, дабы не оставить на произвол судьбы детишек, не сотворить из них полных сирот. Никто не мог отнять у Пацевича этого святого права.

Возможно, в той экстремальной ситуации Пацевич, по своей наивности, верил, что разъяренный противник сохранит жизнь всем осажденным и ему, начальнику гарнизона, в том числе, в случае добровольного открытия ворот. Пацевич так же принимал решение самолично, как и на том роковом ночном совете с 5 на 6 июня, где присутствовали те же самые офицеры. Во время приказа Пацевича выбросить белый флаг, эти же офицеры стояли рядом. Никто из них так и не попытался удержать Пацевича от такого сумасбродного решения.

У коменданта, капитана Федора Эдуардовича Штоквича, тоже была власть, и он мог бы воспротивиться скоропалительному решению начальника гарнизона. Возможно, на размышление в запасе не было часов, но минуты-то были. Но ни Штоквич и никто другой из окружения Пацевича так и не осмелились протестовать против позорного приказа. Получалось, что при молчаливом одобрении офицеров цитадели, Пацевич видел только в капитуляции спасение гарнизона от истребления.

Врачи Баязета делали все, чтобы сохранить жизнь Пацевичу. Когда в госпитале не осталось ни капли воды, а умирающий Пацевич нуждался хотя бы в ее глотке, по просьбе врача Китаевского вдова Ковалевская пожертвовала для него две бутылки вина. *«Я отдаю последнее, теперь мне придется умереть от жажды»*, — лишь промолвила она.

Добавим к этому, что Ковалевские никогда не были знакомы с Пацевичем. У нее не могло быть симпатии к нему, поскольку ее муж Александр Викентьевич Ковалевский стал жертвой непродуманной вылазки Пацеви-

ча. Три дня подряд, потрясенная гибелью мужа, Александра Ефимовна находилась возле его тела. Лишь вечером 8 июня офицеры Ставропольского полка уговорили ее расстаться с телом мужа, поскольку солдаты повседневно оплакивали своего командира, а это негативно отражалось на состоянии их духа.

На дне глубокого подземелья цитадели ставропольцы вырыли нишу и, простившись с любимым командиром, задвинули в склеп гроб с телом подполковника А.В. Ковалевского.

Пацевича спасти так и не удалось. В вечерней тишине, когда затих грохот очередного штурма, группа офицеров стояла возле тихо умирающего подполковника Пацевича. Среди последних слов Григория Михайловича, между прочим, запомнились и такие: *«Господа! В намерении сдать крепость я не виноват»*.

Георгий Михайлович Пацевич скончался 16 июня, а 17 июня, согласно письменному приказу № 12, для описи вещей *«после смерти от ран подполковника Пацевича»* капитаном Штоквичем была назначена специальная комиссия из 4-х человек.

В фильме «Баязет», кстати, показана какая-то нездоровая суэта и не свойственные боевому российскому офицерству интриги вокруг личности, которой, возможно, предстоит заменить подполковника Пацевича. Неприятно было видеть в фильме, как Исмаил-хан в потемках, озираясь, подобно мелкому ворышке, роется в документах и имуществе покойного Пацевича. Подобных кощунственных действий пожилой и заслуженный офицер Исмаил-хан допустить не мог. К тому же, в это время он безотлучно находился у изголовья своего раненого сына.

Как свидетельствуют реальные факты, смена командования в Баязете прошла незаметно для воинов гарнизона, среди офицеров также не было никаких диспутов.

Назначенный руководством Эриванского отряда, комедант Штоквич, как положено, автоматически занимал должность Пацевича, в случае его гибели или неспособности командовать по болезни. После смерти подполковника Пацевича, капитан Штоквич был обязан

издать приказ о своем вступлении в командование гарнизоном. С 4-го по 28-е июня комендант Баязета выпустил 23 приказа, но ни в одном из них нет упоминания о его вступлении в должность начальника гарнизона в цитадели и командующего там войсками.

В конце концов, комендант цитадели мог объявить гарнизону через начальников частей, что он, капитан Штоквич, в связи с тяжелым ранением Пацевича и его неспособностью выполнять функции начальника гарнизона, принял на себя командование гарнизоном. Таких объявлений также не было. Не было и возражений капитана Штоквича против инициативы полковника Исмаил-хана Нахичеванского возглавить оборону. И конфликтов между Исмаил-ханом Нахичеванским и капитаном Штоквичем после гибели подполковника Пацевича также не было.

О факте вступления полковника Исмаил-хана Нахичеванского в должность начальника гарнизона цитадели и командующего войсками Баязетского округа, о дальнейших его распоряжениях в цитадели, мы узнаем из записки, составленной войсковым старшиной Кваниным генералу К.К. Гейнсу.

После того, как белый флаг был сорван и турки были отбиты, *«войсковой старшина Кванин отправился во второй двор к полковнику Исмаил-хану Нахичеванскому, прося его, как старшего, принять командование войсками после подполковника Пацевича. На это тот ответил, что уже вступил в эту должность».*

Свидетельства войскового старшины Кванина авторитетны еще и тем, что полковник Исмаил-хан предложил именно Кванину быть своим помощником, то есть фактически вторым лицом в гарнизоне, и *«приводить в исполнение все его распоряжения по обороне Баязета».* Первыми же такими распоряжениями были: *«сомкнуть разбросанные части войск, приступить к окончанию закладки окон, к сильнейшей завалке ворот камнями и лучшему ограждению стрелков наверху стен».*

Эту важную деталь читатель не должен оставить без внимания. На весь период обороны цитадели функции

помощника начальника гарнизона исполнял не комендант капитан Штоквич, как это следовало предполагать, а отважный казачий офицер войсковой старшина Кванин.

После вступления в командование гарнизоном Исмаил-хана Нахичеванского, капитан Штоквич полноправно выполнял обязанности коменданта цитадели, и в этом ему Исмаил-хан также не препятствовал. Каждый из них: назначенный генералом Тергукасовым комендант Штоквич и «самозванный» начальник гарнизона и командующий войсками в Баязете полковник Исмаил-хан Нахичеванский — занимался своими обязанностями.

С первых дней руководства гарнизоном, полковник Исмаил-хан предпринял необходимые меры по укреплению крепости, особенно, в местах, через которые могут прорваться турки. Под его непосредственным командованием вершилось то многое и необходимое, что вменялось в обязанности коменданта еще до наступления осады.

После неудавшейся капитуляции, командующий Анатолийской армией Мухтар-паша потребовал от Фаик-паши немедленного взятия штурмом цитадели или ее полнейшего разрушения. Вот одна из телеграмм, которая была направлена Мухтар-пашой в адрес Фаик-паши:

«Я думал, что вы уже окружили и стеснили неприятеля всеми Вашими силами, но из телеграммы Вашей увидел, что задачу эту вы возложили на иррегулярные войска, чем я крайне недоволен. Что Вы делаете в настоящее время и где находитесь? Главная задача войск — сражаться и бить противника. Отчего же Вы не только не направяете к этой цели вверенные Вам силы, а даже упускаете все удобные случаи. Подобного поведения, несовместного с воинской доблестью, я не потерплю. Решительно объявляю Вам, что Вы безусловно обязаны, со всеми вверенными Вам войсками, идти к Баязету и стараться разбить укрепившегося там противника».

*Подписал: Гази-Ахмед-Мухтар.
14 июня 1877 (1293) года*

БУДНИ ОБРЕЧЕННЫХ

Действия турок, а цитадель окружали курды да башибузуки, приняли более ожесточенный характер. Зная о муках баязетцев, сытые и усталые от безделья толпы неприятеля демонстрировали осажденным свои изуверские потехи.

Генерал К.К. Гейнс приводит воспоминания наблюдавших со стен цитадели:

«Неудавшееся желание каждого курда перебить соток русских распалило их зверские инстинкты, и они с яростью опрокинулись на беззащитных жителей. Треск от ломки и разрушения, крики и хохот неистовавших курдов повсюду смешивались с воплем женщин и детей. Вскоре началась иллюминация того, что делалось во мраке: засветился ряд пожарных огней, среди которых особенно ярким светом отличалось пламя наших телеграфных столбов.

С любопытством и страдальческим нытьем сердца следили за толпами, окружавшими пожары: то ярко освещенные красноватым светом огня, то в виде черных силуэтов, отчетливо виднелись курды с их нечеловеческими забавами, среди хохота и дикого крика, которым подбодряли они друг друга, то взмахивался ятаган, покончивший стенание какой-нибудь жертвы, то взлетал кверху ребенок, чтобы исчезнуть в пламени.

Солдаты и офицеры, посылая им проклятия и ругань, не могли удерживаться и от активного участия. По временам раздававшиеся команды «рота, пли!», вместе с громом залпа, точно облегчали их участь и срывали с сердец невольных зрителей ту невыразимую тяжесть, какую испытывает лишенный возможности спасти погибающего. Подобные повременные залпы, сваливавшие часть мучителей около истерзанных ими жертв, заставляли курдов оставлять опасные места и расходиться.

Вот такие-то сцены с сатанинскими потехами, среди адского концерта из выстрелов, треска, воплей, криков и хохота. раздававшегося под черным, непро-

глядным сводом ночи и при зареве пожаров, представляли истинную картину ада, которая исчезала только с появлением зари».

Но угрозы турок и глумление курдов над мирными жителями лишь воодушевили баязетцев держаться до последнего. Теперь они и слышать не хотели о капитуляции.

С разрешения полковника Исмаил-хана, ослабевшие от жажды и голода 128 лихих добровольцев, под командованием 4-х храбрых офицеров, напши в себе силы и мужество сделать героическую вылазку за пределы крепости. Перепрыгивая через груды разложившихся трупов, преодолевая полосу удушающей вони, добровольцы из цитадели вступили в смертельную схватку с турками. Отрядный фельдшер, увидев, как упал раненый в ногу юнкер, бросился к нему на помощь и пытался наскоро его перевязать, но был тут же изрублен турками. В схватке против откормленных турок истощенные в осаде храбрецы на каждом шагу проявляли беспримерный героизм.

В одном из переулков Баязета бойцы заметили, как русский солдат из цитадели и турок, отделенные углом здания, чуть не прикоснувшись спинами, стреляли в разные стороны. Было видно, что в этой бешеной перестрелке они не замечали друг друга, и один не слышал выстрелов другого. Наблюдавшие с беспокойством ждали развязки этой необычной случайности, и она наступила. Что-то заставило русского солдата заглянуть за угол. Озадаченный соседством врага, он бросился на турка со штыком.

В этой героической вылазке полегла треть отважных добровольцев, но от стен крепости турки были все-таки отброшены.

С каждым днем голод все больше одолевал осажденных. Они экономно доедали мясо дохлых лошадей, но и этого не хватало. За водой к недалеко протекавшей речушке ходили почти ежедневно, спускаясь по канату со стен крепости или пробираясь через пробоину в стене. И хотя берег реки был усеян трупами храбрецов из Баязета, это их не останавливало. Однажды вместе

с водой в крепость был поднят захваченный в плен турецкий унтер-офицер. По дороге к реке охотники за водой промышляли и пищу.

Вот подлинный рассказ очевидца:

«Едва мы вошли в саклю, где были три телушки, как товарищ мой кинулся к одной из них и хватил ее кинжалом по горлу. Раненое животное еще не успело упасть, как он отрезал у нее язык, быстро развел огонь и, не дождавшись как следует, с жадностью съел его тут же».

Между тем, добываемой воды, отравленной трупным ядом, вследствие чего началась смертность, все равно не хватало. Погибающие от жажды вынуждены были пить собственную мочу.

Осаждая цитадель Баязета, турки почти ежедневно соблюдали однообразный порядок. По утрам около восьми часов, а по вечерам около четырех вся линия турецких войск, вместе с артиллерией, начинала усиленную пальбу, продолжавшуюся часа по два. По ночам же у подошвы горы, на которой стоял замок, постоянно находились партии вооруженных турок, которые самым беспощадным образом препятствовали ходакам за водой.

А без воды было совсем плохо. От ее недостатка солдаты падали замертво. Как-то был найден один из них, лежавший без чувств у крепостной стены. Кружка пожертвованной ему воды воскресила несчастного, другая — окончательно привела его к жизни.

«Тяжело мне было, — рассказывал он, — внутренность горела огнем, во рту совершенно высохло и не было слюней. В десяти шагах не мог узнавать товарищей, в голове слышался громкий гул, а бессилие во всем теле не позволяло стоять на ногах».

Для того, чтобы понять, до какой степени доходили мучения от жажды, достаточно сказать, что многим не приходилось по два дня получать хотя бы каплю воды. Нередко страдалцы целовали ноги счастливых, добывавших воду, умоляя их поделиться своим сокровищем, но почти каждого из просителей ожидал категорический отказ. Когда речь шла о воде, в осажденном Баязете понятия «друг» или «брат» были забыты. Изны-

вающие от жажды стремились за любые деньги добыть хотя бы глоток воды.

В самый разгар осады турки иногда проявляли садистское «великодушие», открывая на какое-то время доступ к реке, заваленной мертвыми. Но ради утоления жажды, осажденные готовы были идти за отравленной водой.

Рано утром, быстро достигнув реки, смельчаки, не теряя ни минуты, наполняли бурдюки и, возвращаясь обратно, не подозревали, что смерть их караулила. Турки находились в засаде и следили за каждым шагом водоносов. Лишь только возвращавшиеся с драгоценной добычей появлялись на открытом склоне горы, как из сотни уже заранее наведенных винтовок раздавался убийственный залп, и большая часть удалцов падала замертво у стен цитадели. А из самого замка, тем временем, истошно кричали: *«Бегите скорей. Не бросайте, не бросайте воду!»* А раненые охотники стонали и взывали о помощи: *«Ох, ранен! Не оставляйте, братцы!»* Но оставшиеся в живых уже не имели сил подбирать раненых и прихватить их бурдюки.

Рассказы участников баязетской трагедии о нехватке воды были переполнены и другими ошеломляющими фактами.

Вот что записал со слов очевидцев генерал К.К. Гейнс.

«Ночь, мешавшая видеть мерзость разложения и ощущать освежающий холод воды, помогала даже трупным ядам утолять жажду с наслаждением. Это не мешало пившим мочу употреблять принесенную воду и на другой день, когда глазам их представлялась не вода, а густая мутно желтая вонючая жидкость, переполненная трупными червями. Приобретавшие такой напиток берегли его как сокровище: за каждую пророненную каплю при питье артельного запаса, за каждый обмокнутый кусочек сахара на виновного сыпалась брань со всех сторон».

Вода в цитадели была и самой высокой наградой. При ее наличии четверть ведра выдавалось орудийному расчету, если артиллеристы попадут в турецкий редут.

10 июня Исмаил-хан принял решение послать к генералу Тергукасову записку о бедственном положении в цитадели. На вызов откликнулся казак Хоперского полка Ковальчук, отважный и уже проверенный в боевых делах. Он долго служил в кордоне и хорошо знал окружающую местность. Для успешного передвижения по неприятельской земле ему дали одежду одного из пленных, и по приказанию Исмаил-хана требовалось преобразить его в курда. Хотели брить ему голову, но для этой операции никто в цитадели не пожертвовал и капли драгоценной влаги. Никогда не покидавшая казаков находчивость выручила и здесь. Ковальчука усадили и призвали всех, кто только может смочить его шевелюру плевками. Сказано — сделано. С Ковальчука сняли крест и гладко выбритый новоявленный «курд» предстал перед Исмаил-ханом для последнего инструктажа. В помощь Ковальчуку (заметим, именно в помощь, а не самостоятельно!) был выделен армянин Самсон Петросов, бывший писарь из канцелярии.

Разумеется, эпизод в фильме с армянином-беженцем — суцая выдумка. В крепости не было беженцев, как и не было никакого хирургического вмешательства для маскировки записки генералу Тергукасову. На случай обыска записку предписывалось съесть.

Из двух посланных вестников к генералу Тергукасову вернулся только Петросов. Он заявил, что записку проглотил, опасаясь обыска, но о бедственном положении в крепости Тергукасову рассказал. Помощь была обещана. Но почему же записка, данная Ковальчуку, оказалась у Самсона Петросова, а не у Ковальчука? Почему не Ковальчук, как это было ему приказано, а Петросов докладывал Тергукасову? И наконец, как Петросов «потерял» Ковальчука, почему Петросов один вернулся в Баязет? Вопросы неспрдазные. Генерал Гейнс, во время расследования, заинтересовался этой таинственной историей и выяснил, что к рассказу Петросова в цитадели еще тогда отнеслись с недоверием.

«Как бы то ни было, — утверждает генерал Гейнс, — но лихой казак Ковальчук исчез бесследно и навеки.»

В фильме «Баязет» этот известный исторический факт извращен. Казак Ковальчук вообще не показан, а из Петросова сотворен чуть ли не библейский герой.

13 июня с крепости заметили приближение отряда генерала Келбали-хана. Радости не было предела. Гарнизон Баязета воспылал надеждами на спасение. Полковник Исмаил-хан, наблюдая за отрядом Келбали-хана, не без гордости заявил, что на белом рысаке гарцует его родной брат, генерал Келбали-хан Нахичеванский, а стало быть, помощь осажденным приближается. Правда, глядя с высоты цитадели, даже невооруженным глазом была видна малочисленность отряда Келбали-хана, но в беде всегда хочется верить и надеяться. Баязетцы полагали, что медлительность в продвижении Келбали-хана объясняется ожиданием подкрепления. Во всяком случае, в цитадели никому не спалось, и с наступлением рассвета все ожидали наступления чуда, но оно не случилось. Поутру, когда едва забрезжил рассвет и стала просматриваться местность, защитники Баязета уже не увидели отряд Келбали-хана. Изнуренные от голода и жажды, осажденные впали в уныние. Всем показалось, что это был мираж. Выходит, судьба как бы подшутила над ними. Вначале она их порадовала, посеяв в души надежду на избавление от беды, а затем заставила еще острее ощутить полную безысходность и обреченность.

Тем временем, чарочная порция воды в гарнизоне была резко сокращена.

Госпитальный персонал, наравне с другими осажденными, разделял общую участь, выполняя свою работу почти без отдыха. Госпиталь, с шестью штатными врачами и обслуживающим медперсоналом, был переполнен ранеными. За время осады в нем перебивало 208 больных, больше половины — с открытыми и пулевыми ранениями. Из общего числа больных врачи не сумели сохранить 40 жизней. Поступали в госпиталь и заболевшие лихорадкой, изнуренные от недостатка воды. Если вода в госпитале была, то страдалым выдавалось от одной до трех унций (примерно от 30 до 90 граммов). Когда же турки стали отравлять воду, заваливая

ручей трупами, количество больных стало возрастать. Не было дня, чтобы в госпиталь не обращались до 60—70 человек с болью в животе. Были дни, когда воды в цитадели не было вообще, и дозы даже для тяжело больных снижались до нескольких капель. Отсутствие воды пагубно влияло на лечение ран. В лучшем случае, раны удавалось промывать трижды, а загрязненные бинты использовались многократно.

В минуты тяжелых испытаний несчастных воинов одухотворяла единственная женщина гарнизона, ни силой воли, ни бесстрашием не уступавшая лучшим из доблестных защитников цитадели. Ею была вдова Александра Ефимовна Ковалевская.

Потрясение от гибели любимого мужа и истощение отразились и на Ковалевской. Все двадцать две ночи блокады Александра Ефимовна держалась на ногах, готовая вместе со всеми встретить любой исход. Она принимала близко к сердцу участь каждого. Особенно был ей дорог второй батальон ставропольцев, которым командовал ее покойный муж. Жертвуя две последних бутылки вина умирающему Пацевичу, в глазах осажденных она возвысилась до настоящей святой. Ведь эти храбрые воины могли пожертвовать своей жизнью в бою, но каплей воды — никогда. Когда 13 июня, после потери надежды на спасение, гарнизон пришел в уныние, Ковалевская, собрав последние силы, ходила по цитадели и подбадривала бойцов. Утешение женщины, переносившей вместе с ними все тяготы тяжелой осады, вдохновляло воинов гарнизона. Убитая горем, Александра Ефимовна находила в себе силы на теплые слова, чтобы вселять в осажденных надежду на спасение.

Но вскоре и Ковалевская лишилась сил. Она потеряла сон и уже с трудом передвигалась. Опекавший ее доктор Китаевский с грустью заметил: *«Если вы, Александра Ефимовна, умрете от жажды, то причиной этого буду я, как взявший у вас последние две бутылки вина, которыми вы поддерживали бы ваши силы».*

Смотревшие фильм «Баязет», наверное, помнят, как по простреливаемой цитадели, где изнывали от голода

и жажды осажденные, с томным взором и озабоченная любовной страстью, с начесом на голове и одетая явно не по ситуации, бродила вдова полковника Хвоцинского. Всего несколько дней назад она похоронила своего мужа и, выходит, уже успела его позабыть? У реальной героини Александры Ковалевской не было никакого дурного прошлого, никаких любовных романов. Она была верной и любимой женой.

Тем временем, осада продолжалась. Позади остались двадцать дней тяжелейших духовных и физических испытаний. Жизнь у каждого в гарнизоне висела на волоске, и счет ее пошел уже на часы.

Смерть в открытом бою бледнела перед теми муками, которые обрушились на гарнизон. К голоду и жажде, сильной жаре, удушающему зловонию и отравленной трупным ядом воде, во второй половине осады присоединился новый бич — вошь, и солдаты лишились сна — единственного лекарства, которое помогало сохранять еще оставшиеся силы.

Исмаил-хан продолжает свой волнующий рассказ о положении в цитадели:

«Между тем, положение наше ухудшалось с каждым днем. Было бы долго говорить о том, что испытывали другие. Об этом можете судить из того положения, в котором находился лично я, старший в гарнизоне. В течение 23-х суток моей постелью на голых каменных плитах служило одно единственное пальто. Рядом со мной в такой же обстановке валялся в постоянном бессмятстве мой сын, контуженный гранатой в голову. Я голодал по несколько дней подряд, так что платье уже висело на мне, как на вешалке, и если я не умер с голоду, то только потому, что человек мой случайно нашел среди кладбищенского мусора несколько кусков турецких галет, которыми мы вдвоем подкрепляли свои силы в течение всей последней недели. Но голод был ничто в сравнении с жаждой!... Не забудьте, была середина жаркого лета. Бедные лошади гарнизона! Я несколько раз подходил к своим, изнуренным до неузнаваемости. Они, при этом, медленно протягива-

ли ко мне свои головы и высовывали пересохшие языки с таким осмысленным, казалось, выражением мольбы в помутившихся глазах, что у меня буквально наворачивались слезы. Так они все и пали от жажды, и, конечно, были съедены до единой.

Мне никогда, конечно, не пришло бы в голову просить турок о прекращении палбы, ежедневно вырывавшей у нас массу людей, а тем более платить за это хоть копейку. Но видя вокруг раздирающие сцены умирающих от жажды, я послал предложить Измаилу-паше все, что у меня было, то есть шесть тысяч червонцев, если он пустит нам воду на один день. Паша не согласился.

После этой неудачной и, быть может, неуместной попытки моей купить воду, что в глазах неприятеля надлежащим образом осветило, конечно, действительное положение гарнизона, к нам явился с письмом Измаила-паши третий парламентар-курд, бывший русский подданный, бежавший к туркам уже после объявления войны. Этот изменник возмутил меня своим нахальством. Не ограничиваясь передачей письма, он пустился в громкие суждения, что дни наши сочтены.

— Паша очень хорошо знает, — говорил он, между прочим, — что люди здесь мрут, как мухи, и если не сдадитесь, жалкие остатки ваши дня через два будут повешены поголовно. Зачем же ждать такого конца?

— Прежде чем это последует, я тебе покажу, какого конца заслуживает всякий изменник, — произнес я и приказал его повесить, что немедленно и было исполнено.

С тех пор парламентары уже более не являлись к нам, и тогда же, кажется, турки задумали взорвать нас на воздух. О последнем плане мы узнали совершенно случайно и почти перед самым его осуществлением.

Изыскивая какой-либо способ добыть воду, во что бы то ни стало, и остановившись на мысли провести подземный ход к источнику, существовавшему среди построек заброшенного города Баязета, мы немедленно приступили к осуществлению этой идеи. Дело подвигалось весьма быстро, когда, вдруг, рабочие наши

наткнулись на мину, которую турки вели под цитадель, и на таком расстоянии от нас, что дня через три мы действительно могли взлететь на воздух. К счастью, этому не суждено было осуществиться».

(«Кавказ», 12 апреля 1895 года. № 94)

Между тем, надежда договориться с осажденными о мирной сдаче цитадели не оставляла турецкое командование. У турецких военачальников не укладывалось в голову, как среди блокадников может быть женщина, переносящая наравне со всеми все муки блокады.

В очередном ультиматуме о сдаче крепости, который направляет командующий Алашкертским отрядом Исмаил-Хакки-папа, указывается на необходимость проявления человеческих чувств к женщине. Дескать, неужели вам, в цитадели, не жаль единственную женщину. Сдавайтесь, хотя бы ради нее! Обращает на себя внимание слишком уж необычный, почти ласковый тон ультиматума. Текст его и орфография сохранены:

КОМАНДУЮЩЕМУ В БААЗЫТСКОЙ КРЕПОСТИ.

На посланное вам письмо до сих пор никакого ответа не получено, во время прежнего переговора я сам здесь приехал и узнал о вашем положении и находящееся с вами женщины тронуты человеческим чувством предлагаю вам из моей стороны во время сложения оружия содержания всех человеческих условий и в том, не только из стороны правительства но и от себя честным моим словом уверяю – время до завтра утра 7 часов известия ожидаю.

Генерал Губернатор Ерзерумского Ваалета и Г:
Командир Исмаил Паша
24 июня 1877.

24 июня оказался днем Божьей благодати. На защитников цитадели грянул проливной дождь — сказочный эликсир жизни. Защитники цитадели насладились влагой вдоволь и, наученные горьким опытом, на сей раз дружно делали запасы воды. Никто не знал, сколько еще придется томиться в цитадели.

По этому жизненно важному событию комендант капитан Штоквич выпустил очередной приказ, правда, почему-то с опозданием на целый день, когда ливень уже оставил о себе лишь счастливые воспоминания. Приказ предписывал то, что было в гарнизоне уже не только выполнено, но и с лихвой перевыполнено.

Опьяненный обильной влагой, изнуренный гарнизон внезапно ожил. В природе все едино. Успей только полить увядающий, но еще живущий цветок, он непременно воспрянет, демонстрируя продолжение жизни. Человек, словно цветок, — часть природы. Предоставь человеку все, что только ему угодно, кроме влаги, и род человеческий прекратит свое существование.

Приказ № 20 от 25 июня 1877 года.

§1. По случаю бывшего ночью проливного дождя, набрана вся, какая только была посуда, водой, как в госпитале, так и в частях, а потому в госпитале получить сего числа по четверти фунта сухарей и варить горячую пищу; в части же выдать по половине пуда ячменя, истолочь его, сварить сего числа горячую пищу, нарезать для гарнизона одну из оставшихся в живых 4-х артиллерийских лошадей.

§2. Сего числа вылазки за водой не делать, что может ослабить бдительность неприятеля и благодаря вчерашней благодати Господней, избавит нас от пролития нашей крови, которую оплачивается каждая носка воды.

И хотя в приказе капитана Штоквича был зафиксирован факт о сделанных запасах воды в цитадели, но уже на следующий день с водой вновь возникли проблемы. Говоря языком приказа коменданта, если «набрана вся, какая только была, посуда водой», то куда она делась всего за сутки? Во всяком случае, в последние два дня 26-го и 27 июня комендант Штоквич выпустил приказы о повторении вылазок за водой к той самой смертельно опасной реке:

«Хотя есть небольшой запас воды, но для пополнения онаго сделать сего числа вылазку за водой..»

«Сего числа вылазку за водой сделать опять».

Шли день за днем, а помощь в цитадель не приходила. Исмаил-хана все больше одолевали сомнения: дошло ли до генерала Тергукасова известие о бедственном положении цитадели, посланное с Ковальчуком и Петросовым?

В тот же день Исмаил-хан распорядился снарядить новых гонцов, но теперь уже не к Тергукасову, а в Игдыр, к своему брату, начальнику кордона генерал — майору Келбали-хану. Для этой цели был назначен один из крепышей в гарнизоне — урядник Сиволобов и в помощь ему были даны два казака из Уманского полка — Шапель и Цокура. Большую часть дня Сиволобов пролежал на стене цитадели, изучая направления передвижения турок и выбирая для себя наиболее удобную дорогу.

Наступила ночь. Сиволобов с путниками сняли сапоги и, вместе с командой, вышедшей за водой, спустились к реке. Насладившись вдоволь влагой, они направились в свой рискованный и трудный путь. В дороге случилось немало приключений, и жизнь путников часто висела на волоске.

Как-то спасаясь от преследования турок, они вбежали в пустую саклю и приготовились к обороне, ожидая верную смерть. Могильный мрак и тишина в сакле, крики, говор турок и пальба вокруг томили казаков около часа. Вдруг послышались осторожные шаги. Приложив глаз к узкой щели в дверях, Сиволобов увидел, как человек тридцать турок, осторожно и с наклоненными штыками, проходя мимо дверей, остановились. Невыносимое ожидание какого-то конца довело казаков до желания скорее отделаться от турок открытым боем. Сиволобову с трудом удалось отговорить своих товарищей от этого самоубийственного предложения. Надежда на лучший исход не покидала смельчаков. Турки на какое-то время задержались у сакли, о чем-то пошептались и двинулись своим путем. Потом они вновь остановились, присели у большого камня и чего-то выжидали. Воспользовавшись тем, что взгляд турок был устремлен в другую сторону, казаки выскользнули из-под носа неприятеля и скрылись в промоине реки.

Какие только не встречались препятствия на пути этих храбрецов! Им удавалось ловко избегать встреч с турками и умело обходить их многочисленные посты. Между тем, бесконечно крутые подъемы, спуски при нестерпимой жаре и духоте отнимали последние силы. Наконец, уже обессиленным и голодным воинам открылась панорама Эриванской равнины. Окунувшиеся в зелень садов, вдалеке виднелись аулы. До Игдыра — всего-то верст пятнадцать, но глаза путников завлакивались туманом. Сквозь эту пелену, уже почти ничего не было видно.

Первым без чувств падает Сиволобов, но Цокура и Шапель, напрягая последние силы, продолжают упорно идти вперед. Не пройдя и сотни метров, теряет сознание и обессиленный Цокура, а Шапель, не оглядываясь, чтобы не потерять остаток сил, идет вперед. Он служил в этих местах и с радостью увидел армянское селение, где случалось бывать когда-то. От счастья он даже закричал. К нему, уже падающему в беспамятстве, бросились жители. На лице Шапеля все страдания были написаны. Десяток бойких ребятишек, нагруженных водой и чуреками, побежали разыскивать других страдальцев. В Игдыр немедленно полетела весть о прибытии гонцов из Баязета, и Келбали-хан немедленно выслал за ними лошадей.

Еще сильно утомленные, едва передвигающиеся, 25 июня они предстали перед генералом Келбали-ханом Нахичеванским. Действительно, до сих пор Келбали-хан не знал подробностей о бедствиях в цитадели. Он внимательно выслушал рассказ посланцев о ситуации в цитадели и обстановке вокруг нее, они поведали ему о своем трудном пути. Поблагодарив и накормив отважных казаков, Келбали-хан наградил всех троих. Урядник Сиволобов получил 300 рублей, а его товарищи — по 100.

Пока защитники Баязета отчаянно оборонялись, по приказу командующего Анатолийской армией Мухтар-паши к Баязету подтягивались новые силы. В числе их оказалась 3-я бригада Алашкертской дивизии под командованием сына Шамиля, генерал-лейтенанта **Гази-Магомеда-паши** (1000 всадников и 10 орудий), состоящая

Сын Шамиля Кази-Магомед.
Фото 1862 года, в Калуге

из дагестанских горцев (в документах они именуются черкесами), покинувших в разное время Россию и воевавших под турецкими знаменами.

Гази-Магомед родился в 1833 году. В 6 лет, во время бегства из Ахульго, после его кровопролитного штурма, он был ранен солдатским штыком в ногу. Обида осталась на всю жизнь. С юных лет он участвовал в боях, а затем и руководил войсками. В 1847 году Гази-Магомед был утвержден наследником имама Шамиля. 26 августа 1866 года, находясь вместе с отцом в Калуге, он принял присягу на верность Царю и Отечеству.

После смерти Шамиля в 1871 году в Медине, Гази-Магомед, вернувшись в Россию и получив единовременное денежное вознаграждение семье покойного Шамиля, навсегда покинул Россию. Выехав, в Турцию, Гази-Магомед поступил на службу в турецкую армию. Под Баязетом Гази-Магомед пребывал в чине генерал-лейтенанта и звании Его Величества Султана Свиты.

Страстью глумления над русскими пленными Гази-Магомеда наградил Валентин Пикуль, который, сам изобретая изощренные пытки, потом описывал их с величайшим мастерством. В семье Шамиля, как и в самом имамате, культивировалось уважение к пленным гяурам. Это — хорошо известный исторический факт. Авторы фильма также сильно перестарались, талантливо, но лживо вылепив из Гази-Магомеда отпетого негодяя.

В фильме «Баязет» высокопоставленный генерал Гази-Магомед-паша изображен в потертой черкеске и даже

без погон. Этот солидный военачальник Его Величества Султана в фильме лично упражняется в пытках русских пленных. Ни один из официальных или мемуарных документов, где упоминается его имя, не дает оснований предъявлять Гази-Магомеду столь тяжкие обвинения.

Разумеется, турецкий генерал Гази-Магомед — убежденный противник России (он и во время жительства в Калуге никогда не симпатизировал русской власти), но в фильме «Баязет» Гази-Магомед совершенно бездоказательно наделен качествами изувера.

Находясь в числе войск, штурмующих Баязет, генерал Гази-Магомед-паша направил в цитадель два письма. Письма, судя по всему, были написаны на русском языке.

Приведем без изменения текст второго письма:

«Вчера я Вам забыл известить о положении Закавказского войска. Ге: Лорис Меликов имея желание свои войска соединить из Генералом Тергукасовым в Ерзеруме будучи побиты в сражении Сованлы даг вернулся назад и одступил от Карса — как Г. Тергукасов в будучи в несколько сражении победен с потерою около семи тысячи в среду перешел границу — остались только вы в этой крепости по тому я обращаюсь к вам из чувством чисто человеческим чтоб вас избавить от очевидной потери и потому это известие вам посылаю как с тем и моего родственника ротмистра Даудова для словесного переговора и вашего забеспечения — еще раз советую вам напрасно не продолжайте времени и присылайте свои условия или каво нибудь для переговора.

*Генерал Лейтенант
Его Величества Султана Свиты Шамиль
25 Июня 1877. Баазыт».*

*(Антонов В. 23-х дневная оборона баязетской цитадели.
СП, 1879)*

Не обращая внимания на грамматику, хотя Гази-Магомед, много лет проживший в России, мог бы подготовить более грамотное письмо, но в нем никак не ощу-

щается свирепость, какой его так щедро наградили Валентин Пикуль и создатели фильма.

Вернемся к обороне цитадели Баязета.

Защитники Баязета не знали, что Главнокомандующий Анатолийской армией Мухтар-паша не на шутку рассвирепел оттого, что до сих пор над цитаделью развевается российский флаг. Узнав, что русские, на глазах многотысячного турецкого войска Фаик-паши, умудряются добывать воду и пьют даже трупную, он понял, что Баязет срочно надо штурмовать другими турецкими отрядами, не доверяя безответственному генералу Фаик-паше. Задача взять измором таких невероятно живучих русских уже не рассматривалась. Спешно осмысливалась операция уничтожения цитадели орудийным огнем, подобно Карфагену.

День 27 июня был последним, когда близились к концу осадные «шалости» медлительного и усталого от долгой военной службы генерала Фаик-паши.

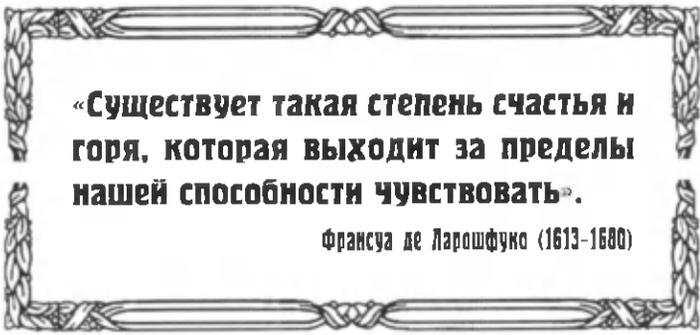
В свои 68 лет, Фаик-паша чрезмерно утомился от военной суеты. Ему было лень дергаться, чтобы овладеть Баязетом. Зачем? Чтобы вновь потом наступать или отступать? Фаик-паша давно не спешил отчаянно врезаться в гуцу противника и сполна отдаваться азарту схватки. У него появилась новая страсть — с какой-нибудь недостижимой ординой высоты, в полусонной дремоте, наблюдать за боем. Командование Анатолийской армии тоже устало терпеть вечно неповоротливого генерала Фаик-пашу. Осадой маленькой цитадели вплотную занялся сам главнокомандующий Гази-Ахмед-Мухтар-паша.

Сокрушительный, хотя очень запоздалый штурм Баязета отборными силами Анатолийской армии, совместно с кровожадными полчищами курдов и башибузуков, окончательно был намечен на 28 июня. В своей решимости Мухтар-паша был непреклонен.

Но не все удастся, как хотелось бы! Человек только полагает, а Господь Бог располагает.

**КОНЕЦ БЛОКАДЫ:
РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ**

«Существует такая степень счастья и горя, которая выходит за пределы нашей способности чувствовать».

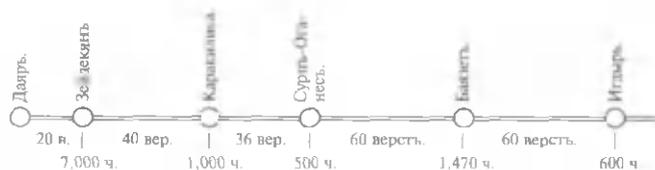
Франсуа де Ларошфуко (1613-1680)

Во второй половине июня Главнокомандующий Анатолийской Армией воспылил желанием разгромить отступающий Эриванский отряд и одновременно сурово расправиться с непокорным гарнизоном в цитадели Баязета. Помимо естественного желания противника победить, появилась еще и другая причина — отомстить.

Дело в том, что в середине июня командование Действующего корпуса приказало Тергукасову навязать туркам бой и, таким образом, отвлечь войска противника от операции при Карсе. Военная стратегия генерала Лорис-Меликова, ориентированная на штурм и взятие Карса, не учитывала интересы погибающего гарнизона Баязета. Но к этому времени победоносный Эриванский отряд генерала Тергукасова и устал, и ослабел.

Продвигаясь вперед в начале войны от Икдыра к Даяру, генерал Тергукасов оставил в тыловых гарнизонах, с учетом гарнизона Баязета, около половины своих войск и был уже не тем, когда пересек турецкую границу в начале войны. К Зейдекяну, что в 20 верстах от Даяра, Эриванский отряд подошел, имея скудный запас провизии, при численности около 7000 бойцов, в том числе больных и раненых. Против отряда Тергукасова Мухтар-паша направил 15-ти тысячное войско Алашкерского отряда под командованием Исмаила-Хакки-паши, генерал-губернатора Эрзерумского вилаета. Выполняя приказ командующего Действующим корпусом, Тергукасов 14 июня вступил в бой под Даяром, у селения Халиас, но проиграл его. Поредевшему отряду Тергука-

Направление наступления Эриванского отряда, расстояния между пунктами и количество войск в гарнизонах

сова угрожало уничтожение, и сладкие грезы Главнокомандующего Турецкой Армией Мухтар-паши могли стать явью.

Потерпев поражение от Алашкертского отряда, Эриванский отряд был вынужден отступать от Даяра к Сурп-Отанесу, едва сохраняя порядок и имея в своем составе до 600 раненых и больных. Боевые припасы и провиант в отряде катастрофически подходили к концу. Спасая от жестоких курдов и свирепых башибузуков мирных жителей, генерал Тергукасов берет под защиту около 2500 армянских семейств Алашкертской долины. Огромное число арб с переселенцами из безопасности двигались в начале отряда. Уход за больными и ранеными, потребность в отдыхе — все это также сдерживало отступление отряда и благоприятствовало туркам.

Решение взять под защиту мирное население резко изменило статус Эриванского отряда как боевого соединения. Неплохо организованный в начале войны Эриванский отряд, после ненужных растрат сил в наступательных действиях и потерь в бою при Халиасе, теперь стал походить на хорошо охраняемый огромный обоз, которому уже было не до Баязета. Речь шла о безопасности самого Эриванского отряда, с его необычным «живым грузом».

Время спасения гарнизона Баязета Эриванским отрядом было упущено. Теперь не могло быть об этом и речи. Жизнь гарнизона в цитадели измерялось уже не днями, а часами.

Зная единственный маршрут отхода Эриванского отряда по дороге на Диадин, командующий Анатолийской Армией приказал Фаик-паше срочно перекрыть дорогу отряду Тергукасова к перевалу Караван-сарай, около Диадина, нанести удар в его правый фланг и навязать Тергукасову невыгодный бой. Одновременно Фаик-паше была послана депеша:

«Ввиду незначительности сил в Эриванской губернии следует, насколько возможно, стараться проникнуть вглубь этой страны. Иррегулярные войска наши, благодаря их алчности к добыче, могут с успехом исполнить эту задачу».

Как же отреагировал Фаик-паша? Фаик-паша выделил около 2-х тысяч иррегулярной кавалерии, под командованием полковника Ахмет-бея (бывшего начальника гарнизона в Баязете), для нанесения флангового удара по отряду Тергукасова, но такому малочисленному войску вряд ли было справиться даже с ослабшим Эриванским отрядом.

Генерал Тергукасов понимал свое тяжелое положение и сознавал, что речь идет о жизни или смерти не только всего Эриванского отряда, с ранеными и больными, но и нескольких тысяч армян-переселенцев.

Фаик-паша, будучи нерешительным, судя по всему, отучил также и своих подчиненных немедленно реагировать на его приказы. Динамичный генерал Тергукасов 18 июня успел повернуть возле Диадина на Игдырь раньше, чем подошел туда отряд Ахмет-бея. Сам полковник Ахмет-бей, оценивая свои реальные силы, вряд ли спешил атаковать отряд Тергукасова. В том районе у турок были уже сосредоточены многотысячные войска. И, навязанная отряду Тергукасову малыми силами кавалерии Ахмет-бея, небольшая стычка, с прибытием подкрепления, переросла бы в опасное для Тергукасова сражение. Шансы на благополучный выход из этого сражения у отряда генерала Тергукасова были минимальные. Отряд Тергукасова, вместе с его обозом, Гази-Ахмет-паша приказал уничтожить. Но фортуна благоволила Тергукасову, и ему удалось уклониться от столкновения с турками, зато полковнику Ахмет-бею в ближайшем будущем придется по этому поводу давать пояснения самому генерал-прокурору.

Только 20 июня Эриванскому отряду удалось достигнуть Сурп-Оганеса, но турки планировали пересечь ему дорогу и здесь, у дефиле на подходе к каравансарайскому перевалу. 22 июня турецкие войска предприняли решительную попытку с двух сторон атаковать отряд Тергукасова и одновременно уничтожить обоз переселенцев. 22 июня, благодаря решительным действиям кавалерии генерала Амилохвари, атаку турок удалось отбить и в очередной раз спасти отряд, с обозом переселенцев, от уничтожения.

Оставив в стороне Баязет, ежечасно ожидавший спасителей, Эриванский отряд, точнее сказать, военизированный обоз, 23 июня вновь оказался там, откуда начал свой наступательный марш, в Игдыре.

После благополучного прибытия в Игдырь, тут же было решено готовить войско для освобождения российского гарнизона в цитадели Баязета. Для движения на Баязет, под начальством генерала Тергукасова, формировался уже совершенно новый отряд, хотя и с участием войск Эриванского отряда.

«В состав отряда вошли 28 рот пехоты (Крымско-го, Ставропольского и Александропольского пехотных полков), 3-й Кавказский стрелковый батальон, Саперная рота, 20 пеших и 4 конных орудий, четыре эскадрона 18-го Драгунского Переяславского полка и 15 казачьих сотен (Кавказского, 2-го Хоперского и 2-го Сунженского казачьих полков, сотня Екатеринодарского и Куртинский полк».

(«Русский Инвалид», № 224 от 14 октября 1877 года)

Таким образом, был сформирован представительный отряд, в составе 33 рот, 24 орудий, 19 эскадронов и сотен. Численность его в донесениях не указывалась, но можно полагать, что в отряде, для снятия блокады с Баязета, находилось около 8000 пехоты и кавалерии. Фактически организован отряд, по численности близкий к многоцелевому Эриванскому, но теперь лишь с одной задачей — снять блокаду с Баязетской цитадели.

Если после занятия Баязета в апреле 1877 года, для обеспечения безопасности во всем баязетском регионе, пожалели один, может быть, два батальона, то теперь же о безопасности жителей в окрестностях Баязета, Вана и Алашкерта и речи быть не могло. Важно было спасти сам гарнизон Баязета.

26 июня отряд выступил из Игдыря и к семи часам вечера 27 июня подошел к реке Балык-чай, что в 6 с половиною верстах от Баязета. На другой день с рассветом решено наступать на Баязет. К этому времени на соединение с отрядом уже прибыла колонна и генерала Келбали-хана Нахичеванского

Мухтар-паша заранее предполагал возможность попытки русских снять блокаду с Баязета. Алашкертскому и Ванскому отрядам был дан приказ не допустить отряд русских войск к Баязету. Главные силы отряда Фаик-паши в тот момент находились на расстоянии трех часов пути от Баязета.

Наступило 28 июня 1877 года. Этот день стал настоящим праздником для выживших баязетцев.

Операция по освобождению Баязета в исторических документах нередко именуется сражением. Между понятиями «бой» и «сражение» нет грани. Фактически небольшое, но регулярное войско, одухотворенное идеей выволить из беды своих погибающих братьев, оказалось лицом к лицу с собранными наспех иррегулярными отрядами, еще не подготовленными к лобовой смертельной схватке.

Как нередко бывает, здесь опять сыграл роль тот же Его Величество Случай. К моменту подхода к Баязету, Тергукасову противостоял многотысячный отряд иррегулярных войск генерал-майора Муниб-паши. Турецкое командование планировало усилить отряд Муниб-паши войсками Фаик-паши и Исмаила-паши, но Муниб-паша так и не дождался помощи. Ванский отряд Фаик-паши не только опоздал на несколько часов. Прибыв к Баязету, этот отряд вообще не принял участия в боевых действиях, оставшись лишь сторонним наблюдателем.

Начальник Алашкертской дивизии Исмаил-паша подошел к окрестностям Баязета с войсками только к концу боя 28 июня. Остановившись на расстоянии часа-двух от Баязета, он также не принял участия в бое.

Словом, Муниб-паша, как следует из донесений, не был готов к сражению. Плохо организованными иррегулярными силами ему не удалось преградить путь отряду Тергукасова. Несогласованность и оплошность в действиях турок, как никогда, благоприятствовали успеху Эриванского отряда. Тергукасов умело сманиврил и, опередив Муниб-пашу, 28 июня 1877 года оказался перед Баязетом.

Командующий Анатолийской армией Мухтар-паша рвал волосы на голове. Он, хотя и давал нужные коман-

ды, но получалось все наоборот. Главному виновнику всех неудач Анатолийской армии — дивизионному генералу Фаик-паше — Мухтар-паша такого сокрушительного промаха уже никогда не простит.

На подходе к Баязету начальник штаба Отряда полковник Филиппов обнаружил, что наиболее высокий (командующий) скалистый хребет, не был занят турками. Выход Эриванского отряда на эту выгодную позицию фактически и решил судьбу боя за Баязет.

Говорить о том, как проходил бой, когда истосковавшиеся обитатели цитадели, наконец, поверили в реальность освобождения, не стоит. Читатель нетерпеливо ждет развязки. Она наступила в четыре часа дня. Со скалистого гребня меткий и плотный огонь по туркам, засевшим в городе, обратил их бегство. Части русских войск, уже занимавшие город, перешли в наступление.

Гарнизон Баязета горел желанием принять участие в боевых действиях. На подступах к цитадели осажденные крымцы из 2-го Батальона увидели своих же — из 3-го Батальона. Еще несколько дней назад еле передвигающиеся «блокадники» почувствовали необычный прилив сил. Часть защитников Баязета пулей выскочила за ворота цитадели и, соединившись со стрелками из 3-го Крымского батальона, они отбросили противника от стен цитадели и даже захватили в плен 80 турок.

Овладев неприятельскими батареями, войска Тергукасова преследовали турок до перевала, где был захвачен лагерь со всеми запасами и награбленным имуществом жителей города Баязета. Живых там уже не было.

Турки уже успели отступить, а в четыре часа дня к Баязету подступил многотысячный отряд Фаик-паши, которому приказано было преградить путь Эриванскому отряду и не допустить его к Баязету. Почему отряд Фаик-паши прибыл с опозданием к Баязету? Почему Фаик-паша, взирая на русские войска, находился в качестве любопытствующего наблюдателя и не ввязался в бой? Об этом нет сведений ни в одном русском источнике. На эти вопросы ответит сам Фаик-паша, и не на какой-нибудь пышной торжественной церемонии, а в зале турецкого Военного суда, в Константинополе. Там

он предстанет уже не как важный и бывалый генерал, которому Портой поручено довести Ванско-Баязетский отряд до 60 тысяч воинов, а как арестованный за военные преступления.

Плененные Фаик-пашой русские солдаты, бок о бок с турецкими генералами, на судебном процессе будут давать свидетельские показания, дабы подтвердить очевидную вину этого проитрафившегося генерала. И это не фальшь — это быль.

Итак, благодаря умелым действиям генерала Тергукасова и вверенных ему войск, промахам противника и вновь счастливому стечению обстоятельств в пользу России, турецкое войско было повержено и отброшено от Баязета с минимальными для отряда Тергукасова потерями: погибло 2, ранены 21 человек. У противника зафиксировано значительное число убитых и раненых, взято в плен 60 турок. И хотя потери с турецкой стороны были намного большими, с точки зрения военного искусства, это была схватка не на равных.

Турки планировали, что в операции под Баязетом примут участие три крупных отряда, реально же Эриванскому отряду с регулярными войсками противостоял один отряд Муниб-паши, укомплектованный исключительно иррегулярниками. Чтобы отвлечь внимание от истинных причин «Баязетского сидения» в печати того времени с преувеличением описывались боевые события 28 июня при освобождении гарнизона цитадели. (Почти через пять месяцев, под Карсом 11 ноября 1877 года произойдет действительно крупное сражение. С нашей стороны погибнут 1 генерал, 17 офицеров, 470 нижних чинов, будут ранены 1 генерал, 58 офицеров и 1726 нижних чинов. Потери турок — до 3 тысяч, взято в плен 17 тысяч, включая 5 генералов и 800 офицеров).

Ворота крепости для освободителей были распахнуты около 5 часов вечера. Обнимаясь со своими собратьями, кто молился, а кто рыдал, из цитадели медленно выходили изможденные осажденные.

Еще Баязет не был окончательно занят, как к госпоже Ковалевской один за другим пожаловали военна-

Общий вид города Баязет и цитадели

чальники, с соболезованием по поводу гибели мужа и восхищения ее невероятным мужеством. Но Александра Ефимовна почти не слышала их, настолько она была обессиленной. Ее бережно вывели под руки.

Генерал Гейнс засвидетельствовал, что среди первых пришедших к Ковалевской был Келбали-хан Нахичеванский. После проявления особого уважения к ней, он предложил Александре Ефимовне лошадь, но ослабевшая Ковалевская не решилась сидеть на лошади. Навстречу освободителям она шла, поддерживаемая генералом Келбали-ханом Нахичеванским.

Встретивший Александру Ефимовну начальник Эриванского отряда генерал Тергукасов публично поцеловал ей руку, поздравил с освобождением, постарался успокоить обессиленную страдающими и горем вдову.

Все офицеры низко поклонились этой восхитительной женщине.

Во время 23-дневной осады цитадели потери составляли: убитыми и ранеными 9 офицеров и 473 воина из нижних чинов.

29 июня отряд Тергукасова, покидая Баязет с защитниками крепости и направляясь в Игдыр, проходил мар-

шем Карабулак, мимо Алашкертской дивизии, но Исмаил-папа не предпринял даже попытки освободить хотя бы своих пленных и вернуть отнятые орудия.

Несколькими днями позже, в Игдыре, где находилась штаб-квартира Эриванского отряда, при прохождении на параде еще исхудавших и ослабших защитников Баязета. Главнокомандующий Кавказской Армией Великий Князь Михаил Николаевич приказал всему Эриванскому отряду взять «на караул» и преклонить знамена. Войскам зачитали приказ:

Приказ по Кавказской Армии
и Кавказскому Военному Округу
Июля 5-го дня 1877, в Игдыре

Именем Государя Императора объявляю вам, войска Эриванского отряда, Царское спасибо, за вашу доблестную, молодецкую службу, за ваши подвиги, за новую славу, которой покрыли вы ваши знамена.

Сражение на высотах Драм-Дага и под Даяром, геройскую оборону Баязетского гарнизона и спасение нескольких тысяч несчастных христиан Турции, искавших в ваших рядах защиты от неистовств диких куртинских племен, — история занесет на свои страницы и с ними передаст памяти и примеру потомства имена ваши и вашего достойного предводителя.

Ура Эриванскому отряду! Ура вождю Его, генералу Тергукасову!

Подлинный подписал Главнокомандующий,
Генерал-Фельдцейхместер **Михаил**
(«Русский Инвалид», № 161 от 21 июля 1877)

Успешное освобождение гарнизона Баязета, разумеется, являлось крупным военным событием, но «ура вождю Его, генералу Тергукасову!» прокричали без учета печальных итогов наступательного марафона Эриванского отряда. История не лукавит, но не гарантирует от лукавства историков или разных влиятельных персон, кто расфасовывает исторические результаты в угоду политической конъюнктуре.

Главнокомандующий
Кавказской Армией
Великий Князь
Михаил Николаевич

Итак, освободив от-
важных защитников Ба-
язета, русские войска
вновь оказались в Игды-
ре, штаб-квартире Эри-
ванского отряда. Были
потрачены немалые го-
сударственные средства,
погибло множество лю-
дей и еще больше ока-
зались увечными, могли
быть уничтожены и за-
щитники Баязета, а Бая-
зет вновь стал турецким.

Лишь годы спустя, ко-
гда страсти улеглись и
Баязетская трагедия стала
страницей истории, в пе-
чати стали появляться пуб-

ликации о неготовности цитадели к осаде. Упреки, правда, адресовались не к коменданту Баязета Штоквичу, а к защитникам вообще. В главном военном журнале было выражено мнение Генерального штаба России:

*«Нет никакого сомнения, что если бы славные за-
щитники цитадели были предусмотрительны, то и
осада вышла бы для них легче, лишений было бы мень-
ше, и мы избежали бы многих лишних затрат».*

(Эриванский отряд в кампанию 1877—1878.

«Военный Сборник» № 6, 1888, с. 265.)

Все это, между тем, только полуправда, хотя полу-
правда может оказаться опасней лжи. И дело даже не в
том, что официальные источники России скрыли ис-
тинных виновников баязетской трагедии и все списа-
ли на осажденных. Действительно, гарнизон Баязета спа-
сен, и всеобщая радость заслонила беспельные и боль-
шие там потери. Но гарнизон Баязета, как и другие гар-
низоны в тылу Эриванского отряда, не призван был
обороняться, а, наоборот, — защищать мирных христи-
ан-армян на всей занятой территории. Репортер бри-

танской «Times» Норманн раскрыл печальные последствия увлечения Эриванского отряда наступательными действиями — истребление в его тылу жителей христианского вероисповедания.

Оттоманское правительство, по утверждению Норманна. *«делая поблажку злодеям — курдам...»*, вступившим в ряды Анатолийской армии, не учло их страсть к грабегам и кровавым расправам с армянским населением. При наступлении Эриванского отряда вглубь Турецкой Азии предусматривалось обеспечение безопасности армянского населения в провинции Ван, Алашкертской долине и Баязетском санджаке. Не выполнив плановые охранные функции, Эриванский отряд не воспрепятствовал опустошению курдами территорий проживания армянского населения. Вот впечатления англичан только о Баязете:

По свидетельству двух английских офицеров, посетивших Баязет после того, как русские его оставили, *«город представлял груды развалин, а улицы буквально усеяны трупами мирных обывателей, вырезанных курдами. Потребовалось шесть дней для погребения тел. Мухтар-паша заявил англичанам, что он непременно расстреляет главных зачинщиков резни и сверх того прикажет обезоружить и разослать по домам 8000 курдов, стоявших в Хайдеранлы. Для примера, Мухтар-паша велел даже повесить черкеса, убившего христианина. Вожди этого племени грозились уйти домой, если черкес будет повешен, но Мухтар-паша настоял на своем, и в ту же ночь 1100 человек иррегулярной кавалерии дезертировали»*.

Когда речь шла об освобождении Баязета, этот кровавый факт в российской печати не освещался. Делался лишь акцент на умело проведенное сражение Эриванского отряда и освобождение гарнизона Баязета от осады. Но не следует забывать, что гарнизон был спасен от полного уничтожения, прежде всего, благодаря просчетам турецкого командования. Что же касается жестокой расправы курдов с армянским населением, то это был тяжелейший просчет Эриванского отряда. Баязетский гарнизон, будучи укрепленным, как этого

требовали условия войны и уроки истории, как предусматривали и цели действия Эриванского отряда, никогда бы не допустил этой кровавой резни.

И еще одно следствие, умалчиваемое в военных донесениях об итогах действий Эриванского отряда. Бой у Баязета 28 июня — внеплановая, вынужденная и рискованная операция, которую можно было избежать. К счастью, операция эта была проведена, как указывалось, в достаточно благоприятных условиях, когда войска двух турецких отрядов (Ванского и Алашкертского) не прибыли в установленные сроки к Баязету для оказания помощи иррегулярному отряду Муниб-паши. Будь расторопнее и без преступной халатности турецкое командование упомянутых двух отрядов, Эриванский отряд не был бы допущен к цитадели и принял бы неравный бой на подступах к Баязету. На это рассчитывало главное командование турок, но планы их, к счастью, были сорваны самими турками и без какого-либо участия Тергукасова. Случись обратное, тогда, вместе с армянским населением Алашкерта, Баязета и Вана, заодно был бы вырезан и весь гарнизон цитадели.

Наша святая обязанность — засвидетельствовать для истории эту затемненную и сокрытую правду.

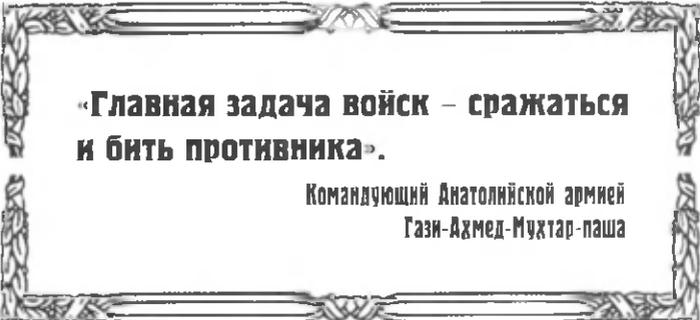
Важнейший военно-политический итог Баязетского сидения — отвлечение маленьким гарнизоном цитадели крупных сил турок, предотвратившее нападение на Эриванскую губернию, ограждение ее от грабежей и истребления мирного населения.

Не будь Баязета и всех тех счастливых обстоятельств, включая просчеты турок, которые, кстати, никак не понять здравым умом, турецкая армия имела бы неплохие шансы проникнуть в Армению, а далее в Грузию, Азербайджан и вообще на Кавказ.

Спасая свою репутацию и честь Порты, командующий турецкой Анатолийской армией Гази-Ахмед-Мухтар-паша отдает под военный трибунал генерала Фаик-пашу.

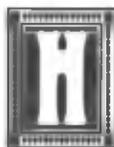

**«СПАСИТЕЛЯ» БАЯЗЕТА
ГЕНЕРАЛА ФАИК-ПАШУ —
ПОД ВОЕННЫЙ
ТРИБУНАЛ**

**«Главная задача войск – сражаться
и бить противника».**

Командующий Анатолийской армией
Гази-Ахмед-Мухтар-паша

АШ ВЗГЛЯД НА СУДЕБНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ПРОЦЕССУ ГЕНЕРАЛА ФАИК-ПАШИ

Без оценки событий вокруг Баязета и его цитадели турецким главным командованием, наше повествование вряд ли бы было полным и объективным. Материалы о процессе дивизионного генерала Фаика-паши, начальника Ванского и Баязетского отрядов Анатолийской армии, отражают видение баязетской эпопеи турецким главным командованием, то есть взгляд на эти события глазами противника.

Удивительно, что турецкое командование так блестяще владело сведениями о численности русских войск, о структуре русских отрядов, о времени и направлении их движения. В официальных военных сводках, вышедших из Генерального штаба Российской Армии, имелись некоторые разночтения, и требовалось проверять и перепроверять отдельные сведения и факты. К примеру, подробности победного сражения турок 14 июня с Эриванским отрядом при Даяре можно было и не узнать из опубликованных российских источников, даже из такого авторитетного, как главный журнал Военного министерства — «Военный Сборник». Из материалов же турецкого суда четко просматривается вся цепочка событий, включая и поражения, и успешные действия войск всех сторон. В материалах процесса обстоятельно и правдиво изложены события и оценка турецкими специалистами катастрофического броска подполковника Пацевича 6 июня 1877 года.

Конечно, чрезвычайно интересно узнать подробности действий турецких войск при попытке не допустить освобождение Баязета отрядом генерала Тергукасова. Материалы турецкого Военного суда поражают четкостью изложения и точностью сведений, независимо от того, о каких сведениях идет речь, российско-го происхождения или турецкого. Располагая таким ин-

формационным богатством, нетрудно взглянуть на всю эпопею взятия, обороны и освобождения Баязета со стороны противника, то есть оценить происшедшие события с позиции главного командования Анатолийской Армии.

Материалы судебного процесса генерала Фаик-паши приводятся с некоторыми сокращениями, но без редактирования публикуемого текста.

Ахмет-Фаик-паша родился в 1809 году. В 1827 году он поступил на военную службу рядовым в 1-ый Батальон, 1-го Полка 1-го Корпуса Императорской армии. В 1832 году он зачислен ефрейтором в 1-ый Батальон 2-го Полка 1-го Корпуса Императорской армии. В следующем году назначен фельдфебелем в 3-ий Батальон того же Полка, того же Корпуса. В 1837 году Фаик-паша поступил в Военную школу, а в 1838 году командирован в Вену с целью усовершенствования военного образования. Три года спустя, в 1841 году он с успехом сдал экзамен по Уставам пехотной и кавалерийской службы и произведен в чин штабс-капитана.

В 1843 году он возвратился в Константинополь, и в 1847 году произведен в чин майора генерального штаба, в 1852 году – в чин подполковника, в 1853 году – в чин полковника, а в 1863 году – в Бригадные генералы 3-го Корпуса и вскоре назначен Начальником штаба того же корпуса.

Произведенный в 1866 году в Дивизионные генералы, Фаик-Паша был назначен начальником войск в Герцеговине и Боснии, временно командовал войсками Битольского вилайета, был назначен членом Барышура (Военного совета сераскеров). В том же году, после командования войсками в Янине, Превезе и Нише, Фаик-паша был назначен Начальником штаба 4-го Корпуса.

Ахмет-Фаик-паша участвовал в следующих походах.

В 1831 году – в Нижском походе; в 1847 году – в Авлонии и в Виране (Албании) во время восстания в этих местностях, в 1848 году – против соединенных

княжеств, в период их восстания. Во время событий в Дамаске в 1861 году на Фаик-пашу было возложено поручение реорганизовать в Гебели Аджлунский округ. В 1853 году Фаик-паша находился в должности Начальника штаба Анатолийского корпуса Императорской армии.

Во время экспедиции в Грузию в Восточную войну (1853-1856), состоял при Совете Корпуса и, наконец, в 1877 году, во время Русско-Турецкой войны, Фаик-паша командовал Ванским и Баязетским отрядами.

Награжден орденами Меджидиэ и Османлиэ 3-й степени.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ АНАТОЛИЙСКОГО ВОЕННОГО СУДА

Настоящий военный суд, согласно султанскому ираде, был учрежден над теми начальниками и офицерами, которые дурным распоряжением и своими ошибками явились причиной важных неудач наших армий, и для определения степени заслуженного ими законного наказания. Дивизионный генерал Ахмет-Фаик-Паша, начальник над Ванскими и Баязетскими войсками, находясь в категории военных начальников, которые благодаря своим ошибкам, навлекли важные неудачи на нашу армию, был арестован, а бригадный генерал генерального штаба Абид-паша, исполняющий должность военного прокурора, немедленно приступил к допросу Фаик-паши и предъявил ему обвинения.

Показания последнего, внесенные в особый протокол, были представлены военному министру военным прокурором настоящего суда, дивизионным генералом Вагид-пашою. Вслед за этим, был представлен в суд обвинительный акт, заключающий четыре пункта, на основании которых обвиняемый был судим.

Из этого первого обвинительного акта, из ответов Фаик-паши на предложенные ему во время судебного следствия вопросы, и из рапорта, представленного Фаик-пашой в военный суд, в ответ на второй обвинитель-

ный акт, составленный военным прокурором, и наконец на основании доказательств и заключений из этих документов могла быть определена степень ответственности этого начальника.

Пункт I. По объявлению нам Россией войны, около середины апреля месяца 1877 г. (1293 г.), генерал Тергукасов, с 12 батальонами пехоты, 4-мя полками кавалерии и 32 орудиями, перешел границу около Баязета и направился в этот город. Отряд наш, занимавший Баязет, под начальством Ахмед-бея и состоявший всего из двух батальонов пехоты, двух эскадронов кавалерии и одной полевой батареи, отряженных от войск Ванского отряда, не был в силах задержать наступление неприятеля и отошел, согласно приказанию, в Баргири, к стороне Вана.

Таким образом, русские без выстрела заняли Баязет, в котором оставили один батальон с частью кавалерии. Остальные войска их продолжали наступать по большой дороге на Эрзерум. Образовав во время этого движения в Диадине, Юч-Килисе и в других пунктах несколько складов боевых и продовольственных запасов и оставив для обеспечения их небольшие отряды — сто или полтораста человек (смотря по важности), они с необычайной быстротою наступали все дальше по направлению равнин Алашкерта.

С целью остановить движение неприятеля и принудить его к отступлению было признано необходимым снова занять Баязет и тем отрезать ему путь к отступлению. Задача эта могла быть исполнена лишь войсками Ванского отряда, занимавшим обеспеченное со всех сторон расположение.

Главкомандующий 23 апреля 1877 года (1293) возложил исполнение этой задачи на Фаик-пашу, начальника Ванского отряда, под начальство которого ежедневно поступали новые силы. 24 апреля Фаик-паша донес Главкомандующему телеграммою, что предполагает поручить бригадному генералу Мехмет-Муниб-паше, занятому в это время формированием подходящих частей войск и отправкою продовольствия, двинуться со 2-м и 3-м батальонами ванского резерва на

присоединение к баязетским батальонам, отступившим к Баргири. Другой телеграммой от 1-го мая 1877 г. (1293) он доносил главнокомандующему, что только что выслал один батальон в селение Баязет-Ага, находящееся на расстоянии 4—5 часов от Баргири. С остальными частями он намеревался выступить к Баязету.

Если бы Фаик-паша без потери времени двинулся с вверенным ему отрядом на Баязет и с желаемою быстротою, то последний легко мог быть взят обратно у неприятеля, занимавшего его незначительными силами. Отряд Тергукасова, которому угрожала потеря пути отступления, по всем вероятностям, отошел бы за границу.

Пункт II. За два дня до прибытия Ванского отряда в Тепериз, часть находившихся здесь придаточных войск отправилась в Баязет, где разграбив имущество и скот жителей города и близ лежавших деревень, снова возвратилась в Тепериз. С целью отбить угнанный скот, небольшой отряд русских вышел из Баязета 6-го июня, то есть на другой день после прибытия турецкого отряда в Тепериз, и утром того же дня достиг местности *Индже-Су*, находящейся в получасовом расстоянии от Тепериза. Неприятельский отряд вступил здесь в дело с придаточными войсками, находившимися на правом фланге расположения Ванского отряда, не подозревая присутствия всего отряда, прибывшего сюда лишь 24 часа тому назад. Неожиданное появление двух рот пехоты и двух эскадронов кавалерии с несколькими орудиями заставило их обратиться в бегство. Наши солдаты преследовали и перебили значительное число их. Остальные скрылись в оборонительных казармах Баязета (так

Главнокомандующий
Анатолийской Армией
Гази-Ахмед-Мухтар-паша

именуется в материалах Военного суда цитадель в Баязете. *Р.И.*).

Во время отступления русских, преследуемых нашей кавалерией и придаточными войсками *Шейх-Джелал-Эддин-эфенди*, начальник иррегулярных войск, предложил майору *Мегмету-Аге* перейти в наступление остальными батальонами, на что последний не согласился, объявив, что отрядный начальник уже отдал приказание для преследования неприятеля. Следует заметить, так как главная цель командовавшего отрядом заключалась в том, чтобы угрожать сообщениям отряду Тергукасова, то необходимо было всему отряду участвовать в преследовании бежавших к Баязету русских и овладеть этим городом. Тогда русский отряд, понесший большие потери при отступлении, при виде наступления всего нашего отряда на Баязет, скоро убедился бы в невозможности удерживаться в оборонительных казармах и положил бы оружие.

Итак, Фаик-паша не воспользовался расстройством неприятеля для наступления, пропустил удобнейшее для этого время и упустил благоприятную минуту. Все это заключает в себе нарушение возложенной на него задачи и составляет ошибку.

Пункт III. Фаик-паша, телеграммой от 6 июня 1877 года (1293 г.), доносил Главнокомандующему, что, по случаю некоторых затруднений, явившихся вследствие дела у *Индже-Су*, он решился не двигаться в этот день вверенным ему отрядом на Баязет, но что на следующий день лично поведет туда все находящиеся под его начальством войска. Однако же он почему-то не решился действовать согласно этому донесению и, выделив лишь два батальона с тремя орудиями, направил только их к вышепозванному месту. С остальной частью отряда он не покидал занятого им расположения у Тепериза до 28 июня, то есть до того дня, когда русские, появившись в достаточных силах перед Баязетом, сняли блокаду и отняли у нас три полевых орудия.

Разделить отряд на две неравные части, выслать одну на Баязет и удержать наибольшую у Тепериза — значило сделать ошибку против начал тактики, ибо непри-

ятель, настигнув часть, находящуюся вне возможности быть во-время поддержанной, мог уничтожить ее и затем, направившись на другую, также разбить ее. Вот единственная причина нашей неудачи в этот день под Баязетом.

Мы сделали запрос Фаик-паше, какие причины воспрепятствовали ему двинуть весь отряд на Баязет немедленно после дела у Индже-Су или не позднее следующего дня? Он отвечал, что, не сделав предварительной рекогносцировки местности, не осмелился преследовать разбитого у Индже-Су неприятеля в тот же день, но на следующий день он направил два батальона к Баязету и если удержал в Теперизе остальные свои силы, то это было сделано с целью обеспечения пути отступления отряда.

Доводы эти совсем не убедительны, так как все батальоны отряда, во время дела у Индже-Су, по всему вероятию, были под ружьем и в полной готовности к наступлению. Дело окончилось еще утром; местность между Батарисе и Баязетом не представляла неудобств для движения войск; наконец, как было уже сказано выше, стоявшие в Баязете гарнизоном батальоны, несомненно, имели офицеров, знавших эту местность, под руководством которых было бы весьма легко направить войска к Баязету.

Следовательно, с этого же дня надо было начать движение. К Баязету с одной стороны подходила граница нейтральной Персии, с другой — примыкал Ванский вилайет, с третьей проходила большая Эрзерумская дорога, и только со стороны Каракулакской дороги оставался открытый доступ к нему из России. Русские имели возможность лишь с этой одной стороны подойти к Баязету, почему приведенные Фаик-пашой причины о необходимости обеспечения своего пути отступления не на чем не основаны, грустные последствия сосредоточения у Тепериза без всякой надобности большей части отряда, неминуемо должны были отозваться на нашей армии.

Пункт IV. Для генерала, которому правила осадной войны известны, было обязательно предложить непри-

ятелю, засевшему в Баязете и укrywшемуся в его оборонительных казармах, сдаться, а в случае сопротивления — уничтожить. Фаик-паша не пожелал выполнить это правило. Осажденные более всего страдали от недостатка в воде, которую они добывали не иначе, как извне. Следовало не допускать противника пользоваться водой. Между тем, осажденные, устроив ход за казармою, высылали каждую ночь по 20 человек без оружия за водою, и по 20 вооруженных — для охраны и таким образом, никогда не имели недостатка в воде. Свободным выходом в поле осажденные пользовались и для сообщения с главным отрядом. Захваченные однажды 4 человека в плен из конвоировавших транспорт с водою, перед отправлением в Константинополь, показали, что гарнизон уведомил своего отрядного начальника о твердой решимости, в ожиданий подкреплений, держаться до последней крайности. Два из них получили приказание передать о том письменное донесение.

Судя по этим обстоятельствам, следует признать, что правила осадной войны не были соблюдены нашим отрядным начальником. Кроме того, столь упорное сопротивление горсти людей против целого отряда, не бывшего в состоянии раздавить осажденных, не делает ему чести.

Пока осажденные в Баязете не сдались, неприятель не мог упускать из вида этого города и, без сомнения, должен был появиться в достаточных силах для его освобождения. Фаик-паша обязан был двинуться со всеми своими силами, с целью взять в плен русский гарнизон или избавиться от гарнизона каким-либо другим способом.

Итак, не исполнение данных Фаик-паше приказаний и указаний имело последствием потерю Баязета.

Пункт V. Чтобы воспрепятствовать наступательному движению Тергукасова, взявшего без выстрела Баязет и двигавшегося по Алашкертской долине, угрозою отрезать путь его отступления в тылу, главнокомандующий двумя телеграммами от 5 июня предписывал Фаик-паше уничтожить устроенную неприятелем телеграфную линию, атаковать двигавшиеся к нему подкрепле-

ния и уничтожить продовольственные транспорты. Эти приказания не были исполнены.

14 июня, Тергукасов, потерпев поражение при Халиасе, начал отступать, преследуемый нашим Алашкертским отрядом. Русский отряд не имел другого пути отступления, как по большой дороге на Баязет. Отсюда было необходимо не только угрожать в тылу Тергукасова, но даже выслать часть иррегулярных войск в Эриванскую провинцию для возбуждения жителей к восстанию и производства в ней такого переполоха, который бы помешал высылке к Баязету свежих подкреплений. Если бы все войска, сосредоточенные в Теперизе, были бы немедленно направлены на Диадин, на путь отступления неприятеля, то этот последний, попавшись между двух огней, был бы или совершенно уничтожен, или, по меньшей мере, понес бы такое поражение, которое заставило бы его сдаться. Но и этого не было исполнено Фаик-пашой, который, таким образом, снова упустил удобную минуту.

Между тем, Фаик-паша в письме своем к главнокомандующему от 8 августа старается объяснить причину неисполнения его предписания от 18 июня чувством преданности и добросовестного отношения к службе, не позволившим ему исполнить предписания, коих невыгоды он заранее мог предвидеть. В ответ на сделанный ему по этому предмету запрос, Фаик-паша отвечал, что, признавая возможным исполнить лишь часть предписания от 14 июня, он направил на Ипек-Гедик отряд иррегулярной кавалерии под начальством полковника Ахмед-бея; что же касается неудобоисполнимости остальной части вышеупомянутого предписания, то он сообщал уже о том главнокомандующему.

Пункт VI. 27 июня 1877 года бригадный генерал Мехмед-Муниб-паша из под Баязета отправил начальнику Ванского отряда, находившемуся в Теперизе, в трех часах от Баязета, одно за другим два донесения, в коих сообщал, что неприятельский отряд из 8 батальонов пехоты и 2 полков кавалерии, переступил границу близ Каракулах-Гедика и движется на выручку осажденных. Имея в своем распоряжении лишь три или

четыре батальона пехоты с тремя или четырьмя орудиями, Муниб-паша просил Фаик-пашу прислать ему подкрепление с рассветом. Одновременно с этим, Муниб-паша известил и Измаил-Хакки-пашу, начальника Алапкертского отряда, о переходе русскими границу близ Каракулаха.

Измаил-паша, узнав от лазутчиков о движении русского отряда на помощь осажденному Баязету, со своей стороны особым сообщением от 27 июня извещал об этом Фаик-пашу, настаивая на том, чтобы регулярные войска, находившиеся в Теперизе, немедленно были направлены к Баязету, где предвиделась атака русских на 28 июня.

Таким образом, можно было надеяться, что Мехмет-Муниб-паша будет поддержан нашими войсками, стоявшими в Теперизе и Ипек-Гедике. Между тем, 28 июня в 11 часов утра (по турецкому времени) Мехмет-Муниб-паша вступил в бой с русским отрядом. Фаик-паши лишь в 4 часа с двумя батальонами двинулся ему на помощь, но подойдя к Базету, ограничился построением боевого порядка, в чем и заключалось все его содействие в этом деле. Обстоятельство это было сообщено нам Гассан-пашой, Ванским генерал-губернатором, находившимся в этот день на месте военных действий.

Несвоевременная помощь Баязетскому отряду, оказанная войсками из Тепериза и Ипек-Гедика, имела последствием освобождение русскими Баязета от нашей блокады, причем мы потеряли одну роту пленными и лишились трех полевых орудий.

ПОКАЗАНИЯ РУССКИХ ПЛЕННЫХ И ТУРЕЦКОГО ВОЕНАЧАЛЬНИКА

Именующиеся **Сергей Фадеев, Павел Тимофеев, Петр и Хабори** находились в числе осажденных, были захвачены в плен и отправлены в Константинополь, где вызваны в военный суд.

На допросе русский солдат Сергей Фадеев показал, что вместе с другими укрылся в казарму, двери кото-

рой были завалены камнями, а окна обращены в бойницы. Воды было на три дня, и когда она кончилась, был устроен особый выход, через который ночью по 4 человека от каждой роты ходили с ведрами за водой. Прикрытием этим людям служил конвой в 20 человек, каждый раз поочередно назначаемых от рот. Таким образом, русский отряд снабжался водой. Турецкая артиллерия, правда, стреляла по казарме, но без всякого результата, во все время вышибив лишь два камня.

Ружейный огонь турок, направленный в амбразуры казармы, также не причинял никакого вреда, и только выстрелы, направленные в тыл казармы, поражали людей, ходивших по двору. Он, Сергей Фадеев, оставался в казарме 18 дней, когда был взят в плен. Вместе с ним были захвачены еще пять человек, также высланные за водой.

Русский солдат **Павел Тимофеев** дал следующие показания:

Только что русский отряд занял казарму, офицеры приказали немедленно наполнить водой все свободные посуды. Вскоре потом воды в казарме не оказалось. Тогда приступили к устройству прохода в стене и удобного сообщения с местом, где была вода. Работа продолжалась около недели, но не доведена до конца, то есть до источника, потому что несколько человек из рабочих были взяты в плен. Сообщение было сделано шагов на 60, далее же ходили открыто. Он, Павел, ходил таким образом три раза, на четвертый же попался в плен. 20 человек из осажденного отряда назначались обыкновенно для этой работы, а 20 других, при оружии, охраняли их. Три ставились часовыми для наблюдения, остальные же сопровождали команду с водой. С целью просить подкрепления, были посланы к главным силам один казак и армянин из иррегулярных войск.

Военнопленные **Петр и Хабори** подтвердили показания вышеназванных людей, прибавив, что человек 20 из отряда пытались произвести вылазку, для чего разобрали заложный выход в казармы, но потеряв более

половины убитыми, они были принуждены укрыться в казармы, завалив снова выход.

Заявления и показания бригадного генерала **Шагин-паши**, лично видевшего отступление русских из Баязета, равно и падение этой крепости, и затем осматривавшего, совместно с Фаик-пашой, оборонительную казарму этого города.

Город Баязет находится в чрезвычайно выгодных условиях для обороны, так как он окружен долинами и холмами, в особенности со стороны Зенгизара, где он окаймлен скалистыми, утесистыми возвышенностями и трудно проходимым горным хребтом. Тем не менее, однако же, прилегающая к самой крепости местность, будучи совершенно плоскою, не может быть оборонена малым числом войск. Так, например, если бы неприятель атаковал с девятью батальонами, то потребовалось бы восемь — для обороны.

При защите Баязета необходимо владеть Зенгизарским проходом, имеющим большое стратегическое значение, будучи естественным выходом для неприятеля, наступающего на Баязет. Ввиду этого следовало выдвинуть три из имевшихся восьми батальонов на позицию к западу от выхода из этого дефиле, поддержав их двумя батальонами, которые расположились бы к юго-западу от этой позиции. Остальные три батальона стояли бы на восточной стороне дефиле за Зенгизаром.

Он, Шагин-паша, в то время предлагал эту меру.

Тогда военный суд запросил его, считает ли он совокупные силы Ванского и Баязетского отряда достаточным для отражения противника, подошедшего для освобождения осажденного в казарме отряда. Шагин-паша не мог дать положительного ответа, так как для этого необходимо было бы знать силу русского подкрепления, которая ему была неизвестна...

После обвинительного заключения генерал-прокурора, которое, по мнению обвиняемого, ничем не подкрепляется, подсудимому генералу Ахмет-Фаик-паше 1 сентября 1878 года (1294 г.) предоставлено последнее слово.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ ПОСЛЕДНЕГО СЛОВА ГЕНЕРАЛА ФАИК-ПАШИ

Излишне говорить, что я нахожусь теперь перед судом только за поражение под Баязетом. Но его превосходительство, генерал-прокурор, не имея возможности представить веских против меня обвинений по этому делу, поставил ряд вопросов по поводу всех моих действий со времени выступления из Вана до прибытия в Баязет. Эти вопросные пункты были началом производившегося дела. Будучи бессилён в главном обвинении, его превосходительство с замечательной несправедливостью стремится возвести на меня разные второстепенные обвинения. Если бы в моих распоряжениях за время до Баязетского сражения были ошибки, то несомненно, что его превосходительство главнокомандующий устранил бы меня от командования. Наконец, обвинения его превосходительства генерал-прокурора не подкрепляются ничем.

Ссылаясь на чувство справедливости Императорского правительства, я прошу его подробно рассмотреть мои опровержения в защиту прав, приобретенных долголетнею службою.

Взываю к высокому чувству справедливости Его Императорского Величества Султана.

Дивизионный генерал Фаик
1 сентября 1878 года

ПРИГОВОР ВОЕННОГО СУДА

Из рассмотрения и обсуждения подробно изложенных выше поступков Фаик-паши по действию с вверенными ему войсками, Военный суд приступает к рассмотрению обвинений по следующим четырем пунктам:

1) Что пространство от Вана до Тепериза в 6 дней пути он прошел в 30 дней, не исполняя при этом особых инструкций и распоряжений Гази-Ахмед-Мухтар-паши.

2) На другой день (6 июня. Прим РИ.), по прибытии Фаик-паши с отрядом в Тепериз, иррегулярные войска, усиленные двумя эскадронами кавалерии, разбили и обратили в бегство русский отряд у Индже-Су, то есть в 1,5 или 1,75 расстояния от нашего лагеря. Фаик-паша, в противоположность своей важнейшей обязанности, не воспользовался этим преимуществом и не отправил регулярную пехоту преследовать неприятеля, дабы овладеть Баязетом.

3) После поражения у Индже-Су неприятель укрепился в баязетском замке, а Фаик-паша, в противоположность данных ему Гази-Мухтар-пашой точных и категорических приказаний направиться самому со всеми силами к Баязету, осадить неприятеля и принудить его к сдаче, ограничился командированием туда двух батальонов пехоты при трех горных орудиях под начальством генерал-майора Муниб-паши. Вследствие сего, русские войска, подойдя 28 июня к Баязету в достаточных силах, освободили осажденных и взяли в плен две наши роты, овладев и тремя горными орудиями.

4) Генерал-майор Муниб-паша, донося обвиняемому, что 27 июня русские, наступавшие со стороны Карабулака-Гедык, показались в окрестностях Зангизара, просил его прислать в Баязет к рассвету следующего дня иррегулярные войска для занятия высот по обе стороны Зангизарской долины. Письмо это получено было в тот же день, то есть 27 июня в 10 часов вечера. Вместо того, чтобы немедленно отправить иррегулярные войска и даже самому со всеми наличными силами направиться к Баязету для занятия этой весьма важной позиции, подсудимый, выступив из Тепериза после 6 часов утра и прибыв к Баязету, когда русские уже вошли в Зангезарскую долину, не принимал действительного участия в бою, начавшейся атакой русских.

Военный суд вошел в подробное рассмотрение этого дела для определения, какое из сих действий представляется наиболее важным, в какой степени подсудимый ответственен в них перед Военным судом и под какие статьи военного уголовного закона подходят действия обвиняемого. Военный суд, принимая во внима-

ние, что при назначении Фаик-паши начальником Ванской дивизии, войска, составлявшие эту дивизию, не были еще готовы, и что для их организации по военному времени необходимо время, не признает Фаик-пашу ответственным по первому пункту обвинения.

Обвинение по второму пункту имеет тесную связь с третьим.

Обвинение по третьему пункту состоит в том, что Фаик-паша, не прибыв, в противность приказания мушира, в Баязет для правильной осады неприятеля, укрывавшегося в замке, этим допустил прибытие другого русского отряда, который не только освободил осажденных, но взял еще в плен две наших роты и овладел тремя горными орудиями.

Фаик-паша признается ответственным по четвертому пункту обвинения. Однако, его превосходительство Измаил-паша, бывший начальник Алашкертской дивизии и главный распорядитель действий в дивизии Баязетской, будучи предварительно уведомленным о движении русских к Баязету, известил об этом Фаик-пашу еще накануне боя. Сверх того, генерал-майор Муниб-паша известил Измаил-пашу, так и Фаик-пашу, что 27 июня русские были готовы к наступлению. Фаик-паша немедленно донес о сем Измаил-паше, приложив письмо Муниб-паши, испрашивая, вместе с тем, в подкрепление шесть батальонов и батарею из Алашкертской дивизии, тогда достаточно сильной и находившейся вне сферы готовящихся действий неприятеля. Следовательно, Измаил-паша мог или накануне сражения, или в самый день боя направиться к Баязету с достаточными силами. Измаил-паша, правда, прибыл к Баязету в день боя, но уже к концу его и, остановившись в расстоянии часа или двух часов от города, не принял участия в деле. И это было причиной благоприятного для неприятеля исхода боя.

Ночь русские стояли биваком у Зангезара, а на следующий день отступили в Карабулак, мимо дивизии Измаила-паши, даже не попытавшегося освободить из рук русских своих пленных и вернуть взятые русскими орудия. В этом случае, Измаил-паша, по-видимому, дол-

жен разделить ответственность с Фаик-пашой. Окончательное выяснение истинного положения дел произойдет, если императорским ираде Измаил-паша будет отдан под суд.

Признавая, однако, подсудимого ответственным по четвертому пункту обвинения, Военный суд единогласно решил приговорить подсудимого к наказанию, согласно Военно-уголовному кодексу.

В виду постановления 2-го Параграфа 97 Главы Военно-уголовного кодекса, который гласит: *«Начальник и офицеры, получившие в военное время от старшего приказание идти на неприятеля и отказавшиеся исполнить это приказание, исключаются из военной службы и подвергаются шестимесячному заключению в тюрьме. Хотя Фаик-паша и не отказался письменно или словесно исполнять данное ему письменное приказание — немедленно прибыть со всеми силами для обороны Баязета, однако, приказание это не исполнил. Такой поступок является не только отказом идти в военное время против неприятеля, но и упорством в неисполнении приказания».*

Согласно упомянутому Военно-уголовному кодексу подсудимый Фаик-паша приговаривается к исключению из военной службы и к шестимесячному тюремному заключению. Вместе с тем, согласно 24 Главы указанного Кодекса, Военный суд приговаривает виновного к лишению чинов и знаков отличия.

Копии с настоящего приговора имеют быть разосланы во все части войск Императорской армии.

20-го Муххарема 1295 года
или 12 января 1879 года.

Подписали:

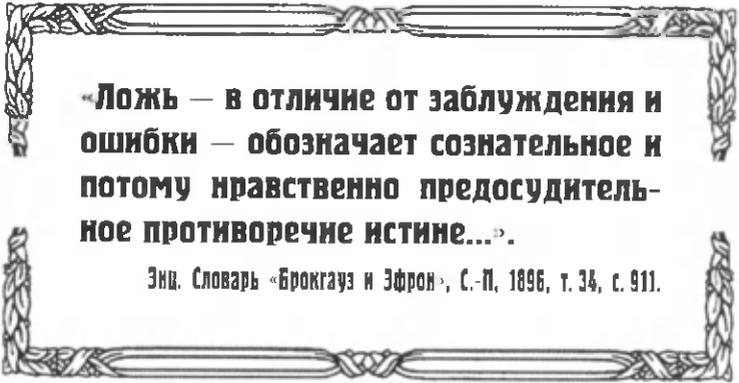
Президент Военного суда в Малой Азии Халим-Ессад-Махмуд-Мессуд;

Члены: Гассан-Гауф, Гассан-Ахмед-Раиф, Суфет-Мехмед-Селим.

(«Военный Сборник», 1879. № 11 и № 12).

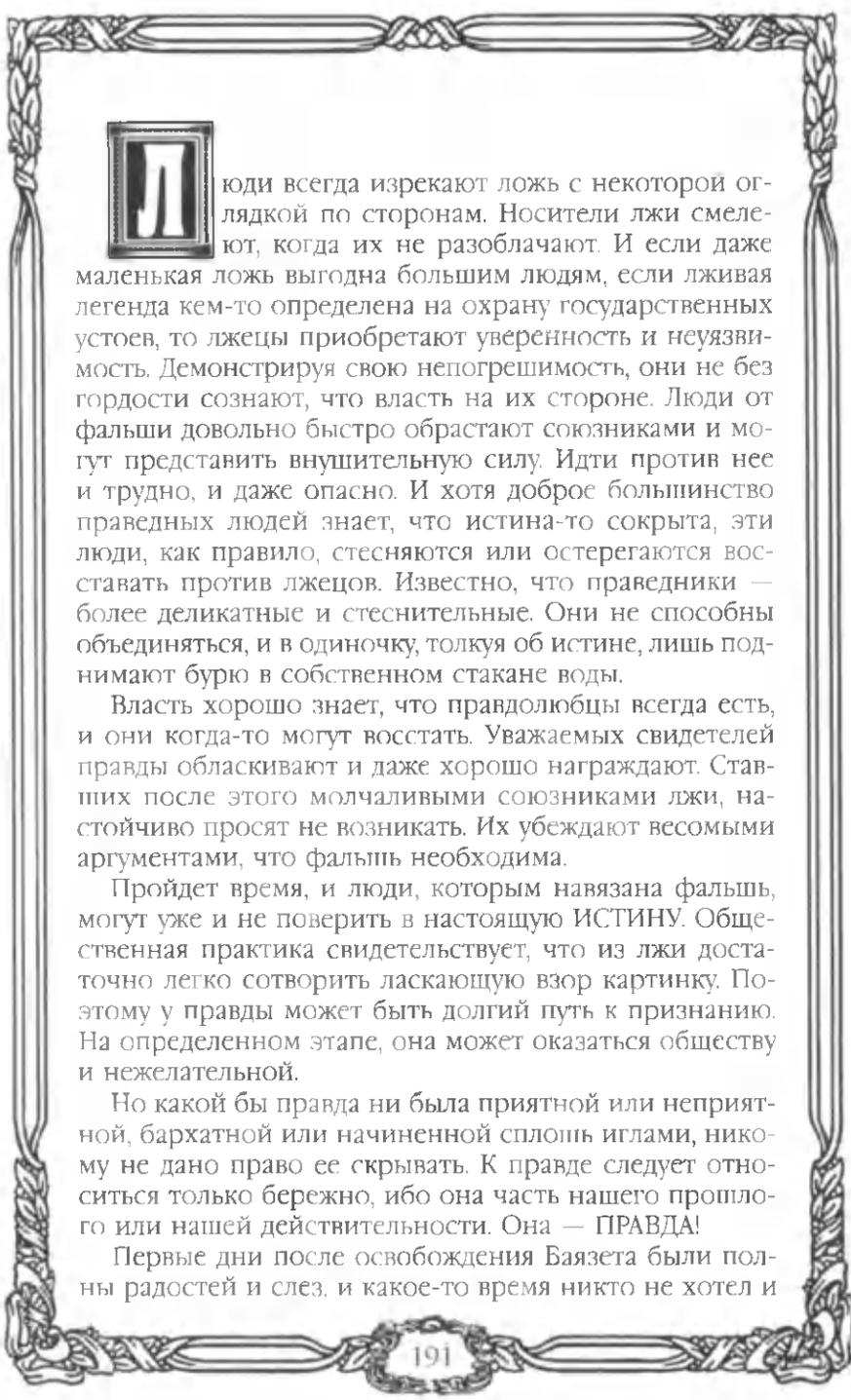

**КАК РУЧЕЕК ФАЛЬШИ
ПЕРЕРОС В БУРНЫЙ
ПОТОК ЛЖИ**

«Ложь — в отличие от заблуждения и ошибки — обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине...».

Энци. Словарь «Брокгауз и Эфрон», С.-П., 1896, т. 34, с. 911.

Люди всегда изрекают ложь с некоторой оглядкой по сторонам. Носители лжи смеются, когда их не разоблачают. И если даже маленькая ложь выгодна большим людям, если лживая легенда кем-то определена на охрану государственных устоев, то лжецы приобретают уверенность и неуязвимость. Демонстрируя свою непогрешимость, они не без гордости сознают, что власть на их стороне. Люди от фальши довольно быстро обрастают союзниками и могут представить внушительную силу. Идти против нее и трудно, и даже опасно. И хотя доброе большинство праведных людей знает, что истина-то сокрыта, эти люди, как правило, стесняются или остерегаются восставать против лжецов. Известно, что праведники — более деликатные и стеснительные. Они не способны объединяться, и в одиночку, толкая об истине, лишь поднимают бурю в собственном стакане воды.

Власть хорошо знает, что правдолюбцы всегда есть, и они когда-то могут восстать. Уважаемых свидетелей правды обласкивают и даже хорошо награждают. Ставших после этого молчаливыми союзниками лжи, настойчиво просят не возникать. Их убеждают весомыми аргументами, что фальшь необходима.

Пройдет время, и люди, которым навязана фальшь, могут уже и не поверить в настоящую ИСТИНУ. Общественная практика свидетельствует, что из лжи достаточно легко сотворить ласкающую взор картинку. Поэтому у правды может быть долгий путь к признанию. На определенном этапе, она может оказаться обществу и нежелательной.

Но какой бы правда ни была приятной или неприятной, бархатной или начиненной сплошь иглами, никому не дано право ее скрывать. К правде следует относиться только бережно, ибо она часть нашего прошлого или нашей действительности. Она — ПРАВДА!

Первые дни после освобождения Баязета были полны радостей и слез, и какое-то время никто не хотел и

думать, что же там действительно происходило. Слава Богу, что выпли из этого ада живыми. Первое донесение Военного Министра от 2-го Июля 1877 года:

«По донесению Тергукасова, по прибытию его отряда в Баязет, город этот найден в такой степени разрушенным и зараженным гниющими трупами, следов неистовств турок, что дальнейшее пребывание в Баязете наших войск оказалось невозможным».

В тот же день в Санкт-Петербург в Высочайший адрес отправлена телеграмма Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией Великого Князя Михаила Николаевича. Вот ее подлинный текст:

«Гарнизон Баязетской цитадели состоял: из 2-го батальона Ставропольского полка, 7-й и 8-й рот Крымского полка, четвертого взвода 4-й батареи 19-й артиллерийской бригады, сотни 2-го Хоперского, 2-й и 5-й сотен Уманского и 26 человек Кавказского казачьего полков и Военно-временного госпиталя № 11. Всего к 6-му июня было: четыре штаб-офицера, 26 обер-офицеров и 1587 нижних чинов. Из них: убито во время осады два штаб-офицера, 114 нижних чинов; ранено 7 обер-офицеров и 359 нижних чинов. Остальные дошли от лишений до крайней степени истощения, требующего продолжительных гигиенических мер. В последнее время они питались дохлой кониной. Начальником гарнизона был комендант цитадели Тифлисского местного полка капитан Штоквич, долго прежде служивший в Лейб-Эриванском Его Величества полку.

Завтра чрез Эриван отправляюсь в Игдыр для осмотра молодецкого отряда...».

В послужном списке капитана Штоквича, вскоре после освобождения Баязета, появился целый трактат о его особых, чуть ли не легендарных заслугах перед Царем и Отечеством во время осады Баязета. Возьмем любое личное дело заслуженного офицера, и ни в одном мы не отыщем столь подробного описания его заслуг за столь короткий период на фоне длительной служебной деятельности. В любом Послужном Списке все вехи слу-

жебной деятельности обозначаются кратко, если даже речь идет о каких-то эпохальных событиях. На описание события в деятельности офицера отводится от силы несколько строчек. Обычно это лаконичная фраза. Для Послужного Списка Федора Эдуардовича Штоквича было сделано какое-то необычное исключение. И совершено это исключительно ради прикрытия правды и утверждения лжи. Сделано это было не ради личности Штоквича, а во имя большой политики и во благо сохранения незыблемого авторитета власти. Если власть доверяет кому-то, назначает кого-то, а тем более, если от имени власти выступает Его Императорское Высочество, сам Великий Князь Михаил Николаевич, то считается, что тот, кому доверяет власть, обязательно служит верно Царю и Отечеству.

И капитан Штоквич тоже должен был служить именно так, а не иначе. Нельзя же демонстрировать на весь мир происходившее, Бог знает что, в цитадели Баязета. Военные бюрократы всегда рассуждают бесхитростно.

Первый начальник гарнизона там погиб по чужой глупости, другого — кто-то застрелил, да еще в спину. Оставшегося в живых утвержденного коменданта Баязета оттеснил от командования гарнизоном офицер-мусульманин, случайно оказавшийся в цитадели. Но ведь капитан Штоквич, назначенный с ведома Великого Князя Михаила Николаевича, после смерти начальника гарнизона обязан был вступить в исполнение должности начальника гарнизона, а если не вступил, то почему?

Действительно, в военных условиях, когда нет возможности назначать офицеров с Высочайшего утверждения, исполнять временно должности допускаются офицеры после утверждения вышестоящей военной властью. В иерархии должностей всегда найдется утвержденный в должности младший офицер, обязанный вступить в должность своего начальника, внезапно вышедшего по уважительным причинам.

Восстановим истину, как оказался в цитадели капитан Штоквич, что побудило Исмаил-хана взять на себя командование гарнизоном и войсками в цитадели Бая-

зета, как произошло, что руководителем обороны и героем Баязета стал не полковник Исмаил-хан, а капитан Штоквич?

Неудовлетворенность службой в Тифлисском местном полку привела Штоквича к князю Амилохвари с просьбой о переводе в действующую армию. Тот, хотя и знал Штоквича немного, сжалился и порекомендовал его генералу Тергукасову в качестве коменданта Баязета. Тергукасов, в спешке, изрек: «Назначайте!» Позднее было оформлено, что капитан Штоквич назначен комендантом Баязета с ведома Великого Князя Михаила Николаевича. Кто будет проверять? А если и проверят, кому выгодно заявить, что с ведома Великого Князя Михаила Николаевича в Баязет назначен малоизвестный офицер Штоквич, благодаря нерешительным действиям которого мог трагично завершиться штурм Баязета? Не дай Бог! Военные люди в России давно приучены к мысли: если назначается с ведома..., то это непременно будет достойный офицер. (По иному-то в России и быть не могло). Далее. Коль остался в живых назначенный властью комендант Штоквич, вот и пусть он станет героем Баязета! Зачем все усложнять и делать героем полковника Исмаил-хана Нахичеванского? Его никто не назначал в Баязет, но если, по неопытности Штоквича, Исмаил-хан помешал капитуляции Баязета, его следует по-царски наградить. Но нельзя допускать мысли, рассуждали всевластные чиновники, чтобы неофициальное лицо, да еще по своей инициативе, самовластно стало руководить гарнизоном Баязета!

Разумеется, в этой деликатной ситуации сыграло не последнюю роль и различие в вероисповеданиях этих двух офицеров. Тем более, Русско-Турецкая война велась под флагом защиты христиан на территории мусульманской Турции. Как считали военачальники, находившиеся за мощной спиной Великого Князя Михаила Николаевича, героем Баязета предпочтительнее быть офицеру православной веры. Так, видимо, и порешили.

Справедливости ради заметим, что Великий Князь Михаил Николаевич был весьма весомой фигурой и человеком чести. Расскажи ему правду, пусть даже нели-

цеприятную, Великий Князь вряд ли пошел бы на безнравственный поступок — затенить подвиг заслуженного и хорошо известного ему офицера полковника Исмаил-хана. Но ведь надобно иметь такого человека, который, рискуя своим положением, осмелится Великому Князю заявить эту самую сермяжную и посконную правду. В мощной, хорошо обкатанной бюрократической системе было не принято высовываться.

Так и подставили Великому Князю капитана Штоквича в качестве главного героя Баязета. А раз так, надо было позаботиться, чтобы у капитана Штоквича Послужной Список блистал, чтобы высшие чины, если вздумают обратиться к Списку, там увидели во всем великолепии картину его подвига.

В Послужном Списке Штоквича военные бюрократы скрупулезно описали всю историю обороны Баязета, которая якобы проходила только под непосредственным руководством капитана Штоквича. Не дай Господи допустить, чтобы рядом со Штоквичем кто-то еще мог оказаться. Поэтому, там не было ни подполковников Ковалевского и Пацевича, ни полковника Исмаил-хана Нахичеванского.

Ознакомимся с извлечением из этого уникального Послужного Списка Ф.Э. Штоквича, сохраняя подлинность формулировок:

«По воле Его Императорского Величества Велико-го Князя Михаила Николаевича был командирован Комендантом в город Баязет, о чем 29 апреля 1877 года последовало распоряжение Командира Эриванского отряда генерал-лейтенанта Тергукасова.

С 4 по 27 июня руководил обороной Баязетской цитадели, осажденной неприятелем в составе 25 тысяч человек. При осаде крепости гарнизон, состоящий из 5 штаб-офицеров, 30 обер-офицеров, 126 унтер-офицеров и 1461 рядовых, находился в течении 23 дней под непрерывным орудийным и ружейным огнем и терпел крайнюю нужду в продовольствии и воде, так как всякое сообщение с крепостью было прервано и протекавший в крепость родник забит неприятелем. Ввиду такой крайности, Штоквич при-

нужден был отпускать гарнизону воду порциями по 2 и 1-й кружек в день на больных и по 1-1/2 кружки на каждого. Эти порции ко второй половине осады уменьшились и для увеличения продовольствия, по распоряжению Штоквича, делались под непрерывным неприятельским огнем вылазки в прилегающий к крепости разоренный город Баязет, откуда приносили храбрыми солдатами и казаками небольшое количество воды и смешанного с землею ячменя. Такие продукты и служили увеличением порционной дачи. Вылазки обратились потерями, но доставляемое продовольствие подкрепляло гарнизон, крайне обесиленный от трудов, голода, жажды и высокой жары. Труды заключались в непрерывной починке стен крепости, разрушаемых орудийными выстрелами неприятеля, резались лошади и часть павших были съедены.

8 июня неприятель всей массою бросился на штурм крепости, но встреченный дружной атакой был отбит с потерей 300 неподобранных тел, которые затем убрались им с большим уроном от ружейных выстрелов со стен крепости и потеря сделалась настолько велика, что неприятель просил прекратить стрельбу, что Штоквичем и было уважено.

За все время осады Штоквичу было сделано со стороны Турецких военачальников 8 предложений о сдаче крепости. Во-первых, в трех предложениях требовалась безусловная сдача и в случае отказа, поголовное уничтожение всего гарнизона, а последние предложения были мягче. На все предложения Штоквич отвечал резким отказом и предлагал взять крепость силою, если неприятель может это сделать, а на последнее предложение Турецкого Главнокомандующего Свиты Султана Генерал-Лейтенанта Казии Магомы Шамиля Дагестанского, сделанное через лазутчика, перебежчика с нашей стороны, Штоквич приказал повесить последнего на стене крепости, что служило как наказанием изменника – лазутчика, так и ответом Шамилю Дагестанскому».

На описание участия в походах и военных заслуг капитана Штоквича ушло 15 страниц (небывалый случай

для такого чина). Любопытным представляются перечисления трофеев, захваченных в боях. Этим как бы подчеркивается, что трофеи захвачены не без участия бравого офицера Штоквича.

Встречаемся в Послужном Списке с неизвестным доселе фактом — ранением Штоквича. Вот как формулируется эта запись:

«Бывши комендантом Баязета во время осады, был контужен осколком гранаты в левую сторону груди и по направлению сердца, которое и имеется свидетельство — 17 июля 1877 года».

Если капитан Штоквич был действительно ранен, а госпиталь находился в прямом подчинении коменданта, то почему свидетельство о ранении датировано позднее освобождения от осады цитадели? Оно выдано в период, когда имя Штоквича восхвалялось в войсках как легендарного героя? Не поступило ли указание свыше главному врачу военного госпиталя №11 доктору Сивицкому подготовить Штоквичу свидетельство о ранении? Если уж выдуманы заслуги, так и шрам должен обязательно иметь легендарный герой! С рыцарских времен ведется эта традиция. С ранением, правда, еще не все. В специальной графе Послужного Списка *«Под покровительством раненых состоит»* не указана дата, с какого времени и под каким номером состоит капитан Штоквич под покровительством Александровского Комитета о раненых. Ни в одном личном деле офицера не найти такие досадные неточности!

Читая его Послужной Список, думаешь, что будто речь идет о командующем крупным воинским соединением, кому по заслугам приписываются победные итоги сражений подчиненных войск. Мы не будем комментировать эти записи, напоминающие оду герою из какого-нибудь древнегреческого мифа. Читатель сам легко разберется, где истина, а где явная фальшь.

В Послужном Списке Ф.Э. Штоквича находим еще запись: *«В воздаяние отличного мужества и примерной храбрости и распорядительности во время блокады Баязета Высочайшим приказом награжден орденом Святого Георгия 4 степени...»*. Далее указан 1877 год, но

дата не проставлена. И это в самом точном документе офицера! Ни в одном Послужном Списке офицера не найти записи о награждении без указания даты и номера Высочайшего приказа, тем более, когда речь идет об ордене Святого Георгия. Мною просмотрены все опубликованные Высочайшие приказы и за 1877 год, и даже за 1888 год, а вдруг вкралась ошибка в Послужной Список Штоквича? Об этом награждении не был напечатан Высочайший Приказ! На самом деле, орден Святого Георгия 4-й степени капитан Штоквич получил. И имя Федора Штоквича, кавалера этого ордена, высечено и красуется на мраморной доске № 33 в Георгиевском Зале Большого Кремлевского Дворца.

Вообще, с именем Штоквича в официальных документах творилось немало странного. Действовала старая российская мудрость: *«И хочется, и колется»*. Государство как бы устранилось от гласной декларации своей позиции в отношении Штоквича. Дела его оценивались втайне от общества. Много раз печаталось о заслугах Штоквича как руководителя обороной Баязета; писал об этом как-то и военный орган «Русский Инвалид», но ни в одном Высочайшем приказе не найти даже намек, что цитадель оборонялась под начальством капитана Штоквича. Высочайшая власть гласно не желала провозглашать капитана Штоквича лидером обороны Баязета.

Как же отражена баязетская эпопея в Послужных Списках других военачальников, воевавших бок о бок со Штоквичем и тоже рисковавших своей жизнью?

У любимца солдат храбреца **подполковника Ковалевского** эта эпопея, с учетом многих его добрых дел как первого начальника гарнизона и одновременно как коменданта Баязета, оформлена в виде одной малозначащей и холодной фразы:

«Был ранен в грудь в деле под Баязетом 6 июня 1877 и от этой раны умер в тот же день».

И все. В Послужном Списке не указано, что он назначался генералом Тергукасовым начальником гарнизона и комендантом Баязета, а также командующим всеми там войсками.

Обратимся теперь к Послужному Списку смелого, рискованного и печально известного **подполковника Г.М. Пацевича**.

Поскольку факт капитуляции гарнизона был изъят из официальных документов, то гибель самого Пацевича оформили как результат сражения с турками. Разумеется, в Послужном Списке Пацевича изъято все, что свидетельствовало о его назначении в Баязет, как и о фигуре его утвердившей. Не будут же указывать, что выдвижение исходило от генерала Тергукасова, а утверждение — от Великого Князя Михаила Николаевича. Поэтому и было решено, что вообще не было в цитадели офицера с фамилией Пацевич. Он, действительно, нигде не фигурирует как участник обороны Баязета.

Читаем краткую запись в его Послужном Списке:

«В 1877 году – в составе действующего Эриванского отряда с 12 апреля по 18 июня, то есть по день смерти от полученной раны в сражении с турками 6 июня».

И нигде нет ни слова, что Пацевичу был поручен целый гарнизон, действовавший не только в Баязете, но и во всей области, что Пацевичу вверялась безопасность границ Эриванской губернии. Разумеется, в Послужном Списке Пацевича не было никаких намеков на эпизод с белым флагом. Оставлялась лишь хорошо одобренная почва для создания образа единственного героя Баязета — Федора Эдуардовича Штоквича. Кстати, в посмертном Высочайшем приказе по Пацевичу указано, что он погиб в сражении с турками.

Откроем пожелтевший Послужной Список заслуженного русского военачальника **генерал-лейтенанта Исмаил-хана Нахичеванского**. Как же в нем отражен факт его пребывания в осажденном Баязете? При жизни офицера и генерала, их Послужной Список — секретный документ, и доступ к нему имеет только определенный круг военных чиновников. Достоянием истории эти документы становятся после смерти того или иного офицера или генерала. И мы теперь свидетели этих исторических записей. Что же там написано?

«Вместе с гарнизоном он засел 6-го июня 1877 года в крепости Баязет, где пробыл 22 дня. Исмаил-хан

выказал в крепости много энергии и присутствия духа, несмотря на все те лишения, которым был подвержен», а в графе «Участие в походах» читаем:

«В 1877 году – против Турок, в составе войск Эриванского отряда и участвовал: 7 апреля – при переходе границы с отрядом под начальством генерал-лейтенанта Тергукасова у Чингильского перевала; 5 июня – в деле подполковника Пацевича под городом Баязетом; 7 июня – при обложении Баязета Турецкими войсками; с 7 до 28 июня – при обороне Баязета капитаном Штоквичем и 28 июня – в сражении под Баязетом и освобождении гарнизона оного от блокады».

Итак, историческая роль Исмаил-хана в его Послужном Списке зафиксирована необъективно и даже в слегка неуважительной формулировке. Уже не говоря о том, что фраза об участии Исмаил-хана «в деле подполковника Пацевича», абсурдна и явно затеняет подвиг Исмаил-хана 6 июня. Запись же «при обороне Баязета капитаном Штоквичем» с 7 по 28 июня 1877 года является искажением роли Исмаил-хана как истинного руководителя обороны Баязета. Но это еще не все.

Высочайшим приказом от 19 декабря 1877 года «За боевые отличия» он был награжден чином генерал-майора, а 31 декабря 1877 года «За примерную храбрость и распорядительность, оказанные во время блокады Баязета в июне 1877 года» удостоен самого высокого боевого ордена «Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени». Нетрудно заметить, что в этих наградных формулировках истинная роль Исмаил-хана в Баязетском сидении завуалирована.

Имя Исмаил-Хана Нахичеванского как главного героя легендарной осады Баязета было в забвении еще многие годы. Быть может, отношение российских властей было к нему настороженным? никоим образом! Многие годы своей службы и жизни Исмаил-хан почитался властью и был любим народом. Но однажды от имени власти было продекларировано имя выдуманного героя Баязета, и потом ни у кого не хватило смелости, наконец, поведать всю правду. При каждом удоб-

ном случае общественности навязывалось имя мнимого героя Баязета. Делалось это и в годы Первой мировой войны, когда уже не было в живых ни Исмаил-хана Нахичеванского, ни Штоквича. Вот извлечение из Военного обзора войны с Турцией:

«21 октября одна из наших колонн овладела Баязетом, который столь мужественно в 1877 году в течение почти месяца оборонял майор Штоквич».

(«Русский Инвалид», 30 октября 1914 года)

Через несколько дней главная военная газета России еще раз напомнила об обороне Баязета и о главном герое, ее организаторе и вдохновителе Штоквиче:

«Баязет. Занятый нами турецкий Баязет не впервые попадает в русские руки. В 1877 году Баязет был занят без сопротивления. В эту войну геройскою его защитою прославился майор Штоквич. С 6 по 29 июня, вынося невероятные лишения, терпеливо снося недостаток продовольствия и, в особенности, воды, небольшой русский гарнизон стойко сопротивлялся окружившим его турецким полчищам, с гордостью отвергал все предложения о сдаче и дождался выручки».

(«Русский Инвалид», 2 ноября 1914 года)

В заключительных кадрах фильма «Баязет» зрителям, преисполненным радости за вышедших живыми защитников Баязета, сообщается, что героизм их Императорская Россия оценила по заслугам. Семеро героев «Баязета», включая и Исмаил-хана Нахичеванского, получили ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 1-й степени, и только один — 2-й степени. (Им почему-то оказался отважный врач Сивицкий, который, кстати, как лицо гражданское, вообще не имел права на получение этого сугубо военного ордена). Таким образом, авторы и создатели фильма преподнесли зрителю сущую небывлицу. Щедрым на государственные награды создателям фильма захотелось приукрасить увлекательную фантазию Валентина Саввича Пикуля.

За всю историю существования ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия (с 1769 до 1917 го-

дов), у которого всегда было 4 степени, первую степень ордена святого Георгия получили всего-навсего 25 человек, 5 из которых — иностранцы. Во время упомянутой Русско-Турецкой войны орденом Георгия 1-й степени были награждены всего двое крупных военачальников: генерал-фельдмаршал Великий Князь Николай Николаевич (за разгром Анатолийской армии на Балканах и овладение Плевной) и Главнокомандующий Кавказской Армией генерал-фельдмаршал Великий Князь Михаил Николаевич (за разгром Анатолийской армии при Аладжирских высотах).

Насколько был солидным орденом Святого Георгия 1-й степени, можно понять из Грамоты Александра II своему дяде Великому Князю Михаилу Николаевичу:

Высочайшая грамота Нашему Генерал-Адъютанту,
Генерал-Фельдмаршалу, Главнокомандующему
Кавказской Армией, Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Михаилу Николаевичу

После ряда славных подвигов, доблестные войска Кавказской армии ознаменовали себя новою неувядающею славой, разбив наголову, под личным предводительством Вашим, неприятельскую армию Мухтар-паши в кровопролитном бое, 3 октября сего года, на Аладжирских высотах и принудив большую часть оной сложить оружие.

Блистательная победа эта, свидетельствующая о благоразумной распорядительности Вашей, украсит на вечные времена страницы военной истории и дает Вам право на сердечную нашу признательность.

Желяя выразить чувства Нашего особенного благоволения подвигом, Всемилостивейше жалуем Вас кавалером Императорского ордена Нашего Святого Великомученика и Победоносца **Георгия 1-й степени**...

Александр

В Горном Студене (в Болгарии). 9 октября 1877 года.

(«Русский Инвалид», 18 октября 1877 года, № 227).

Орден Святого Георгия 2-й степени — тоже весьма значительная награда и получали ее высокопоставлен-

Император Александр II
(17 апреля 1818 — 1 марта 1881)

ные военачальники за проведение крупных военных операций.

«Государь Император в награду отличного мужества, храбрости и распорядительности, оказанных Командующим Действующим Корпусом на Кавказско-Турецкой границе, Генерал-Адъютантом, Генералом от Кавалерии Лорис-Меликовым при разбитии на Аладжирских высотах 3-го октября сего года армии Мухтар-паши, в 27 день минувшего октября, Всемилостивейше соизволил пожаловать ему орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени».

(«Русский Инвалид», № 244 от 6 ноября 1877 года).

За освобождение от блокады Баязета командующий Эриванским отрядом генерал-лейтенант **А.А. Тергукасов** награжден орденом Святого **Георгия 3-й степени**.

Начальник штаба Эриванского отряда, Генерального штаба полковник 41-й Пехотной дивизии **В.Н. Филиппов** за рекогносцировку неприятельских позиций при

атаке Баязета 28 июня 1877 года награжден орденом Святого **Георгия 4-й степени**

На фоне восторга от героизма осажденных, в самой цитадели награжденных было очень немного. Все же факт попытки капитуляции цитадели, официально замалчиваемый властями, играл свою роль, и настороженность при отборе кандидатур на награждение, судя по всему, существовала.

Как и положено, список на награждение формировал комендант цитадели капитан Штоквич. В последнем приказе коменданта Баязета капитана Штоквича от 28 июня 1877 года № 23 *«за неусытную бдительность, труды и распорядительность»* персонально отмечены 11 человек. Фамилия Исмаил-хана Нахичеванского в этом приказе отсутствовала. В списке коменданта Баязета не оказалось и отважного войскового старшины Кванина (по роману и фильму — есаула Ватнина), который во время осады был помощником начальника обороны цитадели Исмаил-хана.

Высочайшим Приказом от 18 декабря 1877 года «О чинах Гражданских» «Производится: За выслугу лет. По ведомству Военно-Медицинскому Главный Врач Кавказского Военно-Временного Госпиталя № 11 **Сивицкий** из Коллежских Советников в Статские».

Статскому Советнику доктору Сивицкому и доктору Китаевскому позднее были пожалованы боевые ордена.

«За отличное мужество и решительность во время действий Эриванского отряда против турок в апреле, мае и июне 1877 года орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами награжден Статский Советник Главный Врач Кавказского Военно-Временного Госпиталя № 11 Сивицкий, а врач 74-го Ставропольского Пехотного Полка Китаевский награжден Орденом Святой Анны 3-степени с мечами».

(«Русский Инвалид», 11 мая 1878 года, № 105).

Позволим себе еще раз обратить внимание читателя: среди всех офицеров, оборонявших цитадель, две наиболее высокие награды получил полковник Исмаил — хан Нахичеванский.

**РАЗНЫЕ СУДЬБЫ
УЧАСТНИКОВ
ОБОРОНЫ БАЯЗЕТА**

**«Только богам открыты
предначертания судьбы».**

Из литературного памятника
Древнего Египта

АЛЕКСАНДРА ЕФИМОВНА КОВАЛЕВСКАЯ

Судьба единственной женщины в цитадели, ставшей там признанной и обожаемой героиней, оказалась наиболее печальной. Генерал Гейнс засвидетельствовал, что полковник Исмаил-хан Нахичеванский, покидая Баязет, внес ее фамилию в список на награды, предусмотренные для осажденных, и оставил этот список коменданту капитану Ф.Э. Штоквичу.

Главкомандующим было принято решение выдать всему гарнизону денежную компенсацию за утраченные во время осады личные вещи. Как утверждает генерал Гейнс, *«эта милость не коснулась только одной А.Е. Ковалевской и то, вероятно, вследствие случайной забывчивости капитана Штоквича доложить о ней высшей власти. Но взявшемся рассказать все характерное и все выдающееся преступно оставлять прикрытым то, что светилось своим собственным светом. Если Исмаил-паша в письме коменданту от 24-го июня придавал значение тому, что между страдавшими была женщина; если более искренние натуры, с прямотой относившиеся к событиям и фактам, пришли первыми чуть не поклониться героизму женщины, потерявшей во время блокады более, чем кто-нибудь из гарнизона, если весь отряд благовейно встречал ее появление, значит положение А.Е. Ковалевской было незаурядное».*

Поводом к подобному негуманному отношению к А.Е. Ковалевской со стороны капитана Штоквича, видимо, служил формальный факт: она не находилась в палате госпиталя и работала там по доброй воле без получения денежного содержания. Возможно, также сыграло роль недоброе отношение Штоквича к ее погибшему мужу подполковнику Ковалевскому. Но это лишь наши предположения.

По российскому законодательству, Александра Ефимовна имела право на пенсию, в связи с гибелью ее мужа. И такая пенсия была оформлена. Вдова Ковалевская получала ежегодно 405 рублей.

10 августа 1877 года главный врач 11-го Кавказского Военно-Временного госпиталя Коллежский Советник Сивицкий выдал ей Свидетельство следующего содержания:

«Дано сие бывшей жене Подполковника, а ныне вдове Александре Ефимовне Ковалевской в том, что с 16 апреля по 20 мая сего года поступила в число Сестер Милосердия в 15 Кавказский Военно-Временный Госпиталь, а с 20 Мая по 28 Июня сего года – в 11 Кавказский Военно-Временный Госпиталь без денежного содержания по собственному желанию. За время исправления должности сестры Милосердия, Госпожа Ковалевская исполняла свою обязанность с особым усердием и человеколюбием, несмотря, что перед самою блокадой Баязета постигла горестная участь самой, а именно: потеряла мужа своего в сражении с Турками 6 июня, в десяти верстах от Баязета, где он был смертельно ранен в живот, и все-таки продолжала заниматься около больных, поделившись своими запасами между блокадцами Баязета и вследствие чего сама испытывала после более двух недель недостатка наравне с прочими и после столь бедственного положения потеряла здоровье, которое, едва, по истечении полутора месяца, начало восстанавливаться, переселившись в селение Дарагачах при медицинском пособии.

Подлинное подписал Главный Врач
11 Кавказского Военно-Временного госпиталя
Коллежский Советник Сивицкий».

Справка дала право Ковалевской считаться участником обороны Баязета, где она сильно подорвала свое здоровье, но и этот документ, судя по всему, не поправил ее материального положения.

В 1879 году Александра Ефимовна Ковалевская вторично вышла замуж за майора Беловодского, наверное,

надеясь улучшить свое благополучие и здоровье. Надежды не оправдались.

А.Е. Ковалевская тут же лишилась пенсии, полученной после гибели ее первого мужа. Видимо, новый супруг ее был не столь состоятельным, и они жили только на его содержание. Поэтому у Ковалевской начался новый виток многочисленных прошений и хождений по инстанциям мощного бюрократического аппарата России, с целью восстановить утраченную пенсию или, хотя бы, получить пособие по болезни. От Ковалевской всюду требовали представить кипы документов, кто был ее покойный муж, кто она, о том, что здоровье у нее до предела распатано.

Что любопытно: везде ее поддерживали, везде ей сочувствовали, но просьба не удовлетворялась. Главный штаб Военного министерства ходатайствовал о выделении ей денежного пособия, отмечая и ее работу сестрой милосердия в Баязете, и потерю там здоровья. Вот извлечения из этого ходатайства от 9 апреля 1882 года:

«...до выхода вторично замуж за Майора Беловодского в том внимании, что пенсия эта могла бы служить ей средством для восстановления, хотя отчасти, ее здоровья, потерянного в Баязете, в бытность ее там сестрою милосердия, так как муж ее Майор Беловодский, кроме получаемого содержания от казны, никаких других средств не имеет.

Его Высочество, препроводив упомянутую докладную записку и имея ввиду, что просьба г-жи Беловодской не подлежит по закону удовлетворению, изволит ходатайствовать об испрошении ей от щедрот Вашего Императорского Величества единовременного пособия. Первый же муж ее, подполковник Ковалевский, состоя в 74-ом Пехотном Ставропольском полку, был смертельно ранен 6 июня 1877 года в сражении близ крепости Баязет и от раны умер».

Мытарства Ковалевской, наконец, завершились тем, что она получила *«от щедрот Его Императорского Величества»* только маленькое единовременное пособие. Пенсию за мужа ей так и не возвратили.

Окончательное решение выражено в резолюции самого Военного Министра генерал-адъютанта Ванновского:

«Высочайше повелено выдать жене майора Беловодского единовременное пособие в 200 рублей из суммы Государственного Казначейства. Просьбу ее о пенсии – отклонить».

Судя по всему, став пожизненно больной после Баязета, у всеобщей любимицы осажденной цитадели Александры Ефимовны Ковалевской-Белозерской радостной жизни не получилось.

(РГВИА, фонд 400, опись 12, дело 4999)

ПОДПОЛКОВНИК Г.М. ПАЦЕВИЧ И ЕГО СИРОТЫ

После оформления смерти подполковника Пацевича как погибшего в сражении с турками, для его детей была открыта дорога на получение пенсии. Опекунша детей, вдова Коллежского Советника Марья Ивановна Столнакова, родственница Пацевича, получавшая пенсию на его пятерых детей и занимавшаяся их воспитанием, начала добиваться повышения пенсии сиротам Пацевича. Вначале она обращается в Крымский полк, в котором 2-м Батальоном командовал подполковник Г.М. Пацевич:

«...Сиротам Подполковника Пацевича, как умершего от ран 16 июня 1877 года, следует на основании Высочайшего утвержденного в 19 день Февраля расписания Эмеритальных окладов, прибавка 17 процентов к получаемой мною на них эмеритальной пенсии». Для этой цели потребовалось медицинское заключение о смерти подполковника Г.М. Пацевича. Удалось разыскать этот документ, выданный М.И. Столнаковой. Прочитируем извлечение из него:

«Подполковник Пацевич во время штурма Баязета, при исполнении служебной обязанности, был смертельно ранен 8 июня сего 1877 года, а 16 числа того же месяца от полученной раны умер, – что подпол-

ковник Пацевич оставил по смерти своей пятерых малолетних сирот, из которых старшая дочь Зинаида 17 лет воспитывается в Харьковском Институте благородных девиц, сын Михаил 12 лет – в Воронцовской военной гимназии за счет казны, а остальные малютки сироты: Николай – 8 лет; Александр 3-лет и Елена – 1 года находятся у Вас как у родственника и вверены были вам Пацевичем».

Но к этому документу потребовалось еще и медицинское заключение о смерти подполковника Пацевича. Главное Медицинское Управление Военного Министерства 4 апреля 1878 за № 5946 направило в Главный Штаб следующее письмо:

«Военно-медицинский ученый комитет по рассмотрении свидетельства о смерти Подполковника Пацевича нашел, что штаб-офицер этот умер в 1877 от последствий раны, полученной им при штурме крепости Баязет в июне того же года, а потому оставшиеся по смерти его детям следует предоставить право на пенсию по ст. ...»

Конечно, военные чиновники знали всю правду, но каждый – на своем уровне – стремился прикрыться принятой легендой. Поэтому М.И. Столнаковой потребовался еще один документ, свидетельствующий, что в Послужном Списке Пацевича все правильно записано.

Общий Архив Главного Штаба письмом от 29 апреля 1878 за № 267, наконец, засвидетельствовал, что «служба Подполковника Пацевича, а также бытность его в походах и делах против неприятеля, – при проверке с имеющимися сведениями, оказались изложенными в Послужном Списке верно, кроме того, что произведен в чин капитана 23 ноября 1858 года».

Несущественную ошибку какого-то писаря все-таки нашли, но все остальное в Послужном Списке, как окончательно и авторитетно засвидетельствовано, изложено верно! И слава Богу, мытарства благородной Марии Ивановны Столнаковой завершились удачно.

С 1 января 1880 года, с учетом прибавки 17 процентов эмеритальной пенсии, общая пенсия сиротам Пацевича составила на всех троих сирот 323 рубля, которая

будет выдаваться из Ставропольского Губернского казначейства.

Государство Российское защитило невинных детей подполковника Григория Михайловича Пацевича.

ПОЛКОВНИК Ф.Э. ШТОКВИЧ

Федор Эдуардович Штоквич всю оставшуюся жизнь пожинал лавры руководителя легендарной обороны Баязета. Штоквича как бы утвердили главным лицом при обороне цитадели и, независимо от его воли, имя Штоквича долгие годы присутствовало там, где упоминалось об этой странице истории. А российская печать многие годы не жалела своей мощи для пропаганды героического прошлого Баязета, и при этом сразу же упоминался руководитель осады Штоквич.

Известный летописец Русско-Турецкой войны полковник генерального штаба С.О. Кишмишев в своем, наиболее обширном, описании хода и событий этой войны умудрился извратить события, связанные с начальниками гарнизона Баязета Ковалевским и Пацевичем. Уполномоченный писать об этой войне, С.О. Кишмишев изначально определил исключительно лидирующее место только капитану Штоквичу, исключив из истории баязетской эпопеи не только отдельные известные печальные события, но и главных действующих лиц, убитых и оставшихся живых. К примеру, факт попытки капитуляции цитадели вместе с фамилией подполковника Пацевича был изъят из истории Русско-Турецкой войны. Вот извлечения из описания осады Баязета по С.О. Кишмишеву:

«Пользуясь слабостью баязетского гарнизона, ванские войска в числе 4-х батальонов, 7 тысяч конницы, при 4-х орудиях двинулись вперед и 6-го июня показали под Баязетом.

В это время начальником гарнизона был, за болезнью подполковника Ковалевского, Тифлисского местного батальона капитан Штоквич, назначенный пред тем комендантом цитадели.

Получив известие о движении значительных неприятельских сил к Баязету и не надеясь удержать за собою город, капитан Штоквич перевел гарнизон в цитадель, в которой решился держаться до получения подкреплений. По очищению войсками города, турки быстро заняли в нем все строения и, окружив цитадель, с 7-го июня открыли осадные действия. Но все попытки неприятеля принудить гарнизон к сдаче остались тщетными.

Видя, что артиллерийским огнем ничего не могут сделать, турки вступили в переговоры с капитаном Штоквичем, обещая полную свободу гарнизону в случае выхода его из цитадели. Но все посланные, являвшиеся с подобным предложением, были изгоняемы. Один даже за дерзкий ответ коменданту был повешен на стенах цитадели в глазах турецких войск...

Мужество и непоколебимость капитана Штоквича взяли верх. Подавая пример неустрашимости и ободряя солдат, он выдержал героически 23-х дневную осаду, полную лишений, и 28-го июня, в день появления генерала Тергукасова, был еще настолько бодр, что оказал содействие прибывшим войскам, открыв стрельбу из цитадели по внутренности дворов, занятых в городе неприятелем».

(Кишимцев С.О. Война в Турецкой Армении. С.-П. 1884, 509 с.)

Признанные заслуги Штоквича способствовали укреплению его материального благополучия, что позднее использовали и члены семьи.

Принимая во внимание боевые заслуги капитана Штоквича при защите крепости Баязет, помимо положенного денежного содержания, Государь Император пожаловал ему пожизненную пенсию в сумме 1000 рублей в год.

В 1878 году, когда капитану Штоквичу исполнилось 50 лет, он был возвышен до чина майора. В том же году Штоквич был награжден Персидским орденом «Льва и Солнца» 2-й степени, а 28 июня 1878 года «За отличие по службе» — произведен в подполковники. При этом чине и созданной известности подполковник Што-

квич назначается на почетную должность — Временным членом Кавказского Военно-Окружного суда.

В марте 1879 года полковник Штоквич назначен 2-м комендантом Петергофа, оказываясь совсем рядом с Высочайшей властью. Такая странная должность — 2-й комендант. Первым комендантом, видимо, не решились назначить, хотя с водой в Петергофе все было в порядке. Помимо знаменитых Петергофских фонтанов, там был еще и Финский залив. В Петергофе, где постоянно пребывают царственные особы, Штоквич скоро был замечен каким-то вельможей из Двора Прусского. 22 июня 1879 года подполковнику Штоквичу разрешили принять и носить Прусский орден Красного орла 2-го класса с мечами, пожалованный Его Королевского Величества Императором Германским, Королем Прусским.

Служившие при царских дворцах считались счастливицами. Их служба проходила на глазах Высочайшей власти, а поэтому они всегда чем-то отличались и исправно награждались. На периферии награды получали намного реже, хотя служили не менее ревностно. «За отличие по службе» Высочайшим приказом от 4 мая 1891 года подполковник Штоквич был произведен в полковники и одновременно назначен исправляющим должность Царскосельского коменданта.

Исправляющий должность — это, по нашему понятию, временно ее исполняющий. В царское время исправляли должность до тех пор, пока не последует Высочайший приказ, но он мог и не последовать. Нередко исправляли должность чины в ожидании замены. Обычно, если офицер был достоин должности, через несколько месяцев он утверждался в должности Высочайшим приказом.

Для военной службы Царское Село — это почетное и волшебное место, почти райское. Будучи в Царском Селе, можно нередко, а то и ежедневно, видеть самого Государя Императора и даже отдавать ему честь, а уж членов Царской Семьи — много раз на дню. В сказочном Царском Селе, в ожидании Высочайшего приказа, прошло более трех лет, но в должности полковника Штоквича не утверждали. Высочайшим приказом от

6 декабря 1894 года он был награжден орденом Святого Станислава 2 степени.

Годы брали свое, болезни начинали одолевать и препятствовать ревностной службе Царю и Отечеству. В феврале 1896 года исправляющий должность Царско-сельского коменданта полковник Ф.Э. Штоквич, когда ему еще не было шестидесяти восьми лет, внезапно почувствовал приближение смерти. Жизнь его действительно приближалась к концу.

Пребывая еще в полном сознании и напрягая последние силы, Федор Эдуардович обращается с предсмертной просьбой к Государыне Императрице Марии Федоровне, супруге покойного Императора Александра III:

«Ваше Императорское Величество!
Всемиловитейшая Государыня!

Осыпанный милостями в Бозе почившим Императором и Вашим Императорским Величеством, я — умирающий, припадаю к стопам Вашим оказать ВЫСОЧАЙШУЮ милость моим трем дочерям, остающимися после смерти моей круглыми сиротами.

Положение сирот и условия их жизни при отсутствии материальных средств, настолько тяжелы и так глубоко потрясают меня при последних минутах моей жизни, что остается надежда на облегчение их участи на Бога и на Вас, БЛАГОДЕТЕЛЬНИЦА, ВСЕМИЛОВИТЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ.

Верноподданный Вашего Императорского Величества

Полковник Штоквич

Февраля 12 дня 1896 года, Царское Село

(РГВИА, фонд 400, оп 12, дело 20079)

Федор Эдуардович Штоквич при жизни был, действительно, осыпан государевыми милостями, но выглядит несколько странным его обращение не к действовавшему Государю Императору Николаю Александровичу, а к супруге покойного Александра III.

Известно, что Мария Федоровна была весьма влиятельной фигурой при Дворе. Видимо, на успех своих

шагов в государственные структуры России Федор Эдуардович не рассчитывал. К этому времени полковник Штоквич уже овдовел. Кроме сына, который был уже в возрасте Христа, три его дочери не были малолетними, как у погибшего подполковника Пацевича. Екатерине Штоквич было 30 лет, Александре — 26, а самой младшей Елене — уже минуло 20.

Пока письмо тяжело больного полковника Штоквича преодолевало многочисленные пороги и формальности канцелярии Гатчинского дворца вдовствующей Императрицы. Федор Эдуардович тихо скончался 14 марта 1896 года, в Царском Селе. Ему шел 68-й год.

Высочайший Приказ по Военному Ведомству
Марта 23-го дня 1896 года, в С.-Петербурге

УМЕРШИЕ ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗ СПИСКОВ: Исправляющий должность Царскосельского Коменданта, числящийся по Армейской пехоте, Полковник Штоквич.
(«Русский Инвалид», № 68, от 24 марта 1896 года)

После этого последнего офицерского приказа, традиционного для всех усопших, некролог в «Русском Инвалиде» не появился и публикаций в приметных изданиях о героическом прошлом покойного не было. Уход из жизни бывшего коменданта Баязета полковника Ф.Э. Штоквича окружала необыкновенная тишина.

Едва отгремел залп последних почестей умершему, как от дочерей Федора Эдуардовича последовало прошение следующего содержания.

Начальнику Гарнизона и Царского Села
Генерал-Майору Князю Васильчикову
Дочерей умершего, бывшего исправляющего
должность Царскосельского Коменданта
Полковника Штоквича, Екатерины,
Александры и Елены Штоквич

ПРОШЕНИЕ

Покойный отец наш, Исправлявший Должность Царскосельского Коменданта Полковник Штоквич, прослу-

жив в военной службе около 50 лет, большую часть которой провел на Кавказе, где участвовал в походах и сражениях, был контужен и ранен и за особое отличие при 23 дневной обороне Баязета, в 1877 году, удостоился получить орден Святого Георгия 4 степени, а затем 14 марта сего года, после тяжелой болезни, умер, оставив нас без всяких средств к существованию.

Такое крайне бедственное наше положение вынуждает нас беспокоить Ваше Сиятельство, как ближайшего начальника нашего отца, покорнейшею просьбою, оказать нам Ваше покровительство и исходатайствовать нам от Всемилостивейших Государя ИМПЕРАТОРА щедрот в пожизненную пенсию из Государственного казначейства полного содержания нашего отца и из эмеритальной кассы по положению».

Собственноручные подписи трех дочерей
Полковника Штоквича
(РГВИА, фонд 400, оп. 12, дело 20079)

Перелистывая пожелтевшие от времени страницы толстых архивных папок, в поисках сведений о судьбах руководителей обороны Баязета, в наших руках оказалась и обильная переписка о назначении пенсии дочерям полковника Штоквича. На их письма власть реагировала оперативно и с подчеркнутым вниманием. Чувствовалось, что через почтение к заслугам Ф.Э. Штоквича проявлялось стремление удовлетворить просьбу дочерей. Конечно, вдове Ковалевской и детям Пацевича такое отношение не снилось, хотя и тем, и другим все делалось с позиций милосердия в одной стране — Императорской России.

Из переписки выяснилось, что у Штоквича был жив родной брат, Иван Штоквич, но он, как утверждалось, из-за ограниченного содержания по службе, не имеет возможности помогать племянникам. Дочери полковника Штоквича, на самом деле, не были, говоря их же словами, «оставлены без всяких средств к существованию». Из государственного казначейства младшей дочери назначалась пенсия в размере 143 рублей 75 копеек, правда, только до 8 января 1897 года, то есть пока

ей не исполнится 21 год. Но из эмеритальной кассы все три дочери получали пенсию в сумме 863 рубля, то есть примерно по 290 рублей в год каждая. Но дочери Штоквича полагали, что военные заслуги их отца перед Империей давали им право претендовать на более высокие блага. Военные власти России были такого же мнения.

Уже 29 апреля 1896 года командующий войсками Петербургского Военного Округа направил Военному Министру письмо за № 35079 следующего содержания:

«Препровождая Военному Министру, прошу содействия его Высокопревосходительства к исходатайствованию дочерям умершего Полковника Штоквича усиленной пенсии из Государственного казначейства в размере по Высочайшему благоволению.»

Боевые труды и личные подвиги покойного, по Моему мнению, представляют уважительные основания к оказанию в настоящем случае его детям особой МОНАРШЕЙ милости.»

Это письмо не сыграло желаемой роли, тогда, вместо общих просительных фраз, пошли в ход аргументы, вряд ли оправданные с правовой точки зрения: «Но, учитывая, что полковник Штоквич — заслуженный офицер и что он мог бы стать при увольнении в отставку генерал-майором, как прослуживший в чине полковника более 5 лет и т. д.» — писали не какие-то сельские грамотеи, а высокопоставленные военные чиновники.

В конце концов, военные бюрократы нашли лазейки. Все три дочери получили пожизненную пенсию из государственной казны по 500 рублей в год, а из эмеритальной кассы вначале дали по 300 рублей, а потом все же пересмотрели и определили по 400 рублей в год. По сравнению с обездоленной А.Е. Ковалевской, все дочери полковника Штоквича, выходя замуж, все равно сохраняли свои особые государственные пенсии по 900 рублей в год.

Вспомним, что как ни просила больная Ковалевская сохранить ей пенсию в сумме 405 рублей, назначенную после гибели мужа подполковника Ковалевского, ей отказали. В память этого героя, первого начальника

гарнизона Баязета, символа офицерской чести и преданности Отечеству, можно было бы назначить пожизненную пенсию А.Е. Ковалевской, также героине осажденного Баязета. Водя пальцем по буквам закона, бездушные бюрократы, без команды свыше, не желали расширить свой кругозор до понятий нравственности и в этом особом случае заступиться за А.Е. Ковалевскую. Ей только выделили лишь единовременную материальную помощь в сумме 200 рублей, оставив львиную долю забот о Ковалевской ее второму супругу.

А о пенсии опекунке М.И. Столнаковой на трех сирот, оставшихся после гибели Пацевича, и судить не приходится. Всего лишь 323 рубля!

Такие вот разные судьбы!

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КЕЛБАЛИ-ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ

Сразу после снятия блокады Баязета, генерал Келбали-хан передал обязанности начальника кордона Эриванской губернии своему брату Исмаил-хану. Сам же он был назначен начальником кавалерии в соединение, которое готовилось для штурма Эрзерума. Фактически на штурм Эрзерума был брошен весь Действующий корпус генерал-адъютанта М.Т. Лорис-Меликова.

В военных сводках о кровопролитном сражении 23 октября на высотах Деве-Бойну — воротах Эрзерума, — имя Келбали-хана встречается неоднократно. После убийственного артиллерийского огня русских, его кавалерия то стремительно вздымалась на высоты, преследуя обезумевшего противника, то спускалась на склоны высот под напором шквала ответного огня противника.

В одной из сотен Переяславского полка, находившегося под командованием Келбали-хана, рядовым-добровольцем сражался шестнадцатилетний его сын **Рагим — Келбали-хан Нахичеванский**, который в том же 1877 году, за храбрость, был награжден чином Унтер-офицера, «солдатским Георгием», а затем и офи-

церским чином Прапорщика. В этом же полку, бок о бок, с Рагим-Ханом Нахичеванским, отмывал кровью приговор Военного суда и своей отчаянной храбростью зарабатывал «солдатский Георгий», разжалованный из майоров в рядовые, солдат **Максуд Али-Ханов**, будущий зять Келбали-хана и прославленный русский генерал.

Баязетская эпопея вместе с другими событиями уходила в прошлое, но наградные Высочайшие Приказы возвращали в памяти Келбали-хана подвиги минувшие.

За сражение под Деве-Бойну ему было пожаловано Золотое оружие. Эта престижная награда присуждалась за личную храбрость. Вот подлинный текст Высочайшего Приказа:

«Государь Император, в награду отличного мужества и храбрости, оказанных состоящим при Кавказской Армии Генерал-Майором **Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы** в деле с Турками под Деве-Бойну 23 октября 1877 года, в 8-й день сего декабря 1877 года, Всемилостивейше соизволил пожаловать Золотую алмазами украшенную, саблю с надписью «За храбрость».

(«Русский Инвалид», 12 декабря 1878 года, № 274)

С интервалом в полгода последовали еще две награды. О них лучше всего расскажут тексты Высочайших приказов.

«Государь Император в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в делах с турками в апреле, мае, и июне сего года, при защите Баязета и при освобождении от осады Баязетского гарнизона, в 11 день сего декабря, Всемилостивейше соизволил пожаловать Орден Святого Владимира 3-й степени с мечами, состоящему при Кавказской армии генерал-майору **Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы** (знаки для нехристиан установленные).

(«Русский Инвалид», от 18 декабря 1877 года, № 279)

В Высочайшем Приказе от 2-го июня 1878 года высоко оценены боевые заслуги Келбали-Хана, относящиеся к освобождению Баязета:

«В награду отличного мужества и храбрости, оказанных в делах с Турками, в составе Эриванского отряда в июне 1877 года Генерал-Майор **Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы** награжден орденом Святого Станислава 1-й степени».

(«Русский Инвалид», 4 июня 1878 года, № 125)

13 июля 1878 года Келбали-хан назначается Командующим 2-й Сводной Кавалерийской Дивизией, а 25 июля 1878 года — Командующим 2-й Бригадой 1-й Кавказской кавалерийской дивизии. Эта должность была последней в длинной веренице командных должностей генерал-майора Келбали-хана. Последней в жизни Келбали-хана была высокая Высочайшая награда

«Государь Император в награду отличного мужества и храбрости, оказанных в разнообразных делах с Турками в 1877 году, в 24-й день января 1879 года, Всемилостивейше соизволил пожаловать орден Святой Анны 1-й степени с мечами, состоящему при Армейской кавалерии и при Кавказской Армии Генерал-Майору **Калбалай-Хан-Эксан-Хан-Оглы**».

(«Русский Инвалид» 27 января 1879 года, № 21).

Болезни, приобретенные во время суровых военных будней, на которые тогда не было времени обращать внимание, теперь начали давать о себе знать и наводили на грустные размышления. Волевым командир Келбали-хан всячески скрывал свое состояние, но у командования тоже не было сомнений, что генерал Келбали-хан тяжело болен и нуждается в срочном лечении.

6 августа 1879 года Государь Император подписал Высочайший Приказ о направлении генерала Келбали-Хана на трехмесячное лечение за границей. Больного генерала направили в Австрию, Германию и Францию. Европа воочию увидела заслуженного российского генерала, но на родину проводила с теми же болезнями. Если материнская земля не исцеляет, чужая — уже не вылечит.

В связи с болезнью, 16 марта 1880 года генерал-майор Келбали-хан оставляет командование бригадой и на-

значается состоять в распоряжении Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией. Это солидное назначение дается, как правило, военачальникам, которым, по состоянию здоровья, трудно находиться на командной работе, но их бесценный опыт был Армии необходим. До последних дней жизни Келбали-хан верно служил своему Отечеству и был достойным примером потомкам

Генерал-Майор Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы скончался в конце апреля 1883 года.

Главная военная газета «Русский Инвалид» почему-то забыла опубликовать некролог после смерти этого заслуженного генерала. Русской Армии он беззаветно отдал почти 40 лет своей жизни. Все, кто знал при жизни этого храброго и честного человека, узнали о его кончине из посмертного Высочайшего приказа от 30 апреля 1883 года, выпуск которого обязателен и не зависит от чьей-либо воли:

«Умершие исключаются из списков: состоявший в распоряжении Командующего войсками Кавказского Военного округа, числившийся по Армейской Кавалерии, Генерал-Майор **Келбали-Хан-Эксан-Хан-Оглы**».

(«Русский Инвалид», 1 мая 1883 года, № 95).

Но Келбали-хан не ушел в мир иной бесследно. Дела, мысли и чувства Келбали-Хана продолжали жить и приумножаться в его многочисленном потомстве. У Келбали-хана осталось 4 сына и 4 дочери. Все сыновья стали офицерами Русской Армии, а самый младший — Гуссейн-хан — достиг высочайших вершин на военном олимпе Российской армии. Он дослужился до полного генерала кавалерии, командовал элитными императорскими полками, такими как Нижегородский Драгунский и Лейб-Гвардии Конный.

Геройски сражаясь с начала Первой Мировой Войны, Гуссейн-Хан Нахичеванский командовал 2-ым Кавалерийским, а затем Гвардейским кавалерийским Корпусами и был пожалован в воинское звание — Генерал-Адъютанта Его Императорского Величества. Этого высшего воинского звания Императорской России за

Георгиевская Дума Кавказского фронта во главе с Командующим Великим Князем Николаем Николаевичем (в центре).
Справа – генерал-адъютант Гусейн-хан Нахичеванский
(январь 1916 года)

всю историю Российской Армии не удостоился ни один из генералов мусульманского вероисповедания.

Генерал-адъютант Гуссейн-хан Нахичеванский, узнав об отречении от престола Государя Императора Николая II, в отличие от большинства крупных военачальников Армии России, воспротивился крушению Верховной власти. В телеграмме, посланной отрекшемуся Государю Императору, командир Гвардейского корпуса генерал Гуссейн-хан Нахичеванский, как свидетельствует в мемуарах генерал АИ. Деникин, предлагал *«себя и свои войска в распоряжение Государя для подавления мятежа...»*.

(АИ. Деникин. Очерки русской смуты. Париж, 1921 г.)

Из авторитетных азербайджанских источников явствует, что генерал Гуссейн-хан Нахичеванский был расстрелян большевиками в 1918 году, в Петрограде, во время неслыханного по масштабам и жестокости «красного террора». В это нетрудно и поверить, ибо генерал-адъютанта Его Императорского Величества Гуссейн-хана

Подполковник
Максуд Алиханов с сыновьями.
Рукою М. Алиханова написано:
Адиль-Ханъ и Афизъ-Ханъ —
Дедушке Аш-Хану. 1 июня 1892 г.
Из семейного архива
академика Заура Хашаева

долгие годы лично знал и обожал Государь Николай Александрович.

И все же, несмотря на убедительные свидетельства о гибели Гуссейн-хана в 1918 году, автор не верит в такую столь жестокую кончину этой замечательной личности и вынашивает правдоподобность иной, более оптимистичной, версии.

В конце 1917 года Гуссейн-хану удалось перебраться в Финляндию, где он некоторое время проживал в Имарте и якобы там вскоре умер. Будем надеяться, что правда о последних годах жизни станет явью. В настоящее время архивы Финляндии

помогают нам выяснить судьбу генерала Гуссейн-хана Нахичеванского.

Келбали-хан не дожидаясь свадьбы своей младшей дочери Зарин-Тач-Бегум-Нахичеванской. Она стала женой любимца семьи Ханов Нахичеванских — Максуда Алиханова (1846—1907), в будущем генерала, художника, журналиста, писателя, этнографа, географа, политика. В их семье было два сына: Адиль-хан и Афиз-хан.

3 июля 1907 года генерал-лейтенант Максуд Алиханов был зверски убит террористами тайной армянской организации «Дашнакцутюн» в Александрополе Эриванской губернии. Благодаря стараниям Зарин, осенью 1907 года в высокогорный дагестанский Хунзах, некогда столицу аварского ханства, с огромным трудом были доставлены мраморные плиты для сооружения склепа на могиле ее любимого мужа. В 30-х годах строившие новый мир большевики взорвали его.

Уму не постижимо! По сей день, вот уже без малого целое столетие, на месте могилы Алиханова разбросаны куски мраморных плит разрушенного склепа. За что же была такая лютая месть единоверцев во времена Советов покойному? Ведь благодаря генерал-губернатору Тифлиса и Кутаиса генералу Максуду Алиханову, бесстрашному борцу с революцией 1905 года в Закавказье, Грузия тогда осталась на карте Императорской России. Теперь на карте ее нет.

ГЕНЕРАЛ ОТ КАВАЛЕРИИ ИСМАИЛ-ХАН НАХИЧЕВАНСКИЙ

Судьба этого замечательного воина, пожалуй, самая счастливая. И не потому, что он прожил долгую жизнь. «Всякая жизнь, хорошо прожитая, есть долгая жизнь», — утверждал великий Леонардо де Винчи. Жизнь Исмаил-хана была переполнена множеством добрых, важных и полезных дел. Хан до последнего дня был, как говорится, в седле, красиво «гарцевал» и вдыхал аромат долгой жизни полной грудью.

В конце года 1877 года Россия его возвышает до чина генерал-майора. Высочайший приказ был подписан от 19 декабря 1877 года. Этим же Высочайшим приказом сын Исмаил-хана **Аман-Улахан-Эксан-Ханов**, раненный в схватке с турками в бою перед цитаделью 6 июня 1877 года и находившийся в ней с отцом, награжден переводом в Лейб-Гвардии Казачий Полк в чине Корнета.

1878 год Исмаил-хан встретил кавалером самого главного военного ордена, Святого Георгия 4-й степени, Высочайший приказ о награждении которым был подписан 31 декабря 1877 года.

Сдав должность Командира Эриванского конно-иррегулярного полка 28 января 1878 года, генерал Исмаил-хан Нахичеванский вновь зачисляется состоять при Кавказской Армии.

В 1883 году он был удостоен чести представлять дворянство Эриванской губернии на коронации Импера-

тора Александра III и, по этому случаю, награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. Во время приезда Государя Императора в 1888 году в Тифлис, Исмаил-хан был в составе депутации от дворян Эриванской губернии и награжден орденом Святого Станислава 1-й степени.

Ранним утром 28 октября 1890 года город Нахичевань был разбужен приятной новостью. Знойный Кавказ — не прохладный Север, новости здесь распространяются быстрее света.

«Государь Император, по случаю исполнившегося сего числа пятидесятилетия службы Вашей в офицерских чинах, Всемилостивейше соизволил произвести Вас в Генерал-Лейтенанты, с оставлением при войсках Кавказского Военного Округа и с производством жалования по чину из усиленного оклада по 2034 рубля в год. Поздравляю Ваше Превосходительство с Монаршей милостью и с днем юбилея.

Военный Министр Генерал-Адъютант Ванновский».

В этот день все местное дворянство, чиновники и купцы являлись к почтенному юбиляру с горячими поздравлениями, от разных сословий произносились речи. Нахичеванское дворянство преподнесло юбиляру золотой массивный портсигар и прекрасную персидскую шаль, а обожающие хана местные армяне — огромный серебряный поднос. Весь город жил в этот день юбилеем своего земляка. Военные отдали положенные почести, играл духовой оркестр, в мечети была служба.

После прочтения многочисленных поздравительных телеграмм, гостями провозглашен тост за здоровье убежденного сединами юбиляра, и бурные овации долго не смолкали. Немало речей было произнесено в честь юбиляра о его деяниях и заслугах, о том, какую помощь он оказал жителям Нахичеванского уезда во время голодного года.

В 8 часов вечера во дворе Хана был устроен роскошный фейерверк, а в 10 часов, по настоятельной просьбе юбиляра, шумный и оживленный обед окончился. Исмаил-хан жил в Нахичевани спокойной и размерен-

ной жизнью, стараясь не отвлекать горожан на внимание к собственной персоне.

В начале 1895 года Исмаил-хан с радостью принял приглашение поехать с делегацией от Эриванской губернии на коронацию Государя Николая Александровича. Возвращаясь из Петербурга домой, счастливый, до предела усталый, он, к тому же, был перегружен уймой подарков на несколько тысяч рублей. 7 февраля, когда Хан уже проезжал Акстафу, какие-то грабители срезали с его экипажа сундук и корзину с подарками. Во всем Закавказье поднялся невероятный шум. Кого ограбили?!

Для кого-то такой грабеж мог бы обернуться большой трагедией, смертельным insultом, но не для Исмаил-хана. В его еще молодые 76 лет это вызвало лишь улыбку на его усталом лице, неизменно излучающем флюиды тепла. Письменные источники настойчиво напоминают его потомкам и всем нам, что Исмаил-хан был спокойным, добрым и щедрым.

Конечно, тут же вся полиция бросилась на поиски грабителей. Полиции предоставились редчайшие возможности надолго прославиться «пинкертонами». Но не было суждено. Сами разбойники, выяснив, какую знаменитость, по своему недомыслию, они обокрали, быстро сориентировались и полицию перехитрили. 10 февраля эти вещи в целости были подброшены. Правда, вернули не все, оставив себе на память три каких-то замысловатых орденских знака. Благо, у Исмаил-хана таких знаков было великое множество.

Случись в его доме настоящая беда, оставшись Исмаил-хан вообще без ничего, все равно, он никогда бы не обратился к Его Величеству за оказанием помощи своим детям или внукам. Независимый Исмаил-хан никогда бы не припадал к стопам Его Величества и не стал бы умолять Его окружение о помощи своим близким в случае смерти. Да простит нас Господь за упоминание о предсмертных просьбах Федора Эдуардовича Штоквича. Лишь истины ради обращаю внимание читателя, что покойный полковник Штоквич никогда не бедствовал, более того, он был весьма состоятельным офи-

цером, получая в год 3689 рублей за службу и 1000 рублей пожизненной пенсии. Общее денежное содержание полковника Штоквича превышало, без малого, в два раза годовой оклад полного генерала Исмаил-хана Нахичеванского. При жизни его брат генерал Келбалихан Нахичеванский также имел меньшее денежное содержание.

Постоянно напоминать о своем заслуженном прошлом было совершенно чуждо Исмаил-хану Нахичеванскому. Святое понятие «честь», включавшее и гордость, и скромность, не допускали обладания этой нескромной и даже унижительной манерой.

Здесь не место долгим повествованиям о счастливой судьбе Исмаил-хана Нахичеванского. О нем и о птенцах его теплого и уютного гнезда мы хотели бы иметь счастливую возможность рассказать отдельно.

Всю свою долгую жизнь Исмаил-хан верой и правдой служил Отечеству.

Высочайшим приказом по Военному Ведомству от 18 Августа 18-го дня 1908 года **Генерал-Лейтенант Исмаил-Хан** (он же Эксан-Хан-Оглы) был произведен в полные генералы от кавалерии и уволен от службы на заслуженный отдых с правом ношения генеральского мундира.

Все люди смертны. Уходят в мир иной даже те, которые больше нужны Земле, а не Небу. Бессмертие на Земле остается только в памяти будущих поколений. Народ и поныне бережно хранит память о Личности Исмаил-хана Нахичеванского.

Много лет назад, будучи в Варшаве, в составе делегации, я тайно, чтобы не узрели товарищи по Партии, проник на утреннюю службу в собор «Святого Креста», где похоронено сердце Фредерика Шопена. Погрузившись в волшебную дрему под величественные звуки органа и магическое вещание проповедника, я вздрогнул от ошеломившего наставления в проповеди. В память врезалась удивительная мудрость: **«Не бойся смерти физической, но опасайся гибели моральной!»**

Моральная гибель никогда не угрожала Исмаил-хану. В этом — главный смысл его долгой жизни на Земле.

10 февраля 1909 года нахичеванский телеграф распространил по всей многонациональной России печальную весть: *«Сегодня в 7 часов утра скончался защитник Баязета генерал от кавалерии Исмаил-Хан Нахичеванский».*

Некролог в газете «Кавказ» от 3 марта 1909 года напомнил общественности не только о величии этого человека. Впервые в истории было, наконец, заявлено об истинной исторической роли полковника Исмаил-Хана в далекие дни порохового июня 1877 года, в Баязете. Почувствовала ли витающая душа Исмаил-хана, что истина, так долго маскированная, вырвалась на белый свет? Привожу только небольшое извлечение из этого обстоятельного некролога:

«...Заслуги и отличия покойного Исмаил-хана достойно оценены историей двух наших кампаний против турок, но первенствующее между ними место должно быть, по справедливости, отведено «славному баязетскому сидению», когда, после смерти полковника Пацевича, покойный хан, приняв команду над гарнизоном, своей беспримерной храбростью, умелостью и твердостью поддерживал дух осажденных...»

Гарнизон героически сопротивлялся в течение 23 дней, питаясь в последнее время одной кониной. 28 июня генерал Тергукасов атаковал 13 000-й турецкий корпус, осаждавший цитадель, разбил корпус наголову и освободил доблестный гарнизон.

Помимо производства в военные чины за служебные отличия, покойный Исмаил-Хан имел следующие ордена: св. Станислава 3 ст. с мечами, 2-й ст. с Императорской короной и 1-ой степени (для нехристиан); св. Владимира 4 ст., с бантом, 3-й степени и 2-й степени; св. Георгия 4-ой степени, св. Анны 1 степени (для нехристиан) и пожалованные персидским шахом «Льва и Солнца» 3 степени, 2 степени со звездой и 1 степени и медали: серебряную 1837 г. за проезд Государя Императора по Кавказу; две светлобронзовые в память войн 1853—1856 и 1877—1878 гг. и серебряную в память царствования Императора Александра III.

В частной жизни покойный Исмаил-хан отличался необыкновенной добротой, был приветлив с окружающими, отзывчив к обращающимся к нему в нужде и весьма доступен для простого люда. Почти всю жизнь, за исключением времени, проведенного в походах, покойный прожил безвыездно в родном городишке Нахичевани и жил, — несмотря на свою состоятельность, очень просто, патриархально, а своими качествами души и сердца, ни разу не изменившими ему в продолжение долголетней жизни, он заслужил искренние симпатии всех его знавших.

Мир праху заслуженного воина, одного из лучших представителей нахичеванских мусульман!»

В главном храме славы русского оружия, Георгиевском Зале Большого Кремлевского Дворца, на настенных мраморных досках покоятся имена Георгиевских кавалеров — родных братьев и братьев по оружию — Келбали-хана и Исмаил-хана Нахичеванских. На этих мраморных досках вечной памяти героев России не указаны ни чины, ни заслуги награжденных. Все герои — на равном положении, их только время разделило.

На мраморной доске № 23, относящейся к 1855 году, золотом высечено:

Калболай Ханъ — Эксанъ Ханъ Оглы

На мраморной доске за № 33, где указаны имена героев России 1877 года, высечено тоже золотом:

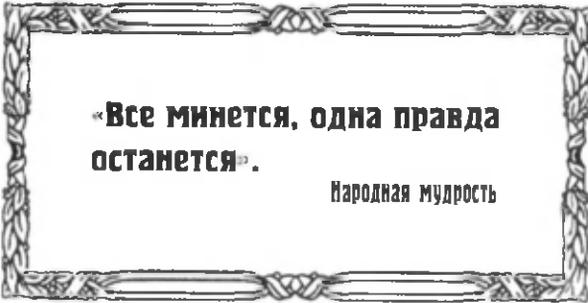
Исмаиль Ханъ

Георгиевский Зал Кремля уже не один век прочно стоит на своем мощном фундаменте. Отношение к заслугам героев, прописанным в нем на вечные времена, не подвластно ни времени, ни политическому устройству России.

Высеченные золотом имена не окисляются. Золото вечно.

**ВРЕМЯ РАССТАВИТ
ВСЕ НА СВОИ МЕСТА**

**«Все минется, одна правда
останется».**

Народная мудрость

Когда в Первую Мировую Войну надуманным подвигом майора Штоквича подбадривали идущих в бой бойцов Армии России, уже не было в живых главных героев Баязетского сидения, и пусть Земля им будет пухом. Но последующие поколения продолжали их жизнь.

В сводках Верховного командования Российской Армии конца 1916 года мне встречалась фамилия полковника Николая Григорьевича Пацевича, награжденного Золотым оружием «За храбрость». Знал ли он всю правду о гибели отца? Когда отец погиб, Коле Пацевичу было всего 8 лет. В Послужной Список Г.М. Пацевича все же не включены сведения о его безумном поступке в Баязете. Этот поступок нетрудно истолковать как измену Родине. Вооружи исполнителей чиновников этим толкованием, и жизнь малолетних детей была бы сломлена, окружена позором и лишена будущего. Венец боевой деятельности и жизни Г.М. Пацевича зафиксирован в Высочайшем приказе, опубликованном в «Русском Инвалиде» 18 августа 1877 года: *«Исключается из списков Подполковник Пацевич, умерший от ран, полученных в сражении с турками»*. Но молва о правде гибели Пацевича еще долго бродила среди участников обороны Баязета. Полковник Пацевич-младший своими признанными геройскими делами как бы заступился за своего отца и защитил его поколебленную честь.

Внуки героев Баязета Келбали-хана и Исмаил-хана Нахичеванских неуклонно продолжали добрые традиции своих заслуженных предков. Они отчаянно сражались в Первую Мировую Войну, получая за боевые отличия одну за другой Высочайшие награды. Один из многих внуков Келбали-хана, корнет Лейб-Гвардии Уланского Его Величества полка Келбали-хан всего лишь за неполные первые два года Мировой войны был награжден чином поручика, четырьмя боевыми орденами, да еще и Георгиевским оружием «За храбрость». Такое, даже на войне, случается редко. Вот только один из

текстов Высочайшего приказа по Военному Ведомству от 2 мая 1915 года:

«Утверждается пожалование командующим армией за отличие в делах против неприятеля, по удостоению Местной Думы Георгиевское оружие «За храбрость»: Лейб-Гвардии Уланского Его Величества полка Корнету Келбали Хану-Нахичеванскому за то, что 15 августа 1914 года у деревни Скоков, командуя левым крылом лавы 5-го эскадрона полка в составе взвода, будучи неожиданно обстрелян из-за стогов ружейным огнем, бросился туда и наткнулся на австрийцев силою до эскадрона, атаковал противника и обратил его в бегство, преследуя до наступления темноты».

(«Русский инвалид», 6 мая 1915 года, № 106)

А сколько доблестных дел совершено другими витязями из рода Ханов Нахичеванских? Повествования о них не умещаются в этой книге. Приходится лишь соглашаться: народная мудрость, утверждающая, что *«природа отдыхает на детях»*, никак не применима к родовому древу Ханов Нахичеванских.

Потомки всех ханов Нахичеванских и по сей день бережно хранят в памяти страницы прошлого, буквально по крупицам собирают новые сведения о ратных делах и благих поступках своих предков.

Все пять поколений Ханов Нахичеванских во все времена верно служили своему Отечеству. *Среди них, и этот факт бесспорен, никогда не было ни одного изменника и даже слабодушного.*

Любопытна одна генетическая деталь, касающаяся рода Ханов Нахичеванских.

Максуд Алиханов породнился с семьей Келбалихана, будучи уже прославленным героем и выдающейся личностью. Благословив свою младшую дочь Зарин-Тачь-Бегун Нахичеванскую на брак с Максудом Алихановым, достоинства генетического наследия которого были хорошо известны, Келбали-хан Нахичеванский передал будущей семье приданое особого качества — родовое нравственное богатство. В условиях такой духовной роскоши и традиций безграничной

отваги, заимствованных от предшествующих поколений, их сын **Афиз-хан Алиханов-Аварский** был обречен на неуклонное продолжение благородных дел своих предков. Четыре поколения по линии матери и два — по линии отца составили для него четкую формулу жизни. У Афиз-хана не было и не могло быть извечных философских вопросов, что делать, как жить и какой путь выбрать в жизни? Он уже был заранее предначертан и, несмотря на многочисленные и очевидные развилки в жизни, путь этот, все равно, приводил к храму. Зов предков, подобно млечному пути, помогал идти дорогой приумножения родовой славы и ничего не теряя на пути.

Предначертанным оказалось и сближение Афиз-хана со сверстниками из Ханов Нахичеванских. Суровые условия войны разрушали семейные планы и препятствовали единению. Но с начала Первой Мировой войны Афиз-хан Алиханов-Аварский оказался в Уланском Его Величества полку рядом с двумя внуками Келбали-хана, Эксан-ханом и Келбали-ханом Нахичеванскими. За два года войны корнет Афиз-хан Алиханов-Аварский был награжден пятью боевыми орденами (такое даже его отцу не удавалось!). И не только он один, все трое боевых друзей были отчаянными храбрецами и никак не желали уступать друг другу в наградах. Нет места у нас в этой книге, чтобы нарисовать яркую картину их отваги.

Богатый опыт векового конструирования семей в роду Ханов Нахичеванских мог бы послужить блестящим примером и назиданием для необозримого количества семей на Планете Земля. И независимо от их вероисповедания. Нашей беспокойной Планете это необходимо, как никогда.

Теперь о самом главном в нашем отступлении от темы книги.

Если родство Ханов Нахичеванских с Алихановыми-Аварскими дало богатые всходы, а материнские земли Нахичевани и Хунзаха давно прославились подвигами и подарили Миру легендарных храбрецов, то напрашивается и родство Нахичевани с Хунзахом.

О нескольких поколениях храбрецов Нахичевани из рода Ханов Нахичеванских мы уже поведали читателю. О войне отчаянной храбрости из Хунзаха, Хаджи — Мурате, известно любому школьнику. История Кавказской войны бережно хранит память о храбрце Ахульго Али-Беке и верном соратнике Шамиля Ахверды-Магоме. Несмотря на искусственные преграды, нарастает волна возрождения имени знаменитого рыцаря из Хунзаха, генерал-лейтенанта Максуда Алиханова.

Возможно, такое родство двух концентроров с историческими примерами верного служения своему Отечеству, с концентрацией эталонов отваги и духовной чистоты, возродит и новые генетические линии. Опираясь на прошлое, время их поведет по восходящей спирали.

Руководители Администраций Нахичевани и Хунзаха, откликнитесь на нашу идею побратимости Хунзаха и Нахичевани. Здесь мы видим идеальный случай братства на равных. Время должно помочь становлению такого благородного содружества.

Когда автор этих строк, наконец, побывает в Нахичевани и в очередной раз насладится чистым воздухом высокогорного Хунзаха, возможно, на изящных стелах при въезде туда, уже будет высечено: «**Нахичевань и Хунзах — побратимы**». Толпы туристов, прибывших в Нахичевань, непременно пожелают побывать в Хунзахе.

Пусть это родство принесет двум столицам героизма благополучие, процветание и царствование чистоты нравов.

Наша повесть завершается и возвращаемся к теме о Баязете.

Ныне здравствующим из родов Ханов Нахичеванских и Алихановых-Аварских, потомкам героев Баязета, да и всем нам, любящим свое былое, вовсе не безразлично, когда *черное* именуют *белым* и наоборот, но свет полнокровной истины на баязетскую эпопею долгие годы не проливался.

Истинная правда об обороне Баязета и ее настоящих героях, вольно или невольно, скрывалась от мира целых 128 лет. Пока новое издание книги готовилось к

печати, вновь на голубом экране объявился телесериал «Баязет», опять предпринималась попытка навязать обществу, взамен увлекательной были, явную фальшь. Закройщики от истории, не желая считаться со временем, никак не унимаются.

Продолжает предаваться забвению древняя мудрость:

**«ОДИН ЕСТЬ ПУТЬ – ПУТЬ ИСТИНЫ,
ВСЕ ОСТАЛЬНЫЕ НЕ ПУТИ»**

Давайте низко поклонимся этой мудрости!

ОГЛАВЛЕНИЕ

К Читателю	5
А тот ли Баязет?	13
Эриванский отряд наступает на Баязет	23
Баязет: былое и настоящее	33
Турки наступают на Баязет, а русский гарнизон благоденствует	39
Добровольно – в погибель	77
Подвиг Исмаил-хана Нахичеванского	91
Толчя у ворот ада	101
Бросок к Баязету Келбали-хана Нахичеванского	111
Осада	121
И нет ничего удивительного, что объявились турки	123
Капитуляция	128
Исмаил-хан Нахичеванский руководит обороной цитадели	136
Будни обреченных	141
Конец блокады Баязета: радости и печали	157
«Спасителя» Баязета генерала Фаик-пашу – под Военный трибунал	171
Наш взгляд на судебные материалы по процессу Фаик-паши	173
Обвинительный Акт Анатолийского Военного Суда	175
Показания русских пленных и турецкого военачальника	182
Заключительная часть последнего слова генерала Фаик-паши	185
Приговор Военного Суда	185

Как ручеек фальши перерос в бурный поток лжи	189
Разные судьбы участников обороны Баязета	205
Александра Ефимовна Ковалевская	207
Подполковник Г.М. Пацевич и его сироты	210
Полковник Ф.Э. Штоквич	212
Генерал-майор Келбали-хан Нахичеванский	219
Генерал от кавалерии Исмаил-хан Нахичеванский	225
Время расставит все на свои места	231

**Книга издана
на средства
автора**

ИВАНОВ
Рудольф Николаевич

**ОБОРОНА БАЯЗЕТА:
ПРАВДА И ЛОЖЬ**
Документальная повесть

*Издание второе,
исправленное и дополненное*

Компьютерная верстка *Е.И. Воронков*
Оформление и обложка *Р.Н. Иванов*
Корректор *Н.Н. Грузинская*

Иллюстрации и орнаменты — из коллекции автора

Подписано в печать 15.04.05.
Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 6076

Отпечатано с готовых диапозитивов в филиале Государственного ордена
Октябрьской Революции, Ордена Трудового Красного Знамени
Московского предприятия «Первая Образцовая типография»
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
115114, Москва, Шлюзовая наб., 10